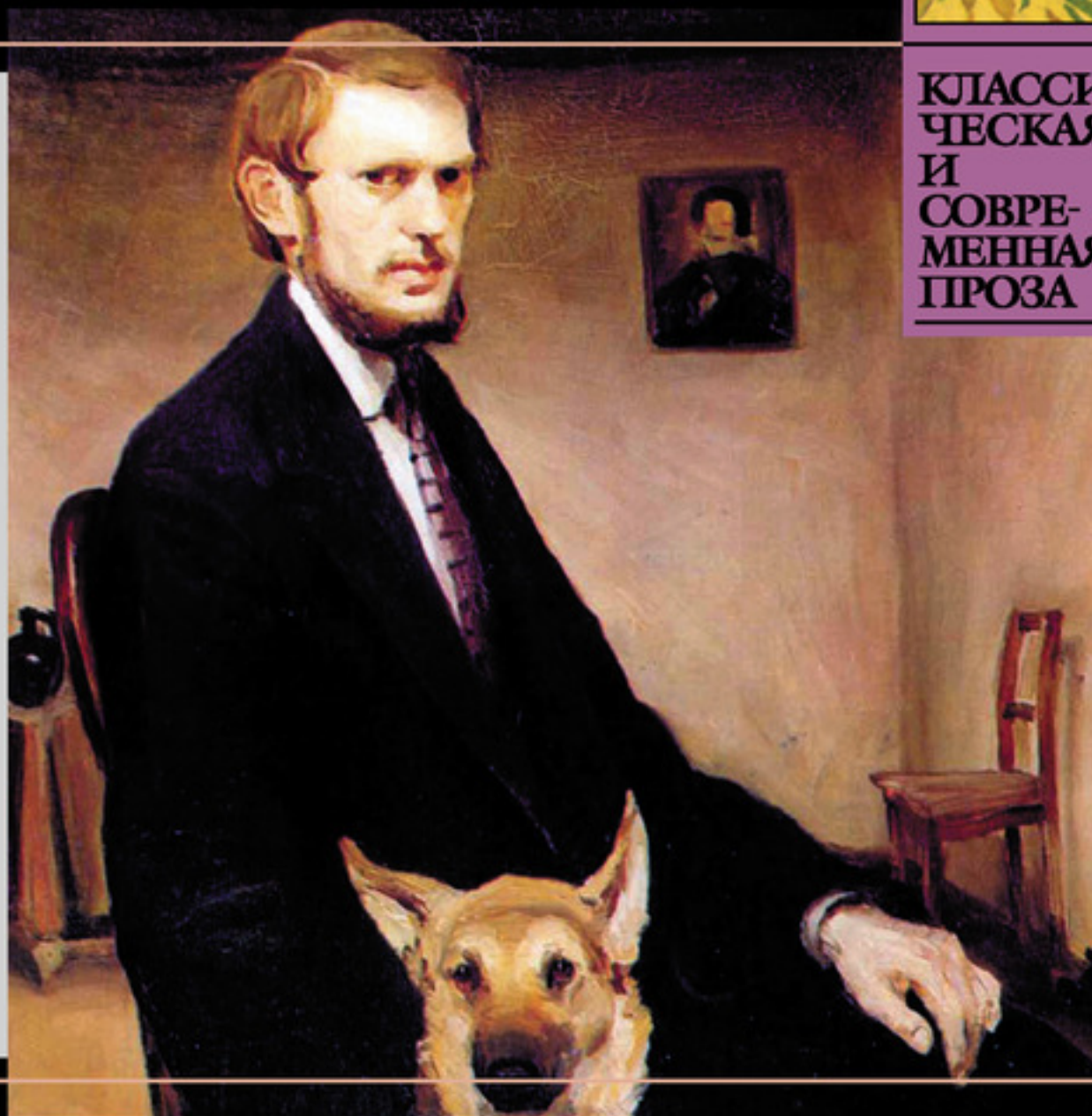

КЛАССИ-
ЧЕСКАЯ
И
СОВРЕ-
МЕННАЯ
ПРОЗА

Ирвин

ШОУ

Ирвин Шоу Хлеб по водам

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7062672

Хлеб по водам : [роман] / Ирвин Шоу; пер. с англ. Н.В. Рейн.: АСТ, Астрель; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-070535-1, 978-5-271-33570-9

Аннотация

Что такое любовь? Нет, не любовь поэзии и песен, а просто – чувство?

Что такое жизнь? Не жизнь в понимании философов и писателей, а просто – человеческая?

Что такое счастье? Что такое память? Кто знает? Кто скажет?

Каждый из нас – одинок, и каждый плывет по жребия своему, изо дня в день, из прошлого в будущее, – аки хлеб по водам...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	44
Глава 5	55
Глава 6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ирвин Шоу

Хлеб по водам

*«Отпускай хлеб твой по водам, ибо по прошествии многих дней
опять найдешь его».*
Екклесиаст, 11:1

Серия «Классическая и современная проза» основана в 2000 году

Irwin Shaw
BREAD UPON THE WATERS

*Перевод с английского Н.В. Рейн
Оформление А.А. Кудрявцева
Компьютерный дизайн Ж.А. Якушевой*

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства The Marsh Agency Ltd.

© Irwin Shaw, 1981
© Перевод. Н.В. Рейн, 2000
© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Часть первая

Глава 1

Он лежал в постели в каком-то незнакомом месте. Вокруг шепот, шорохи, мелькание белого. Непонятные приборы. Отдаленный рокот морского прибоя. Или это приливы и отливы крови, пульсирующей в висках?.. Он плыл – неизвестно куда. Открыть глаза было трудно, веки страшно отяжелели. Потом вдруг появился человек. Он шагал в лучах весеннего солнца. У него возникло ощущение, что где-то он уже видел этого человека. А потом вдруг понял: да это же он сам...

Аллен Стрэнд ступил в зеленую благоухающую прохладу Центрального парка. Шум Пятой авеню стих у него за спиной. Двигался он лениво и медленно, праздной походкой. По будням он не ходил, скорее бегал вприпрыжку, длинными скачками – высокая худощавая фигура, увенчанная небольшой головой. Длинный острый нос напоминал бушприт корабля, овеваемый океанскими ветрами. Крылья серо-стальных волос то вздымались, то опускались в такт неровной походке. Как-то раз его дочь Элеонор случайно столкнулась с ним на улице и потом часто говорила, что не хватало только волн, которые отец рассекал бы на своем пути, проплывая в потоке движения.

Он с удовольствием подумал, что сегодня вечером увидит Элеонор. У девочки наблюдательный глаз, и на язычок она тоже остра. И хотя реплики, которые юная особа отпускала за столом, вовсе не всегда были уничижительны, ее присутствие придавало семейным обедам ощущение балансирования на острие ножа. Ему страшно захотелось поскорее увидеть дочь. Шагая по тропинке, вдоль которой стояли скамейки, Стрэнд вдруг подумал, что без Элеонор семейный обед превратился бы в тоскливый, утомительный ритуал.

Утро выдалось серенькое, да к тому же еще и ветреное. Выходя из школы, он решил, что неплохо бы сейчас сесть на автобус и поехать в Музей современного искусства, почетным членом совета которого он являлся – тоже одна из его причуд, – и посмотреть перед обедом какой-нибудь фильм. Кажется, сегодня там показывают «Форт апачей». Прелестный пересказ наивного героического американского мифа, настоящее противоядие для любого скептика. Стрэнд уже видел картину пару раз, но она ему вовсе не наскучила – наоборот, он прикипел к этой незамысловатой истории всей душой. Как ребенок, который требует, чтобы на ночь ему непременно рассказывали одну и ту же сказку.

Но к полудню ветер немного стих, небо прояснилось, и Стрэнд решил пожертвовать фильмом ради одной из любимейших своих прогулок: пройти по парку несколько миль к западу, по дороге от школы, где он преподавал, к дому.

Трава пахла сильно и незатейливо, как за городом, свежая листва деревьев отсвечивала под майским солнцем бледно-лимонным. Он брел ленивой походкой зеваки. Остановился и, усмехаясь, понаблюдал, как пудель гоняет голубя. Потом какое-то время смотрел, как мальчишки играют в мяч. Полюбовался парочкой – красивым молодым человеком и миловидной девушкой. Те брели, мечтательно и заговорщицки улыбаясь, лица светились чувственным предвкушением. Они шли по тропинке навстречу ему, но не замечали, не видели его.

«Вот она, плоть мая, – подумал Стрэнд. – Да благословен будь Господь – за то, что подарил нам весну и эту пятницу!..» Он никогда не считал себя таким уж праведным христианином, но в этот день душа пела и взывала к благодарности.

Сегодня он свободен. Дела сделаны. Проверены все контрольные на тему «Последствия Гражданской войны». А работы по Аппоматтоксу¹ и Реконструкции² оставлены в столе. На протяжении целых двух дней дети, которых он учил, будут предоставлены сами себе, и никакой ответственности он за них не несет. Наверняка носятся сейчас по школьной площадке, играют. А может, проводят сексуальные эксперименты где-нибудь на чердаке или прячутся по подворотням и покуривают марихуану. Или же наполняют шприцы только что купленным героином – так, во всяком случае, утверждал тот толстяк в кепке-бейсболке, что постоянно торчал на углу неподалеку от здания школы.

Руки у Стрэнда были ничем не заняты. Он наклонился, подобрал с земли маленький круглый камешек и некоторое время нес его, вертя в пальцах и с наслаждением ощущая нагретую солнцем гладкую жесткую поверхность.

Обед у них подают поздно, ждут, пока соберется вся семья. И он решил, что вполне может позволить себе свернуть с дорожки и задержаться у теннисных кортов. Там должна была играть сегодня его младшая дочь, Кэролайн. Девочка росла заядлой спортсменкой. Никаких там марихуан или героина, с удовлетворением подумал он, от души сочувствуя менее удачливым родителям. Нет, весна, выходные и погода явно настраивали на мирный и благородный лад.

Даже издавлек Стрэнд сразу узнал Кэролайн – по манере двигаться. Она играла резко, напористо, слегка подпрыгивая, решительно бросалась на мяч. И еще ее отличала какая-то мальчишеская привычка запускать пальцы в коротко стриженные светлые волосы и приглаживать их – всякий раз, когда удавалось отыграть очко.

Стройная, довольно высокая для своего возраста девушка в теннисных шортах. Крепкие, хорошо развитые груди, широкие плечи, длинные стройные ноги, которые всегда привлекали внимание зрителей. Как заметил Стрэнд, ими в данный момент любовался какой-то зевака. Молодой человек, с которым играла Кэролайн, выглядел в сравнении с ней хрупким и худосочным.

О марихуане и героине не может быть и речи, подумал Стрэнд. А вот как насчет секса?.. Семнадцать лет, в наши-то дни... Он покачал головой. А чем, интересно, занимался он сам, когда ему было семнадцать? Да что там, даже меньше! А сколько лет было тем девчонкам, с которыми он проделывал все это?.. Уж лучше не вспоминать. Как бы там ни было, но вопросы полового воспитания находились в ведении матери Кэролайн. И он был совершенно уверен, что та справлялась. Сам он уже успел откровенно обсудить эту тему с сыном и, надо сказать, не заметил у того какого-либо отвращения, страха или нездорового интереса.

Несмотря на то что молодой человек, партнер Кэролайн, показался Стрэнду довольно хилым, бил он по мячу сильно, и обмены ударами были резкими и частыми. Стрэнд дождался, пока дочь не ответит на высокий пас сокрушительным смэшем, и крикнул: «Браво!» Кэролайн обернулась, увидела отца, приветственно махнула ракеткой, подошла к изгороди, за которой он стоял, и послала ему воздушный поцелуй. Щеки девушки покраснелись, волосы взмокли от пота, но Стрэнд нашел, что выглядит дочь восхитительно. Хотя и заметил, какое напряженное и осунувшееся у нее лицо. От этого нос, который, увы, являл собой уменьшенную копию его собственного, казался еще более длинным и острым, чем обычно.

– Привет, пап! – улыбнулась девушка. – Он меня просто убивает, этот Стив!.. Эй, Стив! – крикнула она. – Иди, поздоровайся с моим отцом.

– Не хочу вам мешать, – сказал Стрэнд.

¹ Небольшой город в штате Виргиния, где в 1865 г. генерал Ли, командующий армией Конфедерации, сдался генералу Гранту. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Период в истории США в течение 10 лет после окончания Гражданской войны 1861–1865 гг.

– Зато я хотя бы смогу перевести дух, – отозвалась Кэролайн. – Грех не воспользоваться.

Стив подошел к изгороди, откидывая прилипшие ко лбу волосы.

– Рад познакомиться, сэр, – вежливо произнес он. – Кэролайн говорила, вы были ее первым учителем по теннису.

– О, она начала обыгрывать меня уже с девяти лет! Теперь только наблюдаю, – ответил Стрэнд.

– Меня она тоже обыгрывает, – сказал Стив и грустно улыбнулся краешками губ.

– Только в те дни, когда ты пребываешь в глубочайшей депрессии, – заметила Кэролайн.

– Мне не нравится, когда ты говоришь такие вещи, Кэролайн! – огрызнулся молодой человек. – Просто иногда бывает трудно собраться, вот и все... И никакая это не депрессия.

– Да перестань ты! – Кэролайн дружески хлопнула его по плечу. – Я ж не имела в виду ничего такого особенного. Не говорила, что, проиграв сет, ты потом всю ночь рыдаешь в подушку. Пошутила, и ладно.

– Не хочу, чтобы у людей складывалось обо мне превратное впечатление, – упрямо продолжал юноша.

– Слишком уж ты чувствительный. Не стоит лишний раз это демонстрировать, – рассердилась Кэролайн. – Вообще-то он не всегда такой, пап, – добавила она. – Просто не любит, когда за ним наблюдают во время игры.

– Что ж, можно понять, – дипломатично согласился Стрэнд. – Я бы и сам продолжал играть в теннис, если бы можно было изобрести способ делать это в полной темноте. Ладно, мне, пожалуй, пора...

– Был очень рад познакомиться, сэр. – И юноша двинулся на свое место по ту сторону сетки, нервно теребя прилипшие к шее волосы.

– Ты уж извини его, па, – сказала Кэролайн. – У него было трудное детство.

– Однако это, похоже, ничуть не помешало ему освоить теннис, – заметил Стрэнд. – Интересно знать, повлияло ли на тебя трудное детство?

– Ну, папа! – Кэролайн отмахнулась ракеткой. – Перестань дразниться!

– Увидимся дома. Смотри, не очень опаздывай!

Еще какое-то время он смотрел, как молодые люди обмениваются ударами. Металлические ракетки так и сверкали в воздухе. Сам он в их возрасте не был столь силен и скор. Зато быстро читал, подумал он, направляясь к дому. Но медленно бегал... Каждому свое. У всякого свой талант и свой выбор. Впрочем, не важно. Он нашел, чем компенсировать быстроту движений.

Александр, управляющий домом, стоял, прислонившись к стене, возле стеклянной входной двери, и курил сигару. То был довольно светлый мулат с шапочкой коротко подстриженных седых волос. Улыбался он крайне редко. Впрочем, это можно было понять, если учесть, в каком районе находился их дом. Дальним своим концом улица выходила на вызывавшую к респектабельности Коламбус-авеню, а здесь, под окнами, частенько завывали полицейские сирены.

– Добрый вечер, Александр, – поздоровался Стрэнд.

– Добрый вечер, мистер Стрэнд, – ответил тот, не вынимая изо рта сигары. Он был, наверное, последним человеком в Нью-Йорке, до сих пор носившим мундир времен Второй мировой. Словно для него эта война еще не кончилась, а просто перешла в некую иную фазу.

– Славный нынче выдался денек, верно? – Стрэнду нравился этот человек. Он не переставал восхищаться тем, как удавалось Александру содержать их старый, постройки 1910 года, дом в относительно приличном состоянии.

– Да, денек хоть куда, – ворчливо отозвался старик. – А чего еще ждать после такой сучьей зимы?.. Хотя хорошая погода – это ненадолго. Завтра обещали дождь. – Оптимизм, как и улыбочность, не были присущи Александру. – Ваша хозяйка уже дома, – вдруг сообщил он. – И сынишка тоже... – Таким образом управляющий как бы давал понять, что следит за тем, кто входит в его дом и кто выходит. Он во всем любил порядок и записывал все посещения по дням, часам и минутам. Очевидно, это помогало свести к минимуму разного рода неприятные неожиданности.

– Спасибо, – ответил Стрэнд. На Пасху он подарил Александру двадцать пять долларов и бутылку виски «Уайлд Терки». Жена было запротестовала при виде такой расточительности, на что Стрэнд возразил: «Мы в долгу у этого человека. Он тот страж, который защищает нас от хаоса». Александр коротко поблагодарил Стрэнда, но отношения к жильцу, во всяком случае внешне, не изменил.

Открыв дверь в квартиру, Стрэнд услышал музыку – звуки фортепиано из гостиной и тихое треньканье электрогитары. Из кухни пахло чем-то страшно аппетитным и вкусным. Он улыбнулся – его ждали и готовились встретить должным образом. Игра на пианино объяснялась просто: Лесли давала очередной урок музыки. В свое время жена поступила в Джуллиард³ с намерением стать профессиональной пианисткой. Выучилась и играла хорошо, но, очевидно, недостаточно хорошо для того, чтобы концерттировать. Теперь же она давала частные уроки на дому и еще три раза в неделю преподавала историю музыки в соседней школе, внося тем самым существенный вклад в семейный бюджет. Из этих денег частично оплачивалось обучение Кэролайн. Если учесть постоянно растущую плату за жилье, то без заработков Лесли они вряд ли смогли бы позволить себе содержать эту квартиру в старом доме с просторными комнатами и высокими потолками.

Робкое бречание гитары доносилось из-за закрытых дверей комнаты сына, Джимми. Мальчик унаследовал музыкальные способности от матери, чего нельзя было сказать о вкусах – их взгляды на достоинство того или иного композитора серьезно расходились.

Стрэнд не стал беспокоить музыкантов и направился в столовую. Звуки гитары сюда не проникали, зато он отчетливо слышал то игру ученика, то Лесли. Отличить было несложно, а исполняли они отрывок из этюда Шопена. По манере игры он тут же догадался, кто этот ученик: сценарист с телевидения, который почему-то питал особое пристрастие к Шопену. Заняться игрой на пианино этому человеку посоветовал психоаналитик – чтобы снять напряжение. Быть может, ему удалось снять это самое напряжение, подумал Стрэнд, прислушиваясь к аккордам, вот только бедняга Шопен ничуть не выиграл.

Ученики к Лесли ходили самые разнообразные. К примеру, некий полицейский с очень хорошим слухом и корявыми, непослушными пальцами – бедняга посвящал музицированию все свободное время. Ходила тринадцатилетняя девочка, родители которой вообразили, что у нее талант. Их мнения Лесли не разделяла. Посещал уроки некий адвокат – он уверял, что с большей радостью готов бречать на фортепиано в борделе, нежели выступать в суде. У Лесли брали уроки и несколько преподавателей музыки, когда хотели получше подготовиться к занятиям. Словом, работа у жены была живой и интересной, к тому же на дому.

Сам Стрэнд любил музыку и, когда мог себе это позволить, возил Лесли в оперу. И хотя звуки, доносившиеся из гостиной и комнаты Джимми, порой заставляли его морщиться, ему нравилось, что дом их почти всегда наполнен музыкой. А когда надо было поработать, он запирался в своей спальне, где стоял письменный стол.

Тихонько мурлыкая мелодию, которую сейчас исполняла жена для нервного сценариста, Стрэнд устроился за старинным круглым дубовым столом в столовой, стены которой украшали пейзажи, написанные Лесли в свободное время. Взял свежий выпуск «Нью-Йорк

³ Знаменитая музыкальная школа в Нью-Йорке, основана в 1946 г.

таймс», лежавший на столе. Вот она, судьба, подумал он и достал яблоко из вазы с фруктами, стоявшей посередине. Надкусив, начал проглядывать заголовки статей – Лесли всегда оставляла ему газету, поскольку утром у него просто не было времени дочитать ее до конца. Он сжевал уже половину яблока, когда звуки пианино стихли, двери между столовой и гостиной растворились. Вошла Лесли, а следом за ней – сценарист. Стрэнд поднялся им навстречу.

– О, да ты уже дома! – Жена чмокнула его в щеку. – А я и не слышала, как ты вошел.

– Сидел и наслаждался концертом, – ответил Стрэнд. От жены исходил запах свежести. Длинные белокурые волосы, собранные в пучок на затылке, немного растрепались – она имела привычку энергично встряхивать головой во время игры. Как приятно приходиться в дом, где тебя ждет такая славная женщина, подумал он. Он был ее преподавателем в старшем классе и, впервые увидев Лесли, скромно сидевшую в первом ряду, тут же подумал: вот на этой девушке я и женюсь. Школы в ту пору в Нью-Йорке были совсем не те, что теперь. Девушки носили платья и аккуратные прически, и никто не считал, что выглядеть скромно неуместно и глупо. Он узнал ее адрес и терпеливо ждал, пока девушка окончит школу. А потом вдруг появился к ней домой – к изумлению Лесли и неудовольствию ее родителей, убежденных, что работа в школе – удел неудачников. Поженились они, когда Лесли окончила первый курс в Джуллиарде. Потом родилась Элеонор, и родители изменили мнение о нем – впрочем, не слишком кардинально. Как бы там ни было, теперь родители Лесли проживали в Палм-Спрингс, и он никогда не читал их писем к дочери.

– Надеюсь, мы не слишком вам помешали, – проговорил телевизионщик.

– О нет, напротив! – воскликнул Стрэнд. – У вас, надо сказать, очень неплохо получалось, мистер Кроувелл.

– Ну, вы, должно быть, имеете в виду игру жены, – возразил Кроувелл. Похоже, музыка ничуть не помогла ему снять стресс.

Стрэнд рассмеялся.

– Я всегда узнаю ее игру, мистер Кроувелл.

– Уверен в этом, – кивнул тот.

– Мы с мистером Кроувеллом собирались выпить по чашке чаю, – сказала Лесли. – Ты будешь, Аллен?

– С удовольствием.

– Тогда извините меня, я на минутку. Чайник уже на плите. – И Лесли направилась в кухню. Стрэнд любовался ее стройной фигурой, изящным изгибом шеи, синей юбкой и белой простенькой блузкой, точь-в-точь такой, какие носят школьницы. Сильные крепкие ноги, светлые волосы – старшая дочь была очень похожа на Лесли.

– Замечательная женщина... – пробормотал Кроувелл. – У нее просто ангельское терпение.

– А вы женаты, мистер Кроувелл?

– Был. Дважды, – мрачно ответил тот. – И сейчас собираюсь, в третий раз. По уши увяз в алиментах.

У него было одутловатое измученное лицо, напоминавшее несвежую очищенную картофелину. Лесли говорила мужу, что этот человек придумывает трюки и смешные шутки для комедий положений. Судя по выражению лица Кроувелла, то была изматывающая профессия. Он брал уроки дважды в неделю и платил за полчаса занятий по двадцать долларов. Его мучения, по всей видимости, были не напрасными, особенно с тех пор, как он по пять раз на неделе стал бегать к психоаналитику. Вот она, модель современной американской экономики в действии, подумал Стрэнд. Построчная оплата, визиты к психоаналитику и алименты.

– Как-нибудь, – говорил тем временем Кроувелл, – нам с вами надо посидеть, выпить. И вы откроете мне секрет: как это мужчине удалось сохранить брак в наши дни и в таком возрасте.

– Понятия не имею! – с улыбкой отозвался Стрэнд. – Просто везение, наверное. А может быть, лень. Консервативное неприятие каких-либо перемен.

– Да... – недоверчиво протянул Кроувелл. Затем покосился на газету, лежавшую на столе. – Неужели вы все еще можете читать эти ужасные газеты?!

– Порочная привычка.

– Лично меня они просто с ума сводят!

– Садитесь, садитесь, – вмешалась Лесли.

Она принесла из кухни поднос, на котором стояли чайный сервиз и блюдо с печеньем. Разлила чай – Стрэнд отметил, какая твердая у нее рука, – и стала предлагать печенье. Кроувелл печально покачал головой.

– Сажу на диете, – объяснил он. – Холестерин, давление. Масса болячек.

Стрэнд взял целую пригоршню печенья. Много он не пил, никогда не курил, но был страшным сладкоежкой. И несмотря на это, с двадцати лет не прибавил и фунта. Он заметил угрюмый взгляд гостя, устремленный на горку печенья. Кроувелл предпочитал чай с молоком, но, когда на его вопрос, обезжиренное ли это молоко, Лесли ответила «нет», решил выпить чай без молока и сахара.

Лесли, радушная хозяйка, исправно поддерживала беседу – спросила, нет ли у Кроувелла желания на время оставить Шопена и попробовать заняться Моцартом. Кроувелл ответил отрицательно. Нет, на его вкус, Моцарт был слишком уж самоуверенным типом.

– Однако конец его был трагичен, – напомнила Лесли. – Он умер таким молодым.

– Как бы там ни было, – заметил Кроувелл, – он всегда очень четко осознавал, что делает. В Шопене есть по крайней мере хоть какая-то меланхолия...

Лесли вздохнула.

– Как скажете, мистер Кроувелл. Тогда в следующий вторник продолжим работать над вальсом ми-бемоль мажор.

– Он у меня в голове, – сообщил Кроувелл. – Слышу ноту за нотой, все замечательно. А когда начинаю играть, почему-то не выходит.

– Практика, – тактично вставила Лесли. Голос у нее был мелодичный, низкий и напоминал тихий минорный аккорд. – Все получится, все придет.

– Вы это серьезно, миссис Стрэнд? – подозрительно спросил Кроувелл.

Лесли заколебалась.

– Нет, – ответила она наконец и улыбнулась.

Стрэнд, продолжая жевать печенье, тихо засмеялся. В конце концов Кроувелл не выдержал и тоже расхохотался.

Когда он ушел, Стрэнд помог жене отнести чайные чашки и блюдца на кухню. Когда Лесли стала надевать фартук, он подошел, обнял ее сзади и поцеловал в шею. А потом положил руку ей на грудь.

– Догадайся, чем мне хочется сейчас заняться? – спросил он.

– Тсс!.. – шикнула на него Лесли. – Джимми дома. Сам знаешь, у него привычка входить без стука.

– Я же не сказал, что займусь. Я сказал, что мне очень хотелось бы заняться...

– Должно быть, ты в чем-то провинился, раз так обхаживаешь меня сегодня, – улыбнулась Лесли. – Или просто день выдался удачный?

– Да. Прекрасно погулял по парку. Кругом все зеленеет. – Он отпустил жену. – Видел, как Кэролайн играет в теннис.

– Ох уж эта девчонка! – вздохнула Лесли. – Скоро ножищи у нее будут как у штангиста!

– Не преувеличивай. Похоже, пока такой опасности не предвидится.

– И с кем же она играла? – спросила Лесли, помешивая соус в низенькой кастрюльке.

– Новенький, – ответил Стрэнд. – Вообще удар у него неплохой, но на первый взгляд мальчик показался мне слишком тощим.

– Надеюсь, ты не стал смущать парня и изображать сурового старого отца дочери-девицы?

– О чем это ты?! – воскликнул Стрэнд, хотя прекрасно понимал, что имеет в виду жена. После двадцати трех лет совместной жизни им удалось выработать определенные стандарты поведения – особенно в том, что касалось отношения к детям. Эмоциональная, наделенная широким кругозором Лесли частенько говорила мужу – порой с улыбкой, порой без оной, – что, несмотря на семилетнюю разницу в возрасте, их на самом деле отделяли друг от друга целых три поколения.

– Ты отлично знаешь, о чем, – сказала она. – Я помню, как ты однажды устался на того несчастного молодого человека, с которым у Элеонор завязался роман. Да ребята превратились в сталагмиты, еще и порога не успев переступить!

– Они должны быть мне благодарны, – возразил Стрэнд, испытывая странное удовольствие от этого спора. – Я сразу дал понять, чем может кончиться их дальнейшая совместная жизнь. А ты сама-то помнишь, какой климат царил в твоём доме, когда я там впервые появился?

Лесли хихикнула.

– Полярный, – ответила она. – А знаешь, что мне больше всего тогда в тебе нравилось? То, что ты словно и не обращал на все это внимания. Но с другой стороны, тогда ты был уже достаточно взрослым...

– Это твой отец помешал мне по-настоящему повзрослеть.

– Что ж, – кивнула Лесли, – думаю, тебе это только на пользу пошло.

– Спасибо, дорогая. – Стрэнд отвесил ей шутливый поклон.

– В любом случае, раз Кэролайн решила поиграть с парнем, который представляет собой достойного соперника, так ли уж важно, как он выглядит и чем занимается вне корта?.. К тому же, кажется, я его знаю. Она вас познакомила?

– Парня зовут Стив. Очевидно, дочь решила, что фамилию называть не стоит.

– Стив... Да. Точно, Стив! Он как-то пару раз заходил днем. Очень славный мальчик.

Стрэнд вздохнул.

– Думаю, ты бы изменила мнение о прекрасной и невинной молодежи, если бы тебе, как мне, приходилось воевать с этими чертенятами по пять дней на неделе.

– Попроси, чтобы тебя перевели в более приличную школу, – сказала Лесли. – Я тебе тысячу раз говорила...

– Лучше скажи это Совету по вопросам образования. – Стрэнд взял еще одно печенье. – По их мнению, такого понятия, как приличная школа, просто не существует. К тому же мне нравится принимать вызов. Да каждый дурак может преподавать в Сент-Поле⁴ или Экзетере⁵. – Сам он был вовсе не уверен, что дело обстоит именно так, но голос звучал убедительно.

– Ты позволяешь помыкать собой всем и каждому! – сказала Лесли и гневно тряхнула головой.

Стрэнд снова вздохнул. Ну вот, завела свою песню...

– Знаешь, – буркнул он, – готов поспорить, что жена герцога Веллингтона тоже считала, что он позволяет собой помыкать.

Лесли хихикнула.

⁴ Имеется в виду колледж Макалестера в городе Сент-Пол, штат Миннесота.

⁵ Знаменитая школа-интернат в городе Экзетер, штат Нью-Джерси, основана в 1781 г.

– Как только ты начинаешь засыпать меня именами разных исторических личностей, я тут же теряюсь, – призналась она. – А ну, прочь из кухни! Мне надо сосредоточиться на приготовлении обеда.

– Кстати, запах просто божественный!.. Что там у нас?

– Пикката из телятины и пиццайола. Правда, оставь меня в покое. Хочу настроиться на итальянский лад.

Выходя в столовую, Стрэнд обернулся и заметил:

– Надо все же попробовать убедить Джимми, чтоб не врывался в комнаты без стука. Особенно по выходным.

– Он твой сын. Вот и убеди, – ответила Лесли. И жестом показала: вон отсюда!

«Что ж, – подумал Стрэнд, снова усевшись за стол и взяв газету, – одно совершенно ясно: нам с женой всегда есть о чем поговорить».

Он читал, когда в комнату ленивой, разболтанной походкой вошел Джимми. Босиком, в джинсах и майке, на шею спадает волна густых кудрявых черных волос – некое генетическое отступление от семейной традиции, где все поголовно рождались блондинами. Хотя нос у сына, несомненно, был отцовский.

– Привет, папашка. – Джимми плюхнулся в кресло. – Ну что? Совсем тебя тут заклевали?

– Ничего. Пока держусь, – ответил Стрэнд. Джимми был единственным в семье, кто называл его папашкой. Прищурившись, он посмотрел на сына. – А вот ты меня беспокоишь. Ты давно последний раз смотрелся в зеркало, а?

– Я выше этих мелких приступов тщеславия, – отмахнулся Джимми.

– Ты превратился в настоящий скелет. Люди могут подумать, что мы тебя не кормим. Кстати, ты ел что-нибудь сегодня?

– Да я только пару часов назад поднялся... Ничего, воздам должное мамочкиному обеду.

– А во сколько ты лег?

Джимми пожал плечами:

– Какая разница? В четыре, пять... Разве упомнишь?

– Иногда, Джимми, – заметил Стрэнд с оттенком иронии в голосе, – ты все же должен рассказывать старику, чем занимаешься до пяти часов утра.

– Искал новый звук, папашка, – ответил Джимми. – Я или играю, или просто слушаю музыку.

– Насколько мне известно, трансляция концертов из «Карнеги-холла» прекращается задолго до пяти утра.

Джимми захихикал, а потом поскреб пятерней под майкой.

– В этом году «Карнеги-холл» у нас не котируется. Ты разве не знаешь?

– У тебя круги под глазами, скоро они до самых плеч будут сползать.

– Девчонкам это жутко нравится, – отмахнулся Джимми. – Я похож на изможденного гения, так сказала мне одна на днях. Разве ты не хочешь, чтобы твой сын походил на изможденного гения?

– Знаешь, как-то не очень.

Джимми извлек из кармана джинсов измятую пачку сигарет, достал одну, закурил. Стрэнд с неодобрением наблюдал за тем, как сын вдохнул дым, а потом выпустил через ноздри. Джимми был единственным в семье, кто курил.

– Джимми, – осторожно начал Стрэнд, – а тебе известно, что пишут ученые о связи между курением и раковыми заболеваниями?

– А ты когда-нибудь читал, что пишут ученые о радиоактивном загрязнении среды?

Стрэнд вздохнул – уже третий раз за вечер.

– О'кей, – пробормотал он. – Ты достаточно взрослый, чтобы решать самому.

Джимми было восемнадцать, и он подрабатывал на карманные расходы – где именно и чем, Стрэнд не знал, тем более что сын ни разу не попросил подыскать ему какую-нибудь работу. Год назад парень весьма успешно окончил среднюю школу, но когда отец спросил, не хочет ли он поступить в колледж, лишь рассмеялся в ответ.

– Скажи-ка мне вот что, Джимми, – не сдавался Стрэнд. – Я просто сгораю от любопытства. О каком таком новом звуке ты толкуешь?

– Да если б я знал, папашка, я бы, наверное, его не искал! – воскликнул Джимми.

– Ну а когда найдешь, скажешь мне?

– Весь наш дом просто пронизан сарказмом, скоро дышать будет нечем... – проворчал в ответ Джимми, впрочем, довольно беззлобно. – Ладно, так и быть. Тебе скажу. Если найду. Стрэнд поднялся.

– Пойду приму душ и переоденусь к обеду, – сказал он. – И тебе советую.

– А-а... Сегодня, значит, пятница... – протянул Джимми и тоже поднялся. – Спасибо, что напомнил, папашка. Не волнуйся. – Он любовно обнял отца за плечи. – Буду сверкать и блеснуть как новенький! – Он насмешливо фыркнул. – Смотрю, у мамы еще не кончился итальянский период. Если я и остаюсь, так только ради еды.

– Можно внести одно предложение? Тебе не мешало бы побриться.

– Предложение принято к сведению. – Джимми снял руку с плеча Стрэнда. – А знаешь, возникла грандиозная идея. Почему бы тебе не пойти со мной пошляться как-нибудь вечером, а? Представлю тебя как одного из основоположников новоорлеанского буги-вуги. Все девчонки так и попадают к твоим ногам!

– И перестанут обращать внимание на тебя.

– Ладно... Позволь мне тогда тоже задать один вопрос. – Голос Джимми звучал серьезно. – Ты когда-нибудь смотришься в зеркало?

– Время от времени.

– А тебе время от времени не кажется, что ты выглядишь не самым блестящим образом, а? – Теперь он был сама искренность, а в глазах светилась озабоченность. – Ты выглядишь усталым, папашка.

– Чувствую себя нормально, – коротко ответил Стрэнд.

– Знаешь, я тут скопил малость баксов, – сказал Джимми. – Скоро каникулы, у тебя отпуск. Почему бы вам с мамой не махнуть куда-нибудь к морю на пару недель? Я субсидирую.

– Спасибо, Джимми, – ответил Стрэнд. – Прибереги денежки для себя. И потом мне нравится в городе летом.

– Ну, дело твое. – Джимми пожал плечами. – Если передумаешь...

– Не передумаю.

– Вот упрямый старый пижон!.. – Джимми покачал головой, отпустил плечо Стрэнда и глубоко затянулся сигаретой. – Поступай как знаешь. А если сам найдешь какой-нибудь новый звук, не забудь поделиться. Мои двери для тебя всегда открыты. – Он двинулся к кухне. – Хочу посмотреть – что это так обалденно пахнет?..

В ванной комнате Стрэнд взглянул на себя в зеркало. Джимми прав. Он действительно выглядит неважно. Глаза какие-то тусклые, кожа бледная. Под глазами мешки. Стрэнд с трудом поборол искушение немедленно отправиться в спальню и вздремнуть. Если Лесли войдет и увидит его спящим, тут же забеспокоится – у Стрэнда никогда не было привычки спать днем. И ему вовсе не хотелось, чтобы жена начала твердить, что он переутомился и что следует обязательно показаться врачу.

Он довольно долго стоял под душем, а под конец включил совсем холодную, ледяную воду. И, начав переодеваться, почувствовал себя лучше, хоть в зеркале и отражалось все то же изможденное лицо. Но пятьдесят – это ведь еще не старость...

Вернувшись в столовую, он увидел там старшую дочь. Элеонор накрывала на стол.

– Привет, детка, – сказал Стрэнд и поцеловал ее. – Как жизнь?

– Делаю бешеную карьеру, взлетаю, как ракета, – усмехнулась она, раскладывая салфетки. – Босс говорит, лет через десять я смогу стать первой женщиной – вице-президентом компании. И еще говорит, что, работая вместе со мной, даже забывает, что я хорошенькая. Ну как тебе, а?

– Лично мне кажется, он с тобой просто заигрывает.

– Конечно! – весело согласилась Элеонор. – Причем на этом фронте ему абсолютно ничего не светит. Что ж, придется потерпеть. Через пару лет он все равно уйдет. На повышение.

Элеонор работала программистом в крупном концерне, главный офис которого находился на Парк-авеню. Она всегда отличалась блестящими математическими способностями, прошла в колледже курс компьютерной подготовки, была быстра, сообразительна и уверена в себе. Проработала она в концерне всего два года, но ей уже доверяли составление компьютерных баз данных для разного рода предприятий и учреждений как в самом Нью-Йорке, так и за его пределами. Ее любовь к работе была сравнима разве что с пристрастием Лесли к музыке. Элеонор пыталась объяснить это отцу, опасавшемуся, что его любимую дочь ждет всего лишь заурядная и скучная конторская работа в безликом технократическом мире. «Но это все равно, что делать из хаоса порядок, и здесь нужны и полет фантазии, и талант!.. Ну вот, к примеру, приходишь ты в больницу. Знаешь, сколько ошибок делают врачи? Сколько неверных диагнозов они ставят? А ведь это порой может стоить человеку жизни! Зато специальная диагностическая машина способна исправить все эти ошибки за считанные секунды. Врачи перестанут шуршать бумажками и займутся своими прямыми обязанностями. Стоит только установить такую систему – пожалуйста, все расставлено по своим местам, все работает. И ты – то есть я – твердо знаешь: тут есть и мой вклад, моя заслуга! То же самое в бизнесе. Простейшими средствами ты можешь освободить несчастных замученных чиновников от массы утомительной бумажной работы. Ты облегчаешь и улучшаешь им жизнь!.. Нет, пап, ты не прав. Компьютеры делают человека более человечным».

Стрэнд восхищался одержимостью дочери, но в том, что касается компьютеров, оставался при своем мнении. Дочери было мало считаться просто хорошенькой девушкой, и он радовался этому. Когда Элеонор поступила в колледж, то летом, на каникулах, подрабатывала и еще давала уроки – чтобы оплатить свое образование. И вот теперь живет в маленькой квартирке отдельно от родителей. В день получения диплома девушка объявила, что не желает больше жить с родителями и делить спальню с младшей сестрой. Стрэнд опечалился, однако ни он, ни Лесли не возражали. Они говорили друг другу, что Элеонор – дельная и разумная девушка, что она вполне способна о себе позаботиться. И что покинуть родительское гнездо – явление вполне нормальное для молодых людей, твердо знающих, чего они хотят в этой жизни. Сама же Элеонор заявила: «Я ведь не в Лапландию или Перу переезжаю. Буду жить совсем рядом, через парк, и если что случится, подниму такой визг, что на другом конце города будет слышно». Визжать ей, слава Богу, пока не приходилось. Вскоре она устроилась на работу и сообщила отцу, какая у нее будет зарплата. Стрэнд поздравил ее, правда, не без оттенка горечи, поскольку девчонка, едва успевшая окончить колледж, получала больше, чем он, проработавший в системе среднего образования двадцать семь лет.

– Этим летом мне дали отпуск на целых три недели, – похвасталась Элеонор и, вооружившись штопором, начала открывать одну из двух бутылок кьянти, стоявших на буфете. –

Две недели оплачиваются, одна за свой счет. И я хотела бы поехать в какое-нибудь новое, интересное место. Что посоветуешь, пап?

– Гм... – Стрэнд задумчиво потрогал мочку уха. – Ну, все зависит... Ты едешь одна?

Пробка с хлопком вылетела из бутылки, Элеонор поставила вино на стол. Потом подняла глаза на отца и ответила коротко и определенно:

– Нет.

– С молодым человеком, надо полагать...

– Надо полагать, – улыбнулась она.

– Ну а он-то куда хочет?

– Сам толком не знает. Но вообще начал молоть нечто на тему того, что здорово было бы отправиться на греческий остров, лежать на солнышке, плавать и загорать.

– Что ж, звучит совсем неплохо, – заметил Стрэнд.

– Он обещает, что на этом острове не будет никаких компьютеров. Даже пишущей машинки не будет. И уверяет, что потом я примусь за работу с утроенной энергией. – Элеонор взяла маленький букетик цветов, который принесла с собой, и поставила в вазочку в центре стола. – Просто он бывал там раньше. С другой дамой.

– Он сам тебе это сказал? – искренне изумился Стрэнд.

– Он вообще мне все рассказывает, – ответила дочь. – Он из таких.

– Другие времена... – растерянно пробормотал Стрэнд. – Совсем другие. В мое время... – Тут он спохватился и умолк. – Да ладно. Это не важно, как и что там было в мое время. А ты ему тоже все рассказываешь?

– Все, но избирательно, – рассмеялась Элеонор.

– Почему бы не пригласить его к нам как-нибудь вечером?

– Он не очень уверенно чувствует себя в семейной обстановке – так, во всяком случае, говорит. И вообще я пока не знаю, стоит ли... Пока. А там посмотрим. Посмотрим, как он пройдет трехнедельное испытание. Вполне возможно, что после этого мне придется расщепить его на атомы.

– Ладно, – сказал Стрэнд. – Пришлешь мне открытку. Я бы и сам с удовольствием съездил на какой-нибудь остров в Грецию. И не на какие-то там три недели. Может, когда выйду на пенсию...

Элеонор подошла к отцу, обняла за шею и озабоченно взглянула ему прямо в глаза. Она была ниже ростом и стройнее Кэролайн и унаследовала от матери аккуратный прямой носик и темно-синие глаза.

– Ужасно несправедливо, верно? – пробормотала девушка. – Проработав всего два года, я могу сорваться и махнуть в Грецию, а вы...

Стрэнд нежно похлопал ее по спине.

– Мы вовсе не страдаем, детка. Мы выбрали семью. А ты пока не обзавелась семьей...

– Аллилуйя! – шутливо заключила Элеонор.

Вошла Лесли, на ходу снимая фартук.

– Обед почти готов, – сказала она. – Миссис Кертис рвется подавать на стол.

Миссис Кертис была женой Александра и помогала по хозяйству три раза в неделю.

– Все в сборе? – спросила Лесли.

– Кэролайн еще не пришла, – ответила Элеонор и отошла от отца.

– Странно, – заметила Лесли. – Уже минут пятнадцать как стемнело. Не могут же они играть в теннис в темноте! И потом она знает, когда мы садимся за стол.

– Наверное, забежала куда-нибудь выпить содовой, – предположил Стрэнд. – Кстати, и нам не мешало бы выпить чего-нибудь. Вы как, девочки? – Он подошел к буфету, открыл дверцу и достал бутылку виски и бутылку хереса.

– Нет, спасибо, я ничего не буду, – ответила Элеонор. Стрэнд вообще никогда не видел, чтобы дочь пила, ну разве что изредка бокал сухого вина. А может, она ведет себя так только с родителями, подумал вдруг он. И совершенно по-другому, когда обедает где-нибудь со своим молодым человеком, который рассказывает ей все... Все, но избирательно – кажется, именно так она выразилась.

– А я выпью стаканчик хереса, – сказала Лесли.

Стрэнд налил жене хереса, затем себе виски с содовой, и тут вошел Джимми, побритый и чистенький, благоухающий туалетным мылом.

– Привет, Элеонор, – сказал он. – Как поживает краса и гордость семейства?

– Работает в поте лица, – ответила Элеонор. – Это надо же! Какой ты сегодня у нас сияющий!..

– Исключительно в твою честь, – ответил Джимми. – Когда ты решаешь почтить семейный очаг своим присутствием, самое малое, что я могу сделать, – это побриться.

– А знаешь, ты вообще-то симпатичный, – заметила Элеонор. – Особенно в вымытом виде. Маленько смахиваешь на корсиканского бандита, почистившего перышки перед мессой.

Джимми ухмыльнулся:

– У меня, между прочим, и фаны есть. Правда, пока их число ограничено.

– Джимми, – вмешался Стрэнд, – мы тут решили немного выпить, мама и я. Присоединишься?

Джимми отрицательно помотал головой:

– Не могу. Готовлюсь к Олимпийским играм.

– Каким еще Олимпийским играм?! – удивленно воскликнула Элеонор.

– В шестьдесят шестом, – снова ухмыльнувшись, отозвался Джимми. – Планирую взять золотую медаль за немедленное удовлетворение.

– Ставлю на тебя, брат! – сказала Элеонор.

Они продолжили задира́ть друг друга, причем Элеонор не скрывала, что не одобряет образ жизни Джимми и его компании. Джимми, который был высокого мнения об уме и способностях сестры, поддразнивал ее тем, что она напрасно тратит лучшие годы жизни на, выражаясь его словами, «бессмысленное барахтанье в буржуазном компьютеризованном болоте». Эти, довольно, впрочем, редкие и бесцельные, выпады Джимми пахивали левизной, что сильно беспокоило Стрэнда, отличавшегося упорядоченными, прагматическими взглядами на суть и смысл общества, членами которого все они являлись. Однако он не пытался спорить с сыном. Задиристость, отрицание всего и вся присущи юности, твердил он про себя. К тому же Стрэнд прекрасно знал, что брат и сестра очень любят друг друга, просто иногда, начав спорить, они слишком увлекались.

Он откашлялся и поднял бокал.

– За... э-э... – Он покосился на Элеонор. – За Грецию!

Лесли удивилась:

– А при чем тут вдруг Греция?

– Я тебе после объясню, мам, – сказала Элеонор. – Так, чепуха.

– Ну вот! Повариха, которая торчит на кухне, всегда пропускает самое интересное!.. Все самые последние сплетни и новости, – пожаловалась Лесли, потягивая херес. – Что ж, если через пять минут Кэролайн не явится, садимся за стол без нее. А она не сказала, что задержится? Ну, когда ты ее видел, Аллен?

– Нет, – ответил Стрэнд. То был его первый глоток спиртного за неделю, и он с удовольствием перекатывал во рту пахучую дымную жидкость, как вдруг раздался звонок в дверь.

– Должно быть, Кэролайн, – сказала Лесли. – Хотя у нее есть ключ...

Звонок звонил не переставая, пронзительно, тревожно.

– О Господи! – воскликнула Лесли. – Она же знает, что мы не глухие!

Джимми быстро и вопросительно взглянул на отца. На лице Стрэнда читалась тревога, и она тут же передалась парню.

– Я пойду открою, – сказал Джимми и торопливо вышел из столовой. Стрэнд поставил бокал на стол и с напускным спокойствием последовал за сыном. Джимми как раз отпирал дверь, когда он вошел в прихожую. Спотыкаясь, почти что падая, в квартиру ввалилась Кэролайн. Одной рукой она поддерживала за плечи какого-то мужчину. Его голова безжизненно свисала ей на грудь. И оба были в крови.

Глава 2

– Ему ровно столько же, сколько вам, – услышал он чей-то голос. Или показалось, что услышал. Знакомый голос...

Джимми рванулся вперед и попытался подхватить и сестру, и мужчину, которого поддерживала Кэролайн. Стрэнд поспешил ему на помощь. Мужчина застонал.

– Я в порядке, – задыхаясь, пробормотала девушка. – Его надо держать, не меня. Это его кровь... – В свободной руке она по-прежнему сжимала теннисную ракетку. Свитер и джинсы, надетые поверх теннисного костюма, были забрызганы кровью. Стрэнд подхватил мужчину за талию, и только тогда она его отпустила. Это был крупный человек; на совершенно лысой голове виднелся безобразно распухший порез, еще несколько глубоких царапин украшали висок и левую щеку. Куртка из тонкой кожи была в нескольких местах испорчена ножом. Он с трудом поднял голову и выпрямился.

– Все нормально... – пробормотал мужчина. – Пожалуйста, не беспокойтесь, сэр. Просто присяду на минутку и... – Он бессильно повис у Стрэнда на руках.

– Что тут происходит? – услышал Стрэнд голос жены за спиной. – О Господи!..

– Ничего серьезного, милая дама, – пробормотал мужчина и даже попытался выдавить улыбку. – Нет, честное слово...

– Элеонор, – сказала Лесли старшей дочери, – ступай, позвони доктору Принзу и попроси его приехать. Немедленно!

– Да нет, ей-богу, не нужно. – Голос мужчины звучал уже несколько бодрее. Он снова сделал над собой усилие и выпрямился. – У меня есть личный врач, он мной и займется. Не хочу доставлять излишних хлопот...

– Проводите его в гостиную, – скомандовала Лесли, – и уложите на диван. Элеонор, ну что ты стоишь как вкопанная? Кэролайн, а что с тобой?

– Беспокоиться совершенно не о чем, мама, – заявила Кэролайн. – Просто забрызгалась кровью, вот и все. Да отпусти ты меня, Джимми! Мне не нужны ни носилки, ни носильщики. – В голосе девушки звучали незнакомые Стрэнду жесткие нотки.

– Если позволите, я сам, сэр, – сказал мужчина. – Вот увидите, я вполне способен...

Стрэнд осторожно отступил, готовый в любую секунду подхватить раненого. Только тут он заметил, что рукав его собственного пиджака выпачкан кровью, сочившейся из разбитых костяшек пальцев незнакомца. И сразу же устыдился, что обратил на это внимание. Мужчина осторожно шагнул вперед.

– Вот видите? – сказал он с преувеличенным достоинством пьяного, старающегося показать полицейскому, что он трезв как стеклышко. Потом дотронулся до щеки, спокойно посмотрел на кровь на ладони. – Пара синяков. Сушие пустыки, уверяю вас.

И все они медленно вошли следом за ним в гостиную. Мужчина уселся на деревянный стул.

– Вы очень любезны, но, право, я не стою таких хлопот. – На вид пострадавшему было примерно столько же, сколько и хозяину дома. И роста они были примерно одинакового. Если незнакомец и испытывал боль, то на исцарапанном бледном лице это никак не отражалось.

– Джимми, – попросила Лесли, – ступай, принеси теплой воды и салфетки. – Она взглянула на залитое кровью лицо мужчины. Кровь капала на ковер. – Нет, полотенце. Два полотенца. Потом посмотри в аптечке, там должны быть бинты и пластырь. И еще захвати ведро со льдом.

– Уверяю вас, не стоит так беспокоиться, – продолжал бормотать мужчина. – Какая-то царапина, не более того.

– Кэролайн, – Лесли обернулась к дочери, – ты выглядишь так, будто побывала на войне. Ты уверена, что с тобой все в порядке? Нечего храбриться. Давай выкладывай!

– Я же сказала, мама. – Голос Кэролайн предательски задрожал. – Со мной все в полном порядке. – Она все еще сжимала теннисную ракетку, словно готовилась к какой-то новой, очень важной игре. Стрэнд заметил, что металлическая часть ракетки тоже испачкана кровью.

– Что все-таки случилось? – спросил он. И пошатнулся – закружилась голова. Он никогда прежде не видел столько крови, и его слегка затошнило.

– Ну, на него напали и... – начала было Кэролайн.

Вошла Элеонор.

– Доктора Принза нет дома. Автоответчик говорит, что он вернется примерно через час. Кэролайн тихо застонала.

Элеонор обняла младшую сестру и начала нежно утешать ее.

– Ну что ты, детка, будет, будет, – приговаривала она. – Все в порядке, все нормально. Ты уверена, что не поранилась? И нечего валять дурака и храбриться.

Тут девочка вдруг громко разрыдалась.

– Со мной... все... нормально, – плакала она. – Мне просто надо умыться и переодеться, вот и все. О, я так рада, что все вы дома!..

Вошел Джимми с тазом с теплой водой, полотенцами, бинтами и льдом в ведерке. Лесли намочила полотенце и начала осторожно промывать рану на голове мужчины. Он поднял на нее глаза.

– Вы так бесконечно добры... Простите за это малоприятное зрелище, за то, что доставил вам столько беспокойства. – Голос незнакомца звучал на удивление спокойно и ровно, точно он извинялся за то, что по ошибке позвонил не в ту дверь. У него был выговор как у выпускников хороших и дорогих школ на востоке. Он не дернулся, даже не поморщился, пока Лесли обрабатывала раны – полотенце тут же стало ржавым от крови. Лесли действовала умело и хладнокровно, без суеты, с таким видом, точно раненые незнакомцы вваливаются к ней в дом чуть ли не ежедневно.

– Боюсь, придется наложить несколько швов, – спокойно заметила она. – Ничего, доктор скоро придет. Надеюсь, я не делаю вам слишком больно?

– О нет, ничутьюшки, – ответил мужчина. – В свою очередь, надеюсь, что мой внешний вид не слишком вас шокирует. Вообще все раны выглядят куда страшнее, чем есть на самом деле. – И он умудрился изобразить улыбку, стараясь приободрить Лесли.

– Кэролайн, – спросил Стрэнд, – что все-таки произошло?

– Если позволите, я объясню, – вмешался мужчина. – Милая юная леди, – обратился он к Кэролайн, – уверен, вам хочется поскорее избавиться от этих окровавленных одежд.

– Элеонор, – обратилась Лесли к старшей дочери, – отведи ее в ванную, пусть примет теплый душ. – Лесли твердо веровала в целительную силу теплых душей в любых экстремальных обстоятельствах. – И скажи миссис Кертис, что с обедом придется подождать.

– О Господи! – простонал мужчина. – Я испортил вам семейный обед! Простите, простите меня! Я вполне в силах встать и добраться домой, уверяю!.. – И он начал было подниматься со стула.

– Сидите смирно, – скомандовала Лесли. Элеонор повела Кэролайн, все еще сжимавшую в руке ракетку, в ванную. Лесли принялась бинтовать мужчине голову, руки ее так и порхали. – Аллен, – попросила она, – насыпь в чистое полотенце льда, да побольше! Сделаем ему компресс.

Стрэнд принялся выполнять распоряжение жены, а та тем временем говорила мужчине:

– У вас сильно опухла щека. Надо прижать покрепче лед и подержать немного. Тогда опухоль спадет.

Мужчина покорно поднес полотенце со льдом к щеке. И вдруг этот незнакомец, его ровесник, показался Стрэнду немного смешным и жалким – точь-в-точь драчливый мальчишка, нехотя позволивший матери заняться своими шишками и ссадинами.

Джимми взирал на незнакомца с нескрываемым любопытством.

– А вам кто-то здорово навешал, мистер, – заметил он.

– Надо сказать, не впервые, – ответил мужчина. – Впрочем, могло быть и хуже. Много хуже. Если бы юная прелестная леди не пришла мне на помощь... Ангел мести!.. – Он тихо засмеялся. – Классическая ситуация с точностью до наоборот.

– И где это произошло? – спросил Стрэнд.

– В парке. Я задержался дольше обычного. Рабочие перегрузки, старая ловушка, ну, вы понимаете... – К этому времени Лесли смыла уже почти всю кровь, и он выглядел умиротворенным и уверенным в себе. Слегка апоплексичное лицо с правильными чертами напомнило Стрэнду портреты испанских конкистадоров, людей волевых и привыкших отдавать приказы. – Я совершал ежедневный моцион, поехал прокатиться по парку. Врач рекомендовал. Ну, вы знаете, сколько шума они поднимают, когда речь заходит о здоровье мужчины среднего возраста, ведущего к тому же сидячий образ жизни...

Лесли отступила на шаг – полюбоваться своей работой.

– На данный момент я сделала все, что могла, – заключила она. – Выглядит неплохо. Но это только поверхностная обработка. Теперь посмотрим, что с рукой. – И она начала бинтовать костяшки пальцев и запястье мужчины, с треском отрывая полоски пластыря.

– Где-то потерял шляпу... – заметил незнакомец. – Полагаю, что в ней выглядел бы куда более презентабельно.

– А чем вас били? – поинтересовался Стрэнд. – Может быть, стоит сделать противостолбнячный укол?

– Э-э... этот, с позволения сказать, инструмент, – отозвался мужчина, – выглядел, на мой взгляд, достаточно чистым, хотя возможности убедиться в этом у меня в тот момент не было. Уверен, мой врач сделает все необходимое.

– Какой инструмент? – с любопытством спросил Джимми.

– У меня сложилось впечатление, – ответил мужчина, – что то был кусок железной трубы... О, я непростительно небрежен!.. Позвольте представиться, Рассел Хейзен. – Он произнес свое имя таким тоном, точно само собой подразумевалось, что присутствующие должны его знать. Однако Стрэнду это имя ничего не говорило.

– Аллен Стрэнд, – представился он. – А это моя жена Лесли. И наш сын Джеймс.

– Польщен. – Хейзен отвесил поклон, насколько позволяло сидячее положение. – Надеюсь встретиться с вами снова, в более благоприятных обстоятельствах.

Весь избит, подумал Стрэнд, а выражается витиевато, как какой-нибудь адвокат. «Достопочтенные коллеги, некто нанес мне удар по голове куском железной трубы...»

– Знаете, вам лучше поменьше говорить, – заметила Лесли. – Вы не в том состоянии и...

– Хотел бы заявить, – перебил ее Хейзен, игнорируя призывы к молчанию, – что у вас необыкновенно храбрая, мужественная дочь...

– А что она такого сделала? – спросил Джимми. Взгляд его был недоверчивым, словно из всех достоинств, которыми могла обладать его сестра, храбрость находилась на одном из последних мест.

– Как уже говорил, я совершал ежедневный моцион по парку...

– Моцион? – переспросил Джимми. – В чем он выражался, этот самый моцион?

У всех современных молодых людей, подумал Стрэнд, от души желая, чтобы Джимми наконец заткнулся, факты всегда на первом месте, а уж сострадание, если таковое вообще имеет место, потом. И еще Джимми словно подозревал Хейзена в чем-то. Будто хотел окончательно убедиться, что состояние сестры, кровь на ее одежде и истерические рыдания в объятиях Элеонор – именно его, Хейзена, вина.

– Я катался на велосипеде, – ответил Хейзен. – Весьма полезное упражнение. Тут не нужна команда, не нужен партнер. К тому же в чудесный весенний день, подобный сегодняшнему, можно наслаждаться всеми прелестями и красотами природы.

Должно быть, он осваивал искусство красноречия в восемнадцатом веке, подумал Стрэнд. Но виду не подал и продолжал внимательно слушать непрошеного гостя.

– Остановился немного передохнуть, – продолжал тот в своем занудливом стиле. – Сошел с тропинки, прислонился к дереву и закурил сигарету. Увы!.. Мой врач, узнав об этом, несомненно, заметил бы, что вся польза от моциона пошла насмарку. Но что поделать, укоренившаяся привычка. Привычка всей жизни, надо сказать, иногда очень успокаивает... Так вот. Я стоял, курил и размышлял об одной проблеме – той, которая и задержала меня на работе дольше обычного. Длилось это минут пять или около того, точно сказать трудно...

– Как вдруг они набросились на вас? – не выдержал Джимми.

– Уже смеркалось, – продолжал Хейзен как ни в чем не бывало. – Я стоял и любовался огоньками, которые загорались в домах на улице. Воздух был такой чистый и свежий, ни ветерка... – Тут он умолк и дотронулся до раны на щеке. – И вдруг, как вы совершенно справедливо заметили, Джеймс, они на меня набросились.

– Ублюдки, – проворчал юноша.

– Молодые, озлобленные лишениями люди с уродливыми расовыми предрассудками, – пожимая плечами, проговорил Хейзен. – Беззаконие для них порядок, чужая собственность вызывает раздражение, кажется незаслуженной привилегией...

Типичное выступление защитника в суде, подумал Стрэнд. «Ваша честь, позвольте ознакомить вас с некоторыми смягчающими обстоятельствами...»

– Вы хотите сказать, это были черные? – резко спросил Джимми.

Хейзен кивнул:

– Друзья время от времени меня предупреждали, что нельзя появляться там после наступления темноты.

– Черт!.. – буркнул Джимми и обернулся к родителям. – Сколько раз я предупреждал Кэролайн, что нечего шляться вечером по этому проклятому парку!

– Сколько раз я предупреждал тебя, Джимми, – сказал Стрэнд, – чтобы ты бросил курить и прекратил ложиться в пять утра!

– Прекратите дурацкие пререкания, – вмешалась Лесли. Потом обернулась к Хейзену: – Но как получилось, что моя дочь встряла во все это?

– Она возникла из ниоткуда, – ответил Хейзен. – Полагаю, из кустов. Те трое, мальчишки, лет по пятнадцать-шестнадцать, не больше, подкрались ко мне сзади. Первое, что я почувствовал, – это удар по голове. Я пошатнулся, но продолжал крепко держать велосипед, который, как я догадываюсь, и был целью этого нападения. Шляпа слетела с головы, потом меня ударили еще раз, по щеке, а затем один из них выхватил нож и начал полосовать мою куртку... – Он опустил глаза и провел кончиками пальцев по изрезанной коже. – Сомневаюсь, что они действительно хотели прикончить меня. Скорее, напугать, чтоб я отдал свою машину... Потом еще удар по голове... Я закричал, правда, крик получился слабый, поскольку один из них держал меня за горло. Поразительно сильный оказался мальчик – для своего возраста, разумеется.

– И все это время вы не выпускали из рук велосипед? – изумился Джимми.

– Но ведь то была моя собственность, Джеймс, – тихо ответил Хейзен.

– Бог мой!.. – простонал Джимми. – Из-за какого-то велосипеда!.. Ну сколько он может стоять? Сотню? Полторы?..

– Чуть больше, – ответил Хейзен. – Замечательная французская машина. Десять передач. Но дело не в деньгах. Я же сказал: то была моя собственность, а не их.

– И вы решили пойти на такой риск, оказать сопротивление? Ведь вас могли убить из-за какого-то паршивого велосипеда!

– Таковы мои принципы, и обсуждению они не подлежат, – с достоинством отозвался Хейзен.

– Так вы хотели, чтобы вас убили? – настаивал Джимми.

– Ну, в такие моменты человек просто не способен рассуждать спокойно, – ответил Хейзен. – Хотя, следует признать, подобная мысль меня посещала. К счастью, тут появилась ваша сестра, что привело в смятение юных негодяев. Она дико закричала, а уже потом нанесла удар, и те просто остоленели от неожиданности. В этот момент – вообще все происходило так быстро, что я и опомниться не успел – она ударила одного из парней теннисной ракеткой. Ребром. О, это грозное оружие, доложу я вам! Острые края и все такое прочее. Первый удар она нанесла по руке – тому парню, который держал нож. И он взвыл и уронил этот самый нож. А следующий ее удар пришелся по лицу второму мальчишке, тому, что был с железной трубой, и, я боюсь, повредил ему глаза. Он выронил трубу, весь согнулся пополам от боли, а потом поплелся прочь, закрывая лицо руками. Потом она два раза ударила того, первого, что был с ножом, и он свалился на землю. Полагаю, вам и в голову не приходило, что теннисная ракетка может служить оружием, верно?.. А третий парнишка, завидев все это, просто убежал. И все это время ваша сестра кричала, хотя, похоже, никто из гулявших в парке не слышал ее. А если и слышал, не обратил внимания. А потом она сказала: «Держитесь за меня», – схватила велосипед за руль и мы побежали – так мне, во всяком случае, показалось, что побежали – вон из парка. Ну и вот, таким образом я оказался здесь. – Хейзен улыбнулся Стрэнду и Лесли.

Господи, подумал Стрэнд, эта маленькая девочка!..

– Знаете, – сказал он, – я очень рад. Рад, что купил Кэролайн именно стальную ракетку. – И он улыбнулся собственной не слишком удачной шутке, чтобы скрыть страх за дочь, охвативший его, когда он слушал рассказ Хейзена.

– Я тоже очень рад, – многозначительно и угрюмо произнес Хейзен. – Более чем рад. Думаю, не будет преувеличением сказать, что я обязан вашей дочери жизнью. Спросите у нее, как бы я мог выразить свою признательность, отблагодарить...

– Уверена, она счастлива уже тем фактом, что вы живы и здоровы, – ответила Лесли. – Последнее относительно, конечно. – Женщина позволила себе улыбнуться. – Это само по себе награда. – Она подняла на мужа глаза, в них стояли слезы. – Мы плохо знали нашу маленькую девочку, верно? – шепнула она.

– Да, за последние двадцать минут узнали куда лучше, – ответил Стрэнд. И обнял жену за плечи. Они слегка дрожали.

– А в полицию вы звонили? – спросил Джимми.

Хейзен сухо усмехнулся.

– В полицию? В этом городе?.. Я ведь адвокат, Джеймс. Да и потом, что они смогут сделать?

«Стало быть, моя догадка верна, – подумал Стрэнд. – Он юрист».

Хейзен начал подниматься со стула.

– Я и без того отнял у вас слишком много времени. Не хочу отрываться от обеда. Пожалуй, мне пора до... – Он пошатнулся и упал обратно на сиденье, на лице появилось выражение растерянности. – Возможно, минут через пять, – глухо проговорил он.

– Оставайтесь, – сказала Лесли. – Дождитесь врача.

– Возможно, вы правы, – слабым голосом протянул Хейзен. – Если не возражаете, конечно.

– Хотите, я позвоню к вам домой? – спросил Стрэнд. – Успокою родных, скажу, что вы немного задерживаетесь.

– Не стоит, – ответил Хейзен. – Меня никто не ждет. На этот уик-энд я остался дома один. – Он произнес это как-то холодно и отстраненно.

А дома у него не все благополучно, подумал Стрэнд. Да еще этот случай в парке...

– Как раз собирался выпить перед обедом, – сказал он, – а тут появились вы. Не желаете ли присоединиться?

– Спасибо, не откажусь. Это пойдет на пользу.

– Чистое или с содовой? У нас только виски. – О хересе он решил не упоминать. После того, что довелось испытать Хейзену, от хереса вряд ли будет толк.

– Чистое, пожалуйста, – ответил Хейзен, откинул голову на спинку стула и закрыл глаза.

– Знаешь, и мне, пожалуй, тоже виски, – сказала Лесли. Стрэнд направился за виски.

Он разливал виски по бокалам, когда в холле зазвонил телефон. Оставив напитки на буфете, Стрэнд подошел. Звонил доктор Принз, он пребывал в крайне дурном настроении. Но раздражение улетучилось, как только Стрэнд вкратце поведал о том, что произошло, и попросил приехать – чем скорее, тем лучше. Оказалось, что у одного из пациентов доктора сердечный приступ и выехать к Стрэндам тотчас же он не мог.

Стрэнд вернулся в гостиную с бокалами. Лесли сказала:

– Джимми пошел вниз, к Александру. Возьмет у него ключ и запрет велосипед в подвале на ночь. – Стрэнд кивнул. Глупо, если бы велосипед пропал теперь.

Хейзен сидел все в той же позе, откинувшись на спинку и закрыв глаза.

– Вот, прошу вас, – сказал Стрэнд, от души надеясь, что голос его звучит энергично – во всяком случае, не отражает охватившего его уныния. – Немного солнечного напитка из Шотландии.

– Благодарю вас, сэр. – Хейзен открыл глаза и принял бокал здоровой рукой. Тостов никто не предлагал, и Хейзен двумя глотками выпил виски. Лесли тоже быстро проглотила свою порцию, словно только что осознала, насколько утомлена.

– Чувствую первые признаки пробуждения жизни... – пробормотал Хейзен.

– Еще? – предложил Стрэнд.

– Благодарю вас, нет. Это как раз то, что нужно.

Вошла миссис Кертис. Она дулась, как мышь на крупу, – именно так описывала Лесли состояние этой дамы, когда что-то было не по ней.

– Вы уж простите, мэм, – заявила она, сурово смотря на незнакомого перебинтованного мужчину, – но суп на огне, и вообще все испортится, если...

– Мы ждем врача, миссис Кертис, – пояснила Лесли. – Я вам скажу, когда можно будет пода...

– Если вы не возражаете, чтобы за столом у вас сидело эдакое пугало, – перебил ее Хейзен, – прошу вас, приступайте к обеду. А я просто посижу, пока вы...

– Думаю, будет лучше, если... – начала было Лесли.

– Возможно, мистер Хейзен голоден, – предположил Стрэнд. Сам он страшно хотел есть и с момента появления в доме с нетерпением ожидал обеда, вдыхая ароматы, доносившиеся из кухни.

– А знаете, действительно, я голоден, – сказал Хейзен. – Сжевал за ленчем в офисе всего один несчастный сандвич. С удовольствием съел бы тарелку горячего супа, если это, конечно, не доставит особых хлопот и...

– Да что вы, что вы, какие хлопоты, мистер Хейзен! – воскликнула Лесли. – Миссис Кертис, будьте добры, поставьте еще один прибор. И мы садимся за стол.

Миссис Кертис окинула Хейзена еще одним неодобрительным взглядом и отправилась обратно на кухню.

– Ну вот, нет худа без добра! – с напускным оживлением воскликнул Хейзен. – А я-то думал, придется обедать дома в полном одиночестве.

И хотя в голосе его не слышалось и тени жалости к самому себе, Стрэнду показалось, что, несмотря на цену, которую пришлось заплатить, Хейзен от души рад возможности побыть в этот вечер среди людей.

Хейзен оглядел просторную гостиную; взгляд его остановился на пианино, затем на кипе нот и полках с пластинками и кассетами. Потом посмотрел на стены, увешанные пейзажами Лесли.

– Какая славная комната, – заметил он. – Я так понимаю, семья у вас музыкальная.

– О нет, все мы по большей части просто слушатели, – возразил Стрэнд. – Только жену да еще сына можно назвать музыкантами.

– А моя мама играла мне на пианино, – сказал Хейзен и смешно взмахнул рукой. – Сто лет назад. Ваш сын играет на пианино?

– Нет, жена, – ответил Стрэнд. – Джимми играет на электрогитаре. Кантри-рок – кажется, именно так это называется.

– А пейзажи? – осведомился Хейзен. – Что-то мне не знакома рука художника.

– Тоже жена.

Хейзен кивнул, но ничего не сказал.

В гостиную вошли Элеонор и Кэролайн. Младшая сестра переоделась в чистые слаксы и свитер; лицо свежее, кожа блестела после душа – разве скажешь, что не далее как час назад она, можно считать, голыми руками одержала победу над тремя хулиганами, а потом истерически рыдала в объятиях сестры?.. С ракеткой она наконец рассталась. Девушка улыбалась и выглядела беззаботной, веселой и совсем молоденькой – снова на свои семнадцать лет.

– Ну, как наш пациент? – поинтересовалась она.

– Кое-как залатали, – сказал Хейзен. – Благодаря вашей матушке. А вы, мисс Кэролайн? Как вы себя чувствуете?

– О!.. – Кэролайн взмахнула руками. – Просто упоительно! Триумф, победа! В меня вселилась новая вера в свои силы. – Она хихикнула. – Хотя не уверена, что могла бы такое повторить. Впрочем, и сегодня я как-то не раздумывала. Просто времени не было.

– А как ты оказалась там одна? – спросил Стрэнд. – И куда девался тот мальчик, с которым ты играла?

– Но он живет в Ист-Сайде, – объяснила Кэролайн.

– А вы сможете пользоваться теперь этой ракеткой? – спросил Хейзен.

– Боюсь, что нет, – ответила девушка. – Немного погнулась. Лупить противников ею можно, а вот бить по мячу – вряд ли. – И она снова хихикнула.

– Скажите, а вы не испугались? – не отставал Хейзен.

– Только потом, когда все кончилось, – призналась Кэролайн. – Но ведь это же не в счет, правда?

Вошел Джимми и объявил:

– Велосипед заперт в подвале. Потом можете послать кого-нибудь за ним, мистер Хейзен. Да, доложу я вам, хороша машина. Просто шик!

– Утром пришлю за ним одного из своих секретарей, – сказал Хейзен. – Не думаю, что мне захочется воспользоваться велосипедом в ближайшие несколько дней. Разве что мисс Кэролайн согласится сопровождать меня в качестве телохранителя.

В дверях, грозно сверкая очами, возникла миссис Кертис.

– О Боже! – воскликнула Лесли. – Давайте наконец сядем за стол.

Стрэнд подошел помочь Хейзену подняться, но тот не обратил внимания на поданную ему руку, встал и твердой походкой зашагал вслед за Лесли в столовую.

– Какой красивый стол, – заметил Хейзен, когда все расселись и Лесли заняла место по правую руку от него. Слова он выговаривал немного невнятно, поскольку все еще прижимал к щеке полотенце со льдом. – Надеюсь, я не помешал какому-то важному семейному разговору?

– У нас есть правило, – начал Стрэнд, чувствуя, что к горлу подкатывает тошнота, до того он проголодался. – Самое важное, о чем мы говорим по пятницам на семейных обедах, – это о еде, и только о еде. – Конечно, это было неправдой, и сказал он так просто из вежливости. Не далее как в прошлую пятницу у них разгорелась бурная дискуссия на политические темы. Все кричали, а Элеонор сравнила взгляды отца с политикой Людовика XIV раннего периода. Надо сказать, все они получили огромное удовольствие от того вечера. Стрэнд взял бутылку кьянти.

– Вина? – спросил он.

– Благодарю, с удовольствием, – откликнулся Хейзен. – Только сейчас почувствовал страшную жажду.

– Наверное, от потери крови, – весело заметила Кэролайн.

– От страха, дорогая моя, – глядя на девушку, улыбнулся пострадавший. – От самого настоящего ужаса.

– А как вы считаете, чем сейчас занимаются те трое парней? – спросила Кэролайн и принялась за суп.

– Наверное, гадают, где можно украсть три теннисных ракетки. Нет, даже четыре, – сказал Хейзен и рассмеялся тихим крякающим смехом – болела челюсть. – И еще думают, где бы раздобыть такую девушку, которая помогла бы им осуществить очередной гнусный план.

Кэролайн громко захохотала:

– О, это им будет не так просто сделать!..

Стрэнд удивленно покачал головой. Подобная атмосфера, подумал он, царит, должно быть, в раздевалке футбольного клуба после трудной победы над противником.

Хейзен неловко ел суп, держа ложку в левой руке. Губы у него сильно распухли, но глаза оживились и, похоже, он искренне наслаждался.

– Чудесно, – пробормотал он, – просто великолепно. Мои комплименты повару.

– Это мама готовила, – сообщила Кэролайн. Сегодня она явно гордилась своей семьей, равно как и собой.

– У вас в семье сплошные таланты, – галантно заметил Хейзен. И обратился к Джимми: – А вы, молодой человек? Чем занимаетесь вы?

Джимми с вызовом оглядел присутствующих.

– Если верить моей сестре, то я позор семьи, – сказал он. – От меня одна головная боль и неприятности. Словом, шило в заднице.

– Джимми, – укоризненно заметила Лесли, – ну что за выражения!

Джимми ухмыльнулся:

– Ничего особенного. Обзывая меня, она просто выражает свою любовь. Она не все-ррез. Правда, Элеонор?

– Это когда как, дорогой, – улыбнулась ему в ответ сестра.

Какое-то время Хейзен с любопытством взирал на Джимми, потом взглянул на Элеонор.

– Ну а вы, дорогая?

– Вкалываю как проклятая, делаю карьеру, – коротко отчиталась Элеонор. Вообще в этот вечер она была необычайно молчалива. И Стрэнд почувствовал, что ей, как и Джимми, по некой неведомой причине не нравится Хейзен. И подумал, что надо бы спросить детей, почему именно, после того как незваный гость уйдет.

Элеонор встала и помогла убрать тарелки из-под супа. Вошла миссис Кертис с главным блюдом и поставила его перед Лесли.

– Боюсь, суп – это все, что я могу пока себе позволить, – заметил Хейзен, увидев, что хозяйка потянулась за его тарелкой. – Хотя и выглядит, и пахнет чрезвычайно аппетитно. – И он отпил глоток вина.

– А какой сегодня день недели, а, мистер Хейзен? – спросил вдруг Джимми.

– Что это за вопрос такой? – Лесли подозрительно уставилась на сына.

– Просто хочу проверить, нет ли у него сотрясения мозга, – ответил Джимми. – Ведь если у него сотрясение, то надо лежать в темной комнате с закрытыми глазами.

– Сегодня пятница. – Хейзен криво улыбнулся. – Во всяком случае, пока еще вроде бы пятница. Может, мне и затруднительно сейчас жевать, но сотрясения мозга, уверен, нет. Благодарю за заботу.

Похоже, Джимми озабочен тем, как избавиться от Хейзена, а вовсе не состоянием его здоровья, подумал Стрэнд. Однако, взглянув на сына, увидел, что тот сидит, округлив глаза, – сама невинность и непосредственность.

– А вы, мистер Стрэнд, – не унимался Хейзен, – могу ли я поинтересоваться, кто вы по профессии?

Расследование, предшествующее судебным слушаниям, подумал Стрэнд. «Защитник должен знать все факты и подробности вашей жизни, чтобы вести ваше дело более эффективно». Нет, он мало похож на адвоката, тут же поправился Стрэнд, которого начал раздражать этот человек. Скорее – на генерала, инспектирующего войска. Генерала, который задает рядовым личные бытовые вопросы, чтобы доказать, что, несмотря на звезды на погонах, в душе он истинный демократ.

– Профессия... – Он откашлялся. – Сражаюсь с низменными и кровожадными инстинктами, присущими молодому поколению. – Стрэнд нарочно ответил неопределенно. Он решил, что Хейзен – весьма важная птица, скорее по манере держаться, а не по тому, что тот говорил. И что он отнесется к признанию его, Стрэнда, о том, что тот просто преподаватель в средней школе, примерно так же, как отец Лесли.

– Преподает в Ривер-Хай. – Похоже, Лесли уловила колебания мужа и произнесла эти слова с подкупающей простотой. – Заведует кафедрой истории.

– Ага!.. – Видно, на Хейзена это произвело благоприятное впечатление. – Знаете, в молодости я сам очень хотел стать учителем. Это куда благороднее, чем быть адвокатом, так я говорил отцу. Но он не разделял этого мнения. Так что пришлось получить диплом юриста. – Он грустно усмехнулся. – Все споры в доме моего отца заканчивались быстро.

– Зато у нас в доме спорам нет конца, – заметил Стрэнд. – Поверьте на слово.

– Что ж, это очень оживляет атмосферу. – Хейзен обернулся к Кэролайн. – Ну а вы, юная леди? Посещаете колледж?

Кэролайн засмеялась с набитым ртом.

– Если повезет, осенью поступлю. Через месяц оканчиваю среднюю школу. Хотя с моими отметками... – Она удрученно покачала головой.

– Так вы учитесь не в Ривер-Хай? – спросил Хейзен.

– О нет, это очень далеко. На другом конце города, – поспешно встала Лесли.

– Папа говорит, там опасно. В ответ я всегда говорю ему: если не опасно для тебя, то и для меня тоже. – Девушка хихикнула. Вообще Кэролайн не отличалась особой смешливостью, просто в этот вечер на нее что-то нашло. Стрэнд решил, что сегодня дочери это про-

ститительно. – У нас состоялся всего один короткий спор. Я проиграла... после чего пришлось ходить в школу в десяти кварталах отсюда.

– Я, разумеется, читал обо всем таком, – сказал Хейзен. – О насилии и хулиганстве в школах, о том, как дети воруют друг у друга, об оружии и прочих подобных вещах. Но всегда воспринимал это с некоторой долей недоверия. Скажите, мистер Стрэнд, дела действительно... – Он умолк, не закончив фразы.

– Ну что вам сказать, – ответил Стрэнд, – на воскресную школу где-нибудь в Вермонте это мало похоже. Имеют место инциденты. Да, разные инциденты...

– И вы были... э-э... вовлечены? – подавшись вперед, спросил Хейзен. В голосе гостя звучал неподдельный интерес.

– Один или два раза, – сказал Стрэнд. – К примеру, в прошлом семестре один мальчик угрожал мне ножом. Обещал порезать, если я завалю его на экзамене. По сумме баллов он набирал всего тридцать два из ста возможных.

– И вы поставили ему хорошую оценку?

Стрэнд рассмеялся.

– Ну конечно! Раз уж он пошел на то, что угрожал учителю ножом, значит, она была очень ему нужна. Считаю, он ее заслужил. К тому же этот паренек не пытался украсть у меня велосипед.

Хейзен дотронулся до повязки на голове.

– Возможно, вы мудрее меня, – согласился он. – Скажите, работая среди всех этих злодеев, вы видите хотя бы проблеск какой-то надежды?

Стрэнд пожал плечами.

– Конечно. Хотя большинство из них обречены. Кончат плохо, причем случится это очень скоро. Но есть и другие. К примеру, учился у меня в старшем классе один пуэртори-канец, мальчишка-недомерок, так он с раннего детства глотал книгу за книгой. Не далее как сегодня я прочел его работу. О Гражданской войне. И знаете, у него очень любопытная и оригинальная точка зрения на этот предмет...

– То есть? – спросил Хейзен. Похоже, он искренне заинтересовался.

– Ну, к примеру, он написал, что Гражданская война была большой ошибкой. – Заговорив о мальчике, Стрэнд тут же вспомнил круглое темное личико, всегда полуоткрытый рот, в котором сверкали белые зубы – то в радостной улыбке, то в дерзкой насмешке. – Он написал, что южанам надо было позволить идти своим путем. И что очень скоро они в любом случае дали бы свободу рабам, и, таким образом, были бы спасены миллионы жизней. Он считает, что Север и Юг были объединены искусственно, что Конфедерация являла собой довольно хлипкое образование и что все мы, и белые, и черные, лишь напрасно страдали целых сто лет. Эти взгляды, разумеется, расходятся с тем, чему его учили. И я буду вынужден предупредить его, что если он станет отвечать на вопросы перед советом попечителей таким же образом, то аттестата ему не видать.

– Ну и как, вы думаете, он отреагирует на это?

– Засмеется, и все. Ему плевать, пройдет он собеседование перед советом попечителей или нет. Ведь в колледж ему все равно не поступить. Единственное, что ему светит, – это работа мойщиком посуды или уборщиком улиц. Какая ему разница, что скажут члены совета попечителей?

– Прискорбно, не правда ли? – сказал Хейзен.

– Такова суровая правда жизни.

– А какую отметку вы поставили ему за это сочинение?

– «Отлично», – ответил Стрэнд.

– Вы, должно быть, не совсем обычный учитель...

– Это он не совсем обычный мальчик. А в другой работе он утверждал, что преподавание истории в школах есть не что иное, как полная ахиня. Любимое его словечко, «ахиня». Он написал, что причина и следствие во всех исторических процессах придуманы самими учеными-историками. Для того что было удобнее расфасовывать наше прошлое по аккуратным маленьким пакетикам в фальшивой обертке. Он вообще очень много читал, и по естественным наукам тоже, в частности по физике. Большой поклонник теории случайных событий... Полагаю, вы слышаны о ней?

– Немного, – ответил Хейзен.

– По его мнению, все сводится к тому, что ничто в этой жизни не является или не являлось неизбежным. Всему виной чистая случайность – от столкновения частиц до процессов в политике и экономике. И совершенно не важно, где подобные «столкновения» происходят – в лабораторных пробирках или в дикой природе. Исходя из этой теории, считает он, промышленной революции никогда не случилось бы, если б на белый свет не родились десять человек. Второй мировой войны тоже не было бы, если бы Гитлера убили на фронте в семнадцатом году. Гражданской войны можно было бы избежать, если бы Линкольн решил продолжить карьеру юриста...

– Ну и какую же оценку вы поставили ему за это столь неортодоксальное философствование?

– «Отлично», – рассмеялся Стрэнд. – Возможно, потому, что его работа разительно отличалась от других. К тому же он довольно грамотен.

– А как вы считаете, он хотел бы поступить в колледж, если бы была такая возможность?

– Вряд ли. Как-то раз он признался мне по секрету, что и образование, на его взгляд, тоже полная ахиня. И хотя такие мальчики встречаются в нашей школе нечасто, именно благодаря им чувствуешь: дело того стоит.

– Понимаю, – кивнул Хейзен. На секунду он отнял холодный компресс от щеки, задумчиво и рассеянно оглядел его, снова прижал к лицу. – Много воды утекло с тех пор, как сам я учился. За это время, должно быть, многое изменилось. В самой системе образования, я имею в виду.

– А где вы получали образование? – спросил Стрэнд. Будучи главой семьи, он не мог позволить Хейзену все время задавать вопросы.

– Ну, как обычно, – небрежно ответил тот. – Йель, потом юридическое отделение Гарварда. Пошел по стопам моего уважаемого отца. Который, кстати говоря, и слыхом не слыхивал о теории случайных событий.

– Правящий класс, – вставил Джимми. – Колыбель правителей и политиков. Могильщик Америки.

– Джимми! – одернула сына Лесли. – Не смей грубить и портить настроение людям.

– Возможно, Джимми прав куда больше, чем осознает, миссис Стрэнд, – заметил Хейзен.

А он, похоже, не столь уж уверен в себе, подумал Стрэнд. Да и вообще, если присмотреться, мало похож на человека, который хорошо спит по ночам. И дело тут вовсе не в повязке вокруг головы.

Раздался звонок в дверь, и Джимми пошел открывать.

– Наверное, доктор Принз, – сказала Лесли.

– Должно быть, он замечательный врач, – заметил Хейзен. – Визиты на дом в такой поздний час...

– Он мой старинный приятель, познакомились еще в колледже, – пояснил Стрэнд.

– У меня тоже есть несколько школьных друзей, которые стали врачами, – сказал Хейзен. – Но стоит захворать, и они либо приглашают к себе на прием, либо отправляют лечиться в больницу.

В комнату ворвался доктор Принз, худенький подвижный человечек в очках с толстыми стеклами и усталым взглядом. Он играл на скрипке – кстати, очень неплохо, – и раза три-четыре в год у них в доме устраивались музыкальные вечера, где он, Лесли и еще один врач-музыкант играли трио.

– Аллен, Лесли, привет, – сказал он. – Ну, что тут у вас на сей раз?

– На мистера Хейзена напали, – ответил Стрэнд. – Лесли оказала первую помощь.

– Нью-Йорк!.. – Доктор Принз издал нечто вроде неодобрительного фырканья. – Не могли бы вы пройти со мной в ванную, мистер Хейзен? Мне нужен яркий свет.

– Конечно, – ответил Хейзен.

Принз внимательно следил за тем, как Хейзен, поднявшись из-за стола, сделал несколько шагов по комнате. Увидев, что тот не шатается, одобрительно кивнул.

– Если вам нужна помощь... – начала было Лесли.

– Если понадобится, позову, – сказал Принз, бережно взял Хейзена под руку и вывел из комнаты.

– Надеюсь, Джерри не забыл захватить с собой обезболивающее, – встревожилась Лесли.

– Конечно, нет, – успокоил жену Стрэнд. – Я предупредил его по телефону. Сказал, что, возможно, придется наложить несколько швов.

– А он довольно храбрый, этот мистер Хейзен, – заметила Кэролайн. – Если б мне стали накладывать швы, я бы уже взвыла на всю квартиру.

– Может, ему просто не нравится звук собственного голоса, – съехидничал Джимми.

– Да тише вы! – шикнула на детей Лесли. – Он еще в ванную не успел зайти.

– Минимум сто тысяч долларов в год, – заметила Элеонор. – Видела таких у нас в конторе. Стоит попасть в эти сферы, и твой собственный голос кажется музыкой небес.

– Сколько бы он там ни зарабатывал и чем бы ни занимался, – заявил Стрэнд, – мне нравится, как держится этот человек.

– Вот что я вам скажу, – в очередной раз хихикнув, шепнула Кэролайн. – Одно мне нравится определенно: то, что я не лысая. Знаете, до сегодняшнего дня я просто не представляла, до чего украшают человека волосы.

– Да уж, ему здорово повезло, что ты оказалась под рукой, – сказал сестре Джимми. – Кстати, мог бы предложить тебе купить новую ракетку. Это как минимум.

– Все вы просто безнадёжный народ, – вздохнула Лесли. – Нам одолжения не нужны. Ну что, подавать десерт?

Они уже допивали кофе, когда в гостиной появились Хейзен и доктор Принз. У Хейзена на голове красовалась новая повязка, похожая на тюрбан, левая щека была заклеена толстым белым пластырем. Он был бледен, и Стрэнд решил, что перевязка была не из легких. Тем не менее Хейзен улыбался – словно для того, чтобы убедить гостеприимных хозяев, что с ним все в полном порядке.

– Залатали, – объявил Принз. – По крайней мере на время. Предупреждаю: будет болеть голова. И скажите своему лечащему врачу, что неплохо было бы сделать рентген черепной коробки, прямо завтра. Убедитесь, что в доме есть запас аспирина. А на ночь обязательно примите снотворное. Одну таблетку. Вам это необходимо. И, – Принз мрачно усмехнулся, – не смотрите утром в зеркало.

– Хотите чашечку кофе, Джерри? – спросила Лесли.

Принз покачал головой:

– Нет времени. Мой сердечник угодил в больницу, надо съездить и посмотреть, как он там.

– Кто-то из общих знакомых? – спросил Стрэнд.

– Нет. – Сквозь толстые стекла очков врач холодно взглянул на хозяина дома. – Но твой ровесник. Когда ты сам придешь на осмотр?

– В следующий раз, когда буду чувствовать себя абсолютно потрясаяще, – рассмеялся Стрэнд. – Предпочитаю не знать о своих болячках – по крайней мере до тех пор, пока сам не догадаюсь, что и где не так.

– Ну, как хочешь, – буркнул Принз. – Я и без того слишком занят. Доброй ночи, господа.

Стрэнд проводил его до двери.

– Он как, в порядке, этот Хейзен?

– Ему чертовски повезло. – Принз надел черную фетровую шляпу с широкими полями, отчего сразу стал похож на раввина. – Он рассказал мне о Кэролайн. Идиот!.. Возможно, ей стоит поступить на службу в полицию. Присмотри за тем, чтобы девочка тоже приняла на ночь снотворное. И не выпускай на улицу сегодня. У нее в глазах какой-то нехороший огонек.

– Но она уверяет, что ничуть не пострадала.

– Физических повреждений вроде бы не наблюдается, – загадочно ответил доктор Принз. – И все же дай ей таблетку снотворного.

Стрэнд распахнул перед доктором дверь, и он отправился к своему больному-сердечнику. Которому было ровно столько же лет, сколько и ему, Стрэнду...

Затем он вернулся в гостиную и увидел, что Джимми наливает Хейзену неразбавленное виски. Бокал Хейзен держал твердо.

– Это поможет мне пережить ночь, – сказал он, обернувшись к Стрэнду. – Благодарю вас за то, что пригласили доктора Принза. У него очень умелые и ловкие руки.

– И сколько швов? – спросил Джимми.

– Пять или шесть, – беззаботно отмахнулся Хейзен. – Хороший врач. Сказал, что пришлет счет вам. Есть ручка? Давайте запишу вам свой адрес. Как только получите счет, можете выслать мне.

Джимми достал из кармана куртки ручку и клочок бумаги, Хейзен быстро написал несколько строк и протянул Стрэнду. Перед тем как сунуть записку в карман, Стрэнд успел заметить, что почерк у него твердый и разборчивый.

– Это прямо на углу Восемьдесят второй и Пятой авеню, – сказал Хейзен. – Точно напротив музея. Очень удобно. – Он допил виски и встал. Осторожно поставил пустой бокал на пепельницу, чтобы не оставить следа на скатерти. – Возможно, когда вы в следующий раз пойдете в музей, заодно заглянете навестить меня. Я должен отплатить за оказанное гостеприимство. А теперь мне пора. Я и без того доставил слишком много хлопот таким замечательным людям.

– Не думаю, что вас следует отпускать одного, – сказал Стрэнд. – Я вас провожу. Поймаем такси на углу.

– О, не стоит беспокоиться, право!..

– А у вас дома есть кто-нибудь, кто может за вами присмотреть? – озабоченно спросила Лесли. – Если нет, оставайтесь у нас. Джимми может поспать одну ночь на диване, ничего страшного...

– Я в полном порядке, – сказал Хейзен. Стрэнд заметил, что тот не ответил на вопрос, есть ли кто-нибудь у него дома. – Доктор Принз дал мне свой номер телефона, так, на всякий случай. Но уверен, это не понадобится.

– Я поеду на такси вместе с мистером Хейзенем, – предложила Элеонор. – Нам по пути. У меня свидание в Ист-Сайде.

– Очень любезно с вашей стороны, – сказал Хейзен.

– И тем не менее я все же провожу вас. Убедиться, что вы благополучно сели в такси, – настаивал Стрэнд. – Не хотелось бы, чтоб вас кто-нибудь снова ударил по голове...

– Как скажете, – кивнул Хейзен. – Но уверяю, инвалидом я, слава Богу, себя не чувствую. – Элеонор пошла за сумочкой и пальто, а он с улыбкой обернулся к Кэролайн и сказал: – Доброй ночи, мисс Спасительница! – Затем поклонился Лесли, пожал ей руку. – Не буду снова говорить, насколько я благодарен... всем вам... Надеюсь, увидимся снова... при более... э-э... благоприятных обстоятельствах. – Он дотронулся до тюрбана на голове, затем мрачно взглянул на исполосованную ножом куртку. – Мой домоправитель просто в обморок упадет при виде всего этого.

Оказавшись на улице, Стрэнд, Хейзен и Элеонор двинулись по направлению к Сен-трал-Парк-Вест. Учитель поймал на себе пристальный взгляд Хейзена.

– Мне кажется, мистер Стрэнд, – сказал тот, – я где-то видел вас прежде.

– Вряд ли, – возразил Стрэнд. – Не припоминаю, чтобы мы встречались.

– Я не сказал, что мы встречались. – В голосе Хейзена зазвучало легкое раздражение. – Я прекрасно помню всех людей, с которыми доводилось встречаться. Просто ваше лицо мне почему-то кажется очень знакомым.

Стрэнд покачал головой:

– Простите, ничем не могу помочь.

– Я не виню вас в том, что вы меня не узнали. – Хейзен усмехнулся. – Да меня и мать родная не узнала бы после всего того, что сегодня произошло. Ничего!.. – воскликнул он и пожал плечами. – Рано или поздно обязательно вспомню.

Какое-то время они шли в молчании. Потом вдруг Хейзен дотронулся до руки Стрэнда и как-то очень серьезно и проникновенно произнес:

– Должен сказать вам кое-что, чего, пожалуй, не следовало бы говорить. У вас прекрасная семья. Я страшно завидую, сэр. Завидую сверх всякой меры.

Он опустил руку, и они снова пошли в молчании. Вскоре оказались на углу улицы и увидели свободное такси. Тут Хейзен глубоко вздохнул и заметил:

– Какая чудесная выдалась ночь!.. И еще скажу одну очень странную вещь. Я наслаждался каждой минутой...

Стрэнд лежал в постели. Было тихо, темно. Лесли спала рядом, уткнувшись головой ему в плечо, ее длинные волосы слегка щекотали щеку и шею. С первого дня брака Стрэнд не уставал восхищаться красотой жены, ее телом и теми изысканными наслаждениями, которые оно могло доставить ему. И сегодня, занимаясь с ней любовью, он прошептал: «Я обожаю тебя!..» С годами бешеное желание, которое он постоянно испытывал к ней, переросло в страсть, тихо и постоянно тлеющую в теле и в сердце. Умиротворение, которое он ощущал теперь, лежа в тишине и прислушиваясь к ее тихому дыханию, прервется с наступлением утра. Уик-энд...

Стрэнд удовлетворенно вздохнул.

– Ты проснулся? – сонно прошептала Лесли.

– Только что.

– А что это вы с Элеонор имели в виду, когда говорили о Греции?

– Ах, это!.. – с трудом вспоминая, протянул Стрэнд. – Да она призналась, что собирается в отпуск в Грецию, на какой-то остров. С молодым человеком.

– Вон оно что, – пробормотала Лесли. – Наверное, это она и имела в виду, когда обещала объяснить все после.

– Наверное.

Помолчав, Лесли спросила:

- А она говорила, кто этот молодой человек?
- Нет. Сказала только, что он бывал на том острове и раньше. – Стрэнд замялся, потом все же добавил: – С другой девушкой.
- Он ей прямо так и сказал? – изумилась Лесли и даже немного отодвинулась от мужа.
- Да, он ей все рассказывает. Так она, во всяком случае, утверждает.
- Лесли покачала головой.
- Скверный признак, – заметила она. – Особенно если девочка верит, что это именно так.
- Лично я не стал бы слишком переживать по этому поводу.
- А почему бы ей не привести его в дом, не познакомить с нами? – В голосе Лесли появилось легкое раздражение.
- Пока еще Элеонор в нем не совсем уверена, так она сказала.
- Лесли снова умолкла. А потом, после паузы, спросила:
- А как ты думаешь, может, они сейчас тоже в постели... ну, как мы?
- Ну, уж не как мы, это точно.
- Знаешь, она меня немного пугает, – продолжала Лесли. – Слишком уверена в себе.
- Как Моцарт.
- Что? – Лесли удивилась.
- Разве ты забыла, что мистеру Кроувеллу не нравится в Моцарте?
- Ах, ну да! А я в ответ сказала, что конец Моцарта был трагичен.
- Наша Элеонор вполне в состоянии о себе позаботиться.
- Не знаю... Вечно норовит сделать все по-своему. И если вдруг, не дай Бог, конечно, случится что-то плохое... ну, я не знаю что... она может оказаться вовсе и не такой сильной, как думает. И тогда трудно сказать, как она себя поведет. Может, мне стоит произвести небольшую разведку, узнать, что он собой представляет, этот молодой человек?
- Я бы на твоём месте не стал этого делать.
- Почему нет?
- Ты можешь обнаружить нечто неприятное. То, что тебе не понравится. И будешь потом переживать.
- Лесли вздохнула:
- Наверное, ты прав. Мы не можем служить вечной броней нашим детям. Можем быть только поддержкой.
- Стрэнд рассмеялся:
- Ты так говоришь, точно дни и ночи напролет просиживаешь в моей библиотеке и читаешь.
- Да я вообще делаю много такого, о чем другие и не догадываются! – развеселилась Лесли. – Спать хочешь?
- Так, немножко...
- Тогда спокойной ночи, милый. – Она придвинулась поближе к нему. Но через несколько секунд заговорила снова: – А она вроде бы не слишком одобрила нашего незваного гостя, как тебе показалось?
- Да, не особенно.
- И Джимми тоже. Ты заметил?
- Да.
- Хотя, судя по манерам, он джентльмен с головы до пят.
- Может, именно поэтому дети и восприняли его едва ли не в штыки, – сказал Стрэнд. – Знаешь, истинное джентльменство выглядит в наши дни как-то подозрительно. Молодые люди склонны приравнивать его к лицемерию. Между прочим, Хейзен думает, что где-то видел меня прежде.

– А где именно?

– Он не мог вспомнить.

– А ты?

– Понятия не имею.

– А знаешь, что Джимми сказал про него, когда вы пошли ловить такси?

– Что?

– Что он выражается в точности как те люди, которых попересажали в тюрьму по уотергейтскому делу. Сказал, что у мистера Хейзена губчатый словарь. Уж не знаю, что он имел в виду.

– Ровно в половине случаев я и сам не понимаю, что имеет в виду Джимми, когда говорит со мной, – заметил Стрэнд.

– Но он все равно очень хороший мальчик! – с вызовом произнесла Лесли.

– Я же не сказал, что он плохой. Просто использует совсем другие, непонятные нам выражения.

– А тебе не кажется, что и наши родители испытывали то же самое, когда мы были в возрасте Джимми, а?

– Ну вот, снова завела свою песню о поколениях, мать... – шутливо поддразнил жену Стрэнд. – О том, как они приходят и уходят...

– Можешь смеяться надо мной, если хочешь. Однако... – Лесли не закончила фразы. – Ладно, как бы там ни было, вечер выдался довольно интересный.

– Знаешь, на улице Хейзен сказал, что наслаждался каждой его минутой.

– Бедняга... – пробормотала Лесли и поцеловала Стрэнда в шею. – Ладно, давай-ка спать.

Глава 3

«Я завидую вашей семье, сэр», – прозвучал чей-то голос из прошлого. Но когда? Несколько лет назад? Прошлой ночью?.. «Сверх всякой меры...» Кто говорил это? Кому? О какой семье шла речь?..

Стрэнд читал в спальне. Для Лесли субботнее утро обычно было связано с множеством хлопот. С восьми утра и до часу непрерывным потоком шли ученики, и Стрэнд закрылся в комнате, чтобы не слышать фальшивого и тупого бряканья клавишей. Читал он для собственного удовольствия. На тумбочке возле постели у него лежали две книги, к которым он любил прибегать в моменты, подобные этому, – «Завоевание Мексики» Прескотта и «Завоевание Перу». Он был по природе своей кабинетным ученым, и самые дальние вылазки за материалами сводились к походам в читальные залы публичной библиотеки на Сорок второй улице. А потому он особенно ценил красочные описания слепого ученого, заточившего себя в Кембридже, его пространные рассказы об отчаянных подвигах, которые совершали в дальних уголках планеты неукротимые смельчаки. Именно они изменили лицо планеты – всего-то с помощью нескольких шпаг да отряда кавалеристов. Эти мужчины ни на миг не задумывались о том, какой вердикт спустя столетия им вынесет история – вернее, обитатели континента, испытывающие вместо них чувство вины за все эти кровавые подвиги.

Совсем другое ценил Стрэнд в работах Сэмюэля Элиота Морисона, который принимал участие в морских сражениях, бороздил океаны по следам Колумба и Магеллана и с такой выразительностью и жестким натурализмом описывал плаванья на примитивных суденышках и кровавые битвы. Будь Стрэнд по природе своей амбициозным, он бы обязательно стремился пойти по стопам Прескотта. Потому как, с грустью признавался он сам себе, жизнь человека, подобного Морисону, ему просто не по плечу.

В молодости он мечтал стать ученым с именем. И учился уже на последнем курсе колледжа, когда внезапно умер отец, оставив после себя жалкую мастерскую по ремонту электроприборов, постоянно болеющую жену и ничтожную сумму в страховых облигациях. Стрэнду пришлось проститься с мечтой о дальнейшем образовании. Он решил ограничиться малым – получить лицензию на право преподавания истории в старших классах школы. Там он по крайней мере мог работать в любимой им области и зарабатывать на жизнь себе и матери. К тому времени, когда мать умерла, он был уже женат на Лесли и у них родилась дочь. А потому он продолжал преподавать, читать книги по истории, но до сочинения их дело так и не дошло. И хотя порой Стрэнд сожалел о том, что карьера ученого у него не сложилась, выпадали и в его жизни счастливые моменты и в целом он был доволен жизнью. Перечитывание любимой книги тихим и спокойным субботним утром как раз принадлежало к числу таких моментов.

Он позавтракал рано в обществе Лесли и Кэролайн, краем уха прислушиваясь к их болтовне и просматривая за кофе «Таймс». Дочь заявила, что будто бы слышала, что Джимми вернулся в три. Дверь в его комнату была до сих пор закрыта, и Кэролайн считала, что братец поднимется не раньше двенадцати. Похоже, события вчерашней ночи никак не отразились на девочке. За завтраком она сидела уже в костюме для игры в теннис, а сразу же после него отправилась играть, прихватив старую деревянную ракетку и пообещав вернуться домой до наступления темноты.

Утром по субботам к ним приходила миссис Кертис – делать уборку в доме, отвечать на звонки и впускать детей, приходивших на уроки. Иногда Лесли зазывала Стрэнда в гостиную – послушать какого-нибудь маленького мальчика или девочку, которые обещали в будущем стать настоящими пианистами. Но сегодня Стрэнд не удостоился приглашения ни на

один из таких импровизированных концертов, потому сделал вывод, что ни одного стоящего внимания таланта Лесли не выявила, а следовательно, за ленчем жена будет в дурном расположении духа.

Он уже, наверное, раз в пятнадцатый перечитывал описание битвы Кортеса за мощную дорогу, открывавшую путь войскам на Мехико, как вдруг зазвонил телефон. Стрэнд спустился в холл и взял трубку. Это оказалась Элеонор.

– Как Кэролайн? – первым делом спросила она.

– Никаких видимых повреждений, – ответил Стрэнд.

– Я тут провела маленькое домашнее расследование, – сказала Элеонор. – Касательно мистера Рассела Ренна Хейзена. Заглянула в «Кто есть кто». Знаешь, нашей малышке удалось подцепить настоящего кита!

– Кита? Что-то не понял...

– Ну, большого и важного человека, – объяснила Элеонор. – Он глава одной из крупнейших адвокатских фирм на Уолл-стрит. Фирма основана его отцом, теперь уже покойным. Он состоит членом совета директоров примерно дюжины гигантских корпораций, начиная от нефтяных и кончая агропромышленными и химическими. Является профессионалом старой школы, имеет одну из богатейших в Америке коллекций импрессионистов и прочих шедевров современного искусства. Коллекцию начал собирать еще отец, и она неустанно пополняется его смышленным мальчиком. Хейзен также упоминается в связи с различными музеями, которые поддерживает, и оперой. Известен как меценат. В незапамятные времена играл в хоккей за команду Йельского университета, является членом Национального олимпийского комитета, а также членом множества клубов, в том числе таких престижных, как «Ракетка», «Сенчури» и «Юнион-клуб». Женат на леди, имя которой упоминается в «Светском альманахе»⁶, в девичестве Кэтрин Вудбайн. Имеет троих детей, уже взрослых. Двух дочерей и сына. Продолжать или хватит?

– Думаю, достаточно, – ответил Стрэнд.

– Правда, в этом самом «Кто есть кто» ни слова о том, что он вечерами катается на велосипеде, – продолжала Элеонор. – Но думаю, об этом обязательно будет упомянуто в следующем выпуске. Я еще за обедом подумала: он не из тех полоумных, что ходят поправлять здоровье в Центральный парк.

– И я сразу понял, что он человек непростой, – сказал Стрэнд. – Правда, следует отдать ему должное, он не афиширует свое высокое положение.

– А ему и не надо. Скажи, есть у тебя хотя бы один знакомый, о ком упоминалось бы в «Кто есть кто»?

– Сразу и не вспомнишь, – ответил Стрэнд. – Кажется, имеется один. Старый профессор, из школы Джуллиард, где училась твоя мама... Вот, пожалуй, и все. А о чем вы говорили в такси?

– Он спросил, что я имела в виду, когда сказала, что вкалываю как проклятая. По его мнению, мы должны принадлежать к среднему классу.

– Ну и что ты ответила?

– Сказала, что это просто так, фигурально выражаясь. А еще он сказал, что очень бы хотел увидеть всех нас снова. Вообще он произвел на меня впечатление очень одинокого человека. Хотя после того, что я прочитала, вряд ли такое возможно...

– А у меня создалось впечатление, – заметил Стрэнд, – что он тебе не очень-то понравился.

⁶ Ежегодник, в котором приводятся имена и биографии лиц, принадлежащих к избранному обществу.

– Не то чтобы так, – ответила Элеонор. Голос ее звучал несколько неуверенно, словно она сама никак не могла разобраться, какое впечатление произвел на нее Хейзен. – Просто между ним и нами пропасть. Да что там пропасть – самая настоящая бездна! Тебе не кажется?

Стрэнд рассмеялся.

– Ну, я не слишком большой специалист по безднам... Ладно, не важно. Лучше скажи, мы тебя увидим в следующий уик-энд?

– Боюсь, что нет, пап. Не сердись. Но я уезжаю в Коннектикут, насладиться природой и все такое прочее. В понедельник позвоню.

– Что ж, желаю приятно провести время. – И Стрэнд повесил трубку. Интересно, где это Элеонор раздобыла «Кто есть кто»? Не похоже, чтобы она успела побывать в библиотеке, а то, что в доме у дочери этой книги нет, Стрэнд знал точно. Возможно, она звонила из квартиры своего молодого человека. И Стрэнд тут же запретил себе думать о том, чем они занимались этой ночью, после того как Элеонор отвезла Хейзена. Удрученно покачав головой, он подумал: в конце концов, это ее жизнь.

Он вернулся в спальню и снова взялся за Прескотта. И, рассеянно листая страницы, размышлял – без малейшего, впрочем, чувства зависти, – почему это Хейзену удалось столь многого добиться в жизни, во всяком случае, по уверениям Элеонор. А вот ему – нет...

Наконец он снова сосредоточился на книге, но тут в дверь постучали. Это была миссис Кертис.

– Пришел тот самый человек, который обедал тут у вас вчера, – сообщила она. – Выглядит кошмарно, на лице все цвета радуги, но он принес букет для миссис Стрэнд. Спрашивает, не могли бы вы выйти к нему на минутку, если, конечно, не слишком заняты. И еще он хотел забрать свой велосипед, но Александра сегодня утром не будет.

– А когда вернется Александр? – спросил Стрэнд, надевая потрепанный твидовый пиджак, свою обычную воскресную одежду, и всовывая ноги в мокасины.

– Не раньше чем через час. Поехал в город, искать какую-то деталь для бойлера.

Стрэнд прошел по темному длинному коридору мимо закрытой двери в спальню Джимми, затем вышел в прихожую. На стенах висели литографии, какие-то старые афиши, а также натюрморт работы Лесли. Не упомянутой в «Кто есть кто», подумал Стрэнд. Хейзен держал в руках огромный букет цветов, завернутый в бумагу. На столике лежал еще какой-то продолговатый предмет, тоже в оберточной бумаге.

– Доброе утро, сэр, – поздоровался Хейзен. – Надеюсь, не слишком вас побеспокоил?

– Доброе утро, – отозвался Стрэнд, и мужчины обменялись рукопожатием. – Утром по воскресеньям меня никто не может побеспокоить. Это у меня время для ничегонеделанья.

Миссис Кертис была права: Хейзен действительно выглядел ужасно. Поверх повязки он натянул шерстяную лыжную шапочку, отчего голова казалась непропорционально большой. Лицо опухшее, бесформенное, кожа на щеке приобрела смешанный желтовато-пурпурно-зеленый оттенок. Но глаза были ясными, блестящими, да и одет он был в отличный темно-серый костюм. А дорогие кожаные туфли сверкали, точно полированное красное дерево.

– Ну, как прошла ночь? – осведомился Стрэнд.

– Прошла. – Хейзен пожал плечами. – А как ваша дочь?

– Уже убежала играть в теннис. И за завтраком была весела, как птичка.

– Молодость! Уникальная способность быстро восстанавливать физические и душевные силы, – заметил Хейзен.

Все время говорит какие-то банальности, подумал Стрэнд.

– Вот, принес цветы вашей жене. – Хейзен пошевелил букетом, отчего бумага тихонько зашелестела. – В знак признательности за ее бесконечную доброту и участие.

– К сожалению, она сейчас занята. У нее урок, – сказал Стрэнд.

– Да, я слышу, – кивнул Хейзен. И ни словом не обмолвился о качестве того, что слышит.

– Но она будет очень рада. Миссис Кертис, не будете ли вы так добры поставить цветы в вазу?

Миссис Кертис приняла букет из рук Хейзена и отправилась с ним в ванную.

– Тут у меня и для Кэролайн кое-что. – Хейзен указал на продолговатый пакет, лежавший на столике. – Новая ракетка. Фирмы «Хед». Я заметил, что та ракетка, которую она повредила, обороняя меня, была именно фирмы «Хед».

– О, а вот это вы совершенно напрасно! – воскликнул Стрэнд. – Однако, уверен, девочка будет просто в восторге.

– Там же, в пакете, и приспособление для натягивания струн, – добавил Хейзен. – Поскольку мне не известно, насколько туго она предпочитает их натягивать. Всего-то и надо, что занести ракетку в магазин теннисных принадлежностей «Сакс», и они сделают все, что необходимо.

– А у вас выдалось хлопотное утро, мистер Хейзен, – заметил Стрэнд. – Еще и одиннадцати нет, а вы уже успели побывать и в «Саксе», и в цветочном магазине.

– Я жаворонок, – ответил Хейзен. – Еще одна черта, унаследованная от отца.

– Мне кое-что известно о вашем отце, – проговорил Стрэнд.

– Вот как? – равнодушным тоном откликнулся Хейзен. – Что ж, это неудивительно.

– Недавно звонила моя старшая дочь, Элеонор. Она нашла ваше имя в справочнике «Кто есть кто».

– О, вот как? А мне показалось, моя особа ее мало заинтересовала.

– Она сказала, что там и словом не упомянуто о том, что вы приверженец велосипедных прогулок.

Хейзен улыбнулся:

– Пусть эта деталь моей биографии останется между нами, договорились? Полагаю, мне не следует гордиться тем, что произошло прошлой ночью.

– Не вижу в том вашей вины, – заметил Стрэнд.

– Я мог бы остаться дома, – сказал Хейзен. – Я допустил глупость, пренебрег тем обстоятельством, что время было уже позднее. Однако... – Тут лицо его просветлело. – Иначе мне не удалось бы познакомиться с вами и вашей чудесной семьей. Я действительно отнял у вас массу времени. Я хотел оставить ракетку и цветы внизу, в холле, забрать свой велосипед и уйти. Звонил, но у домовладельца никто не отвечал, вот я и...

– Да, его сейчас нет, – сказал Стрэнд. – Можете подождать здесь немного? Пойду спрошу у миссис Кертис, где ключ от подвала.

– Благодарю вас, – сказал Хейзен. – Если вам не трудно.

Миссис Кертис была на кухне, ставила букет в вазу с водой.

– Красивые цветы, не правда ли? – заметил Стрэнд. О цветах он имел самое смутное представление. Нет, он мог отличить розы и хризантемы, но всегда терялся при определении остальных представителей цветочного царства.

– На те деньги, что за них заплачены, – проворчала в ответ миссис Кертис, – вы могли бы кормить семью целую неделю.

– Мистер Хейзен хотел бы забрать из подвала свой велосипед, – сказал Стрэнд, игнорируя комментарий миссис Кертис об экономической ситуации, сложившейся в его семье. – Вы знаете, где Александр держит ключи?

– Ступайте в бойлерную, – ответила миссис Кертис, – дверь там не заперта. Справа увидите на стене полочку. И там, на ней, в углу, найдете ключ. Что, этот человек собрался ехать через парк на велосипеде в таком состоянии?

– Наверное.

– Да он всех зверей в зоопарке перепугает до смерти, из клеток разбегутся, бедняжки. – Миссис Кертис снова поправила цветы в вазе. – Не забудьте положить ключ на место.

– Не забуду, – обещал Стрэнд. И пошел обратно в прихожую, где его дожидался Хейзен. На лице адвоката застыла еле заметная гримаска неудовольствия – он прислушивался к гаммам, которые, отчаянно фальшивя, кто-то наигрывал в гостиной. Стрэнд улыбнулся.

– Обычно бывает гораздо лучше, – заметил он. – Просто этот ученик Лесли не принадлежит к разряду музыкальных звезд.

– Что ж, и такой труд уже сам по себе награда, – заметил Хейзен, перестав хмуриться. – Вообще все эти молодые люди... – начал было он и тут же осекся.

– Я узнал, где ключ от подвала, – сказал Стрэнд. – Сейчас мы с вами спустимся туда и...

– О, это совершенно не обязательно, – сказал Хейзен. – Я и без того доставил вам массу хлопот. У меня там человек, внизу, в холле. Вы только скажите мне, где ключ...

– Да нет, я все равно собирался выходить, хотел немного прогуляться. – Эта идея пришла Стрэнду в голову только что. Он распахнул дверь и последовал за Хейзенем к лифту. В холле стоял высокий мужчина лет тридцати пяти в вельветовых джинсах и свитере. Хейзен представил его как одного из своих секретарей. Мистер Конрой – так его звали – выглядел болезненно-хилым и слабым. Глядя на его лицо, Стрэнд подумал: цвет пепла, на который в течение многих лет проливались кислотные дожди. Да и одет мистер Конрой был крайне небрежно и уж вовсе не официально. Интересно, подумал Стрэнд, как выглядят остальные секретари Хейзена, сколько их у него и компенсируют ли они своим внешним видом неказистый облик Конроя?

Мужчины спустились по лестнице ко входу в бойлерную, и Стрэнд нашел ключ. Отпер дверь в подвал, и Конрой быстро и ловко подхватил велосипед. Стрэнд вызвался помочь тащить его вверх по ступенькам, но Хейзен нетерпеливо заметил:

– Он прекрасно справится сам. Верно, Конрой?

– Ну разумеется, сэр, – ответил тот.

Стрэнд запер дверь и убрал ключ на место. Конрой с велосипедом поджидал их на залитой солнцем улице.

– Просто оставишь у привратника, – распорядился Хейзен.

– Слушаюсь, сэр.

– Тогда до понедельника.

– До понедельника, сэр, – ответил Конрой. – Но если вдруг понадобится во время уик-энда, оставьте сообщение на автоответчике.

– Если возникнет необходимость, – сказал Хейзен.

Они со Стрэндом наблюдали за тем, как Конрой отъехал.

– Насколько я понимаю, он не является членом профсоюза, этот ваш Конрой, – заметил Стрэнд. – Иначе не сидел бы по выходным у телефона в ожидании вызова на работу.

– Он дельный малый, и ему хорошо платят за каждый час переработки. Вызывают время от времени. К тому же не женат. В данных обстоятельствах это большой плюс. – Хейзен усмехнулся. – Если не возражаете, может, пройдемся немного вместе?

– А куда бы вам хотелось пойти? – спросил Стрэнд. – В парк?

Адвокат улыбнулся и отрицательно покачал головой:

– Нет, на какое-то время с парком покончено. Слишком свежи воспоминания. Может, к Линкольн-центру?⁷..

– С удовольствием, – отозвался Стрэнд, и они зашагали по улице. – Никогда не уставал любоваться этим сооружением. Как-то обнадеживает, заставляет думать, что со временем город не превратится в полное убожество.

⁷ Театрально-концертный комплекс, построенный в Нью-Йорке в 1965 г.

Какое-то время мужчины шли молча и не испытывали при этом неловкости. Затем Стрэнд заметил:

– А я вот все думаю о вашем имени...

– Почему?

– Жил некогда на свете некий Уильям Хейзен, чье имя значится в примечаниях в учебнике по военной истории США.

– Вот как? – В голосе Хейзена звучал неподдельный интерес. – И чем же он занимался?

– Ну, учился в Вест-Пойнте⁸, затем сражался с индейцами, а во время Гражданской войны уже в чине полковника воевал под командованием генерала Шермана в Джорджии. Командовал полком волонтеров из Огайо. И принимал участие в штурме форта Макаллистера.

– О Бог мой!.. – пробормотал Хейзен. – И откуда же вы все это разузнали?

– Учитель истории – настоящий кладезь бесполезной информации.

– Ну а чем еще он занимался? Если был важным человеком, возможно, мне следует претендовать на родство?

– Стал генералом и основал войска связи.

Хейзен рассмеялся.

– Войска связи! Знаете, у меня есть старый приятель, был пехотинцем во время Второй мировой. Он не очень-то жаловал войска связи. Рассказывал, что у них, в пехоте, была такая поговорка: «Достань звездочку из окошка, мать, твой сын поступил в войска связи». Пожалуй, я не буду претендовать на родство с ним... Кроме того, моя семья приехала в Нью-Йорк в 1706 году и никогда не бывала в Огайо. Ну а ваши предки?

– Мне не слишком много о них известно, – ответил Стрэнд, уже жалея, что затеял этот разговор. – Родители приехали в Нью-Йорк в 1920-м, из Ланкашира. Отец воевал, отравился газами на Сомме⁹, после чего заявил, что по горло сыт Европой. А когда я пытался расспрашивать отца о его семье и семье его матери, он отвечал, что они не стоят того, чтобы о них говорить. – Стрэнд пожал плечами. – Ну, пришлось поверить ему на слово.

Теперь в молчании их сквозила натянутость. А когда Хейзен заговорил снова, выяснилось, что он решил кардинально сменить тему.

– Я все раздумывал над тем, что вы говорили прошлым вечером, – заявил он. – О том пуэрто-риканском мальчике из старшего класса.

– Его имя Ромеро.

– Суть в том, что в наши дни довольно легко организовать обучение для многообещающих молодых людей. Особенно если они принадлежат к нацменьшинствам. Причем в самых лучших колледжах. Как думаете, вашего ученика это могло бы заинтересовать?

Стрэнд призадумался.

– Боюсь, что на основе тех оценок, которые он получит у нас, его будет трудно причислить к многообещающим. Судя по высказываниям других учителей, по их предметам он не успевает. Просто отказывается работать. Сомневаюсь, что он сможет заработать достаточно высокие баллы даже для получения аттестата.

– Скверно... – пробормотал Хейзен. – А как вы считаете, он обладает достаточными способностями и желанием, чтобы подтянуться? Прибавить хотя бы в последний год?

– Нет, в школе Ривер-Хай у него ничего не получится. У нас не та атмосфера.

– Но если, допустим, он получил бы стипендию, которая дала бы ему возможность в течение года, а то и двух обучаться в какой-нибудь хорошей школе, где... э-э... более здоро-

⁸ Военная академия сухопутных войск, находится в штате Нью-Йорк, на р. Гудзон.

⁹ Река на севере Франции, где происходило сражение англо-французских войск с немецкими войсками в 1918 г. с использованием последними газовой атаки.

вые обстановка и окружение? Может, тогда он смог бы подтянуться и стать полноправным кандидатом для поступления в колледж?

Стрэнд пожал плечами.

– Все, разумеется, зависит только от него. В данный же момент он мало чем отличается от любого другого ученика нашей школы. Если, конечно, не считать того факта, что очень много читает, причем по большей части книги эти не имеют никакого отношения к программе. Мало того, он презирает авторов этих книг, не подчиняется правилам поведения, насмешничает над учителями...

– И над вами тоже?..

– Боюсь, что да, – признался Стрэнд. – Он просто обожает провоцировать меня. К примеру, я читаю лекцию, которая входит в учебный план, а он в любой момент может встать и выйти из класса.

Хейзен печально покачал головой.

– Сколько денег, сколько усилий, сколько доброй воли вкладывает общество в наши школы, – заметил он, – а что мы получаем взамен?

– Бунт, – ответил Стрэнд. – Иногда скрытый, но довольно часто и открытый.

– Могу представить, как вам трудно. – Хейзен снова покачал головой. – Однако же мы ведь не можем просто умыть руки и ничего не предпринимать, не так ли?

Стрэнд не совсем понял, кого Хейзен имел в виду под словом «мы» и что именно должен был предпринять он, Аллен Стрэнд, чтобы влиться в это обобщенное понятие.

Хейзен шагал по улице, глядя прямо перед собой и не обращая ни малейшего внимания на любопытных прохожих, глазевших на его лыжную шапочку и избитое лицо.

– Но не можем же мы допустить, чтобы целое поколение или большая часть поколения вверглась в нигилизм... да, иначе не скажешь, именно нигилизм!.. – В голосе Хейзена прорезались звонкие ораторские нотки. – Лучших из них следует спасать... И мне совершенно все равно, откуда придут эти лучшие: из трущоб, ферм, шикарных поместий, гетто, – мне все равно! Для страны наступают тяжелые времена, и если наши лидеры будут невежественными, необразованными людьми, катастрофа просто неминуема!

Любопытно, подумал Стрэнд, высказывает ли сейчас Хейзен нечто давно наболевшее?.. Или же его вдруг осенило и он осознал то, о чем не задумывался прежде, до тех пор, пока ему едва не раскроили череп куском железной трубы? Сам Стрэнд, вовлеченный в повседневную борьбу с нерадивыми учениками, предпочитал не заглядывать так далеко. И еще ему казалось, что состояние дел в государстве вряд ли прямо связано с образованностью лидеров.

– Ну да Бог с ним. – Хейзен вновь заговорил нормальным тоном. – Будем и дальше стараться по мере своих слабых сил. И если вдруг надумаете поговорить с мальчиком, сделайте это. И сообщите потом мне, что он ответит.

– Попытаюсь.

Словно прочитав его тайные мысли, Хейзен вдруг придвинулся поближе и тихо спросил:

– А вы когда-нибудь подумывали о том, чтобы уйти из этой системы? Из школы вообще?.. Ведь это, должно быть, действует угнетающе – трудиться год за годом, не видя никакой перспективы... Может, стоит попробовать устроиться в какой-нибудь закрытый колледж, за городом? Или в привилегированную частную школу, где даже с чисто интеллектуальной точки зрения от работы можно будет получать больше удовлетворения, чувствовать, что твои усилия не напрасны?..

– Жена заговаривает об этом время от времени, – ответил Стрэнд. – И я тоже подумывал, да. Но я родился в Нью-Йорке, очень люблю этот город. Да и потом уже староват, пожалуй, для пересадки на новую почву.

– А научная степень у вас имеется?

– Магистр гуманитарных наук, – улыбнулся Стрэнд. – Заработал ее на вечернем отделении Нью-Йоркского университета. Днем преподавал.

– Вы что-нибудь пишете?

– Да нет... Я, знаете ли, скорее читатель, нежели писатель.

– Будь я дипломированным историком, – заметил Хейзен, – все то, о чем вы говорили вчера, и в особенности теория случайных событий, непременно подвигло бы меня на рассмотрение определенных периодов в нашей истории именно в этом плане. Это дало бы почву для весьма забавных умозаключений. К примеру, на тему того, чем могли бы обернуться известные нам великие события при малейшем изменении хотя бы одного из составляющих их элементов.

– Не было гвоздя, подкова пропала, – подхватил Стрэнд. – Подкова пропала, лошадь захромала, лошадь захромала, конница бежит, враг вступает в город... ну и так далее. Вы об этом?

– Ну, в целом да. Хотя, конечно, вы несколько упрощаете.

– Подкину эту идейку Ромеро, – весело заметил Стрэнд. – Пусть благодарит вас за подсказку и вдохновение.

– Да нет, я совершенно серьезно, – сказал Хейзен. – Я считаю, что пересмотр американской истории в этом плане имел бы огромное положительное значение. Я, конечно, не специалист, но лично мне кажется, что Америка, Соединенные Штаты Америки просто ослеплены собственным величием. И что для этого нет особых оснований. И что мы ввергаемся в пучину всеобщего отрицания. Слишком тяготеем к Европе, терроризму, фракционности, цинизму в частной и общественной жизни. Лично я не нахожу в этом ничего хорошего. И еще мне кажется, что это вовсе не предопределено.

– А вы, на мой взгляд, пессимист, мистер Хейзен.

– Куда меньший, чем это может показаться с первого взгляда. Скорее, я разочарован. Многие надежды превратились в прах. Институты, во имя процветания которых я работал, не оправдали ожиданий. Люди, которых я любил, оказались вовсе не теми, кем я их представлял. Личности обмельчали, карьеры остались нереализованными. Нет, я не настолько пессимист, чтобы сдаться. Я верю в борьбу, разум, основные моральные ценности. Ну, взять, к примеру, вчерашний вечер. Ваша девочка не раздумывая бросилась спасать совершенно незнакомого ей человека, причем рисковала при этом собственным здоровьем, а возможно, и жизнью. И еще на меня огромное впечатление произвела ваша семья. Эта забота друг о друге, ненавязчивая любовь, которая, я чувствовал, так и витала вокруг, эти сплоченность и единение, причем не по принуждению. А главное, отсутствие даже малейшего намека на смертельное заболевание – одиночество. Нет, я вовсе не склонен к преувеличениям, но вечер, подобный вчерашнему, – сильнейшее средство от пессимизма. Особенно в наши дни и для человека моего возраста...

– Боюсь, вы придаете слишком большое значение такому заурядному событию, как семейный обед, – заметил Стрэнд, немного смутившийся от всех этих комплиментов. – Ей-богу, вы заставите меня испытывать неловкость всякий раз, когда я буду доставать ключ, чтоб отпереть входную дверь.

– Слишком много болтаю. Типичный порок адвокатов. – Хейзен рассмеялся. – Цветов и ракетки было бы вполне достаточно. Вижу, я вас смутил. Простите... Я не привык иметь дела со скромными людьми. О, кстати, вспомнил. – Он полез во внутренний карман пиджака и извлек оттуда маленький конверт. – У меня два билета в филармонию, на сегодня. Дают концертную версию «Проклятия Фауста» Берлиоза. Возможно, вы с женой хотите пойти?

– Нет никакой необходимости... – запротестовал было Стрэнд.

– По улицам в таком виде я еще могу ходить, – сказал Хейзен. – Но представьте, какую реакцию вызовет мое появление в филармонии! Прошу вас, возьмите билеты. А уж там решите, пойдете или нет. – Он протянул конверт Стрэнду. – Иначе мне просто придется их выбросить.

– Но вы собирались кого-то пригласить, – заметил Стрэнд. – Здесь ведь два билета.

– Моя дама передумала. Сказала, что у нее сегодня другие планы на вечер, – ответил Хейзен. – Так вам с женой хотелось бы пойти?

– О да, очень.

– Тогда берите билеты! – решительно заявил Хейзен. – Вы ведь не из тех, кто ненавидит Берлиоза, верно?

– О нет. Совсем напротив.

– Как-нибудь в другой раз, когда буду выглядеть более презентабельно, можем сходить вместе.

– Благодарю вас. – Стрэнд сунул билеты в карман. – Лесли будет просто счастлива.

– Чем доставит огромное удовольствие мне, – сказал Хейзен.

Они уже дошли до Линкольн-центра. Адвокат, прищурившись, рассматривал здание.

– Неким странным образом, – устало заметил он, – мы постепенно утратили понятие о гармонии в архитектуре. И однако же заведение это весьма полезное. – Он взглянул на часы. – Боюсь, мне пора в контору.

– Вы работаете по субботам?

– О, это мой любимый день недели. В офисе никого, тихо, спокойно, телефон не звонит, на столе поджидает стопка аккуратно сложенных бумаг. Я покупаю сэндвич и бутылку пива, вхожу, снимаю пиджак, расстегиваю верхнюю пуговицу воротничка и чувствую себя мальчишкой, который готовится к экзамену в твердой уверенности, что успешно сдаст его. А чем вы занимаетесь днем по субботам?

– Ну... – начал Стрэнд, – весной, в такую пору, как сейчас, предаюсь в основном маленьким тайным порокам. Сажу в спальне и смотрю по телевизору бейсбольные матчи. А Лесли тем временем занимается с учениками в гостиной. – Маленький телевизор подарила ему Элеонор, и Стрэнд вдруг почувствовал, что вот этого говорить Хейзену не стоит. – Болею за команду «Янки». Вообще в молодости я был полным профаном по части спорта. Зато теперь, когда смотрю, как рвется вперед Регги Джексон, мощно, целеустремленно и напористо, начинаю понимать, как это прекрасно – быть сильным, талантливым. Все время рисковать и знать, что миллионы людей в этот момент обожают тебя или ненавидят. – Он рассмеялся. – Лесли пытается меня ограничить. Только два матча в неделю.

Стрэнд почувствовал, что собеседник, идеал наслаждения которого сводился к тому, чтобы сидеть в пустом офисе и ковыряться в груде бумаг, взирает на него с любопытством и даже неким недоумением. Точно на представителя какой-то новой, незнакомой ему разновидности человеческой породы.

– Часто ходите на стадион?

– Нет, редко.

– А знаете, у меня есть постоянный пропуск в ложу владельца. Может, как-нибудь погожим субботним днем я плюну на свою контору и мы пойдем и посмотрим вместе игру? Вы не против?

– С удовольствием.

– Тогда, думаю, дождемся, пока не приедет команда из Бостона. Посмотрю в расписании матчей. Ну а что зимой?

– Зимой?

– Я хотел спросить: что вы делаете по субботам в зимнее время?

– Ну... – протянул Стрэнд, – когда в Музее современного искусства показывают какой-нибудь старый фильм, стараюсь попасть на него.

Хейзен энергично стукнул кулаком по собственной ладони.

– Вот оно! Музей современного искусства. Именно там я вас и видел. На картине с Бастером Китон¹⁰.

– Вам нравится Бастер Китон? – несколько недоверчиво спросил Стрэнд.

– Я помечаю картины в программке, которую они мне посылают, и если удастся вырваться, стараюсь посмотреть. – Хейзен усмехнулся, отчего разноцветные синяки на лице сложились в новый рисунок. – Да и потом, кому же может не нравиться Бастер Китон? Любой, кто посмеет заявить противное, – с мрачной насмешливостью добавил он, – будет лишен права голоса. Нет, если серьезно, – добавил он после паузы, – я стараюсь смотреть и все картины с Гарбо. Она напоминает о том, как пали нравы. Прежде идеалом для нас являлась богиня, а кому мы теперь поклоняемся? Каким-то официанткам. Дорис Дей... И еще эта ужасная женщина, Фасетт. – Он снова взглянул на часы. – Привык придерживаться распорядка. Каждую субботу прихожу в офис ровно в час дня. Если опоздаю хотя бы на две минуты, сторож, что дежурит внизу и впускает меня, наверняка позвонит в полицию. Так что поговорим о красавицах прошлого как-нибудь в другой раз. Я, во всяком случае, надеюсь на это. А захотите посмотреть матч с «Янки», дайте мне знать.

Они пожали друг другу руки.

– Получил огромное удовольствие от этой прогулки, – сказал адвокат. – Может, если в следующую субботу оба будем в городе, повторим?

– Ну, я-то точно буду в городе, – отозвался Стрэнд.

– Тогда я вам позвоню. Наслаждайтесь Берлиозом.

Стрэнд смотрел, как Хейзен проворно забирается в такси, на миг заслонив своей крупной фигурой дверцу.

Бастер Китон, о Боже!.. Как только машина отъехала, Стрэнд достал конверт и взглянул на билеты. Пятый ряд партера... Этот человек знал, на что тратить деньги. С радостным замиранием сердца учитель убрал билеты обратно в карман и повернул к дому.

¹⁰ Китон, Бастер (1896–1966) – выдающийся комедийный актер немого кино.

Глава 4

Берлиоз... Ревущий поток звуков.

На лоб легла прохладная женская рука. «Ты нужен мне», – прозвучал чей-то голос. Он пытался открыть глаза и взглянуть, чья это рука лежит у него на лбу, но не было сил поднять веки. Чья бы то ни была...

– Что-то я не пойму... – сказал мальчик.

Они с Ромеро находились в маленьком кабинетике Стрэнда. Стрэнд сам попросил ученика задержаться на минутку после занятий и тем не менее удивился, увидев, как тот входит в его кабинет.

– Я ведь уже объяснил, – терпеливо продолжил Стрэнд. – Просто рассказал о тебе одному своему... другу, новому знакомому. А тот оказался очень влиятельным человеком и просил передать, что, если ты заинтересован в продолжении образования, он попытается похлопотать, чтобы ты получил стипендию...

– Ага, ага, – пробормотал Ромеро. – Все это мы уже слышали. Я хочу знать: почему он заиклился именно на мне?

– Я назвал тебя многообещающим, – ответил Стрэнд.

– Никаких обещаний я никому не давал, – угрюмо заявил мальчик.

– Да не в том смысле, – сказал Стрэнд. После долгого и утомительного рабочего дня он с трудом сохранял терпение, разговаривая с этим маленьким смуглым оборванцем, подозрительно и мрачно взиравшим из-под копны спутанных волос. На Ромеро красовались бесформенные синие джинсы, грязные тапочки и линялая футболка, которая была явно ему велика и, вполне возможно, когда-то украдена из раздевалки. Парнишка стоял, небрежно привалившись к столу, и нетерпеливо теребил в пальцах незажженную сигарету. На футболке значился номер: «17». Ромеро ходил в ней на занятия каждый день, и в сознании Стрэнда число 17 стало ассоциироваться с убогой атмосферой школы. – Я имел в виду, что из всех моих учеников, у кого нет возможности самостоятельно поступить в колледж, ты проявил наиболее оригинальный склад мышления.

– Шутите, что ли, профессор? – ухмыльнулся Ромеро. – На самом деле вы небось сказали совсем иначе. Что у вас в классе имеется парень, наличие которого доказывает, что не все пуэрториканцы дебилы. Спорим, что так?

– Я не собираюсь с тобой спорить, – отрезал Стрэнд, уже сожалея, что заговорил с Хейзенем о мальчишке. – И оставь, пожалуйста, в покое свои пуэрто-риканские проблемы. Моего друга интересуют проблемы образования, у него много полезных связей. Он считает, что наиболее способным ученикам следует дать шанс...

– И все же я не понимаю, профессор, – продолжал гнуть свое Ромеро.

– Прекрати называть меня так. Никакой я не профессор.

– О'кей... мистер Стрэнд. Просто я хочу понять: ему-то что за выгода? Какой-то тип, которого я совсем не знаю.

– Дело не в выгоде, – ответил Стрэнд. – Ну, разве что он получит моральное удовлетворение, узнав, что ты успеваешь и можешь рассчитывать в будущем на хорошую карьеру.

– А что я должен для этого сделать? Подписать контракт или отдать ему половину денег, которые заработаю за десять лет? – Ромеро достал из кармана облупленную зажигалку «Зиппо», передумал и снова сунул ее в карман.

Стрэнд удрученно покачал головой. Парень явно не ограничивался чтением книг по истории и естественным наукам. Не брезговал и колонками новостей и сплетен из жизни Голливуда и шоу-бизнеса.

– Скажи, Ромеро, – спросил он, – ты когда-нибудь слышал о таком понятии, как благотворительность?

– Благотворительность! – Мальчик недоверчиво усмехнулся. – Да уж, конечно. Моя старуха сидит на пособиях.

– Пособия здесь ни при чем. И я не собираюсь торчать тут весь день и вести с тобой бессмысленные споры. Если хочешь посвятить год или два настоящей учебе, усердной, без дураков, то тебе предоставляется прекрасный шанс. А впоследствии вполне можешь рассчитывать на стипендию в колледже. Лично я считаю, ты справишься. Если, конечно, мое мнение тебя интересует. Предлагаю пойти домой и обсудить все это с матерью и отцом.

– С отцом! – Паренек снова рассмеялся, на смуглом лице блеснули белоснежные крупные зубы. – Да мой папаша давным-давно смылся! Последний раз мы виделись, когда мне было лет девять.

– Ну, тогда с матерью.

– Она мне все равно не поверит. Еще и отлупит, чтоб не сочинял разные истории...

– Тогда спроси совета сам у себя, Ромеро, – сердито произнес Стрэнд. И встал. – Если решишь, что хочешь добиться чего-то в жизни, придешь и скажешь мне. Ну а если предпочитаешь оставаться лодырем и задницей, тогда забудем об этом разговоре. – Он собрал со стола бумаги и сунул в портфель. – У меня еще работы по горло. Мне пора. Уверен, у тебя тоже полно сегодня разных важных дел, – с иронией заметил он, – так что не смею больше задерживать.

Ромеро глазел на Стрэнда, нагло ухмыляясь, словно хотел вывести его из себя.

– Давай, давай! – громко проговорил Стрэнд и тут же устыдился своей грубости.

– Как скажете, профессор, – ответил Ромеро и направился к двери. Затем вдруг остановился и обернулся. – Я вполне способен позаботиться о себе сам, ясно?! – злобно крикнул он. – И никому не позволено совать нос в дела Ромеро!..

Стрэнд подошел к двери и с грохотом захлопнул ее. Потом вернулся к столу, сел и спрятал лицо в ладонях.

Выходя из школы, Стрэнд столкнулся с Джудит Квинлен, преподавательницей английского. Он слышал, как некоторые ученики называют ее мисс Квинин¹¹, хотя и не в лицо.

– Добрый день, Джудит, – поздоровался Стрэнд, спускаясь по ступеням. Мисс Квинлен была невысокого роста, и пока они вместе шли к автобусной остановке, она, не поспевая за его длинным размашистым шагом, покорно трусила сзади. У нее была миниатюрная, приятно округленная фигурка и печальное бледное личико. Косметикой она не пользовалась. Излюбленным цветом, по крайней мере в стенах школы, был тускло-коричневый. Преподавательницей она считалась хорошей и вообще нравилась Стрэнду. Время от времени они вместе ходили на ленч или выпивали по чашечке кофе. Стрэнд никак не мог определить ее возраст. По его мнению, где-то между тридцатью и сорока.

– О, Аллен, – сказала мисс Квинлен и чисто автоматически прибавила шаг, – как приятно вас видеть. – Она взглянула на него снизу и искоса. – Вы выглядите так, словно вас весь день перемалывали жерновами.

– Вот уж не думал, что будет заметно. А впрочем, день ничем не отличался от остальных. – Стрэнд замедлил шаг. – Тридцать ударов бичом.

Она засмеялась. Смех у нее был приятный, низкий, горловой и непринужденный. Вообще-то хорошенькой ее трудно было назвать, но у нее были большие выразительные светло-серые глаза, и она немного шурилась, словно сияясь понять, что именно он хочет сказать.

¹¹ В переводе с английского «хинин».

– Понимаю, – кивнула женщина. – А я как раз собиралась выпить кофе. Не желаете присоединиться?

– Вообще-то предпочел бы бутылку виски, – улыбнулся Стрэнд. – Но и кофе сойдет. На углу маячил толстяк в бейсбольной кепочке.

– Слышал, он продает героин ребятишкам, – заметил Стрэнд.

– А я слышала, что он продает им билеты нелегальной лотереи, – откликнулась Джудит.

– Может, и то и другое. Или просто пристаёт к малолеткам.

– У меня в классе есть малолетки, которых не вредно было бы придушить. – Она улыбнулась и снова подняла глаза на Стрэнда. – Знаете, если честно, вы выглядите так, словно дошли до точки. Вам когда-нибудь приходило в голову, что вы просто не созданы быть учителем?

– А знаете, над этим стоит подумать, – пробормотал тот.

– Наверное, мне не следовало этого говорить.

– Почему нет? Недавно я сам задавал себе этот вопрос. – Он не стал уточнять, когда именно. – И совершенно запутался. Словно раздвоился. Вот вам и ответ.

Она улыбнулась.

– Мне кажется, это недурная идея – раздвоиться. Представьте, одна ваша половинка спешит на работу, а вторая остается дома и предаётся праздности.

– И все же есть в нашей профессии некоторые преимущества, – заметил Стрэнд. – Ведь вы со всей определенностью можете сказать о ней следующее: она низкооплачиваемая, трудная, непрестижная, время от времени даже опасная. С другой стороны, у нас большой отпуск. Кроме того, мы можем объявить забастовку, ну, как, допустим, сборщики капусты.

Уже в кафе за дымящейся кружкой кофе Джудит сказала:

– А я в течение всего этого семестра пыталась сообразить, стоит ли продолжать работу в школе.

– Что вдруг? – поинтересовался Стрэнд, добавляя в кружку сахар.

– Вы что же, не боитесь диабета? Или располнеть?.. – в свою очередь, полюбопытствовала Джудит и отрицательно покачала головой, когда Стрэнд протянул ей сахарницу.

– Я горжусь своим здоровьем, – серьезно сказал Стрэнд. – Это единственное мое достоинство. Единственное, в чем я уверен. А вы? Неужели серьезно надумали бросить школу?

– Да. – Джудит кивнула, при этом аккуратно завитые черные локоны с вкраплением серебристых прядей печально заколыхались вокруг лица.

– И чем же будете заниматься?

Она пожала плечами, взяла обеими руками кружку и поднесла ее ко рту, отчего тут же стала похожа на маленькую девочку.

– Возможно, стану ветеринаром. После того, через что довелось пройти, общение с животными будет только в радость. Или пойду в монахини. Всегда была плохой католичкой, но, может, еще удастся исправиться в тиши и покое монастыря.

– А вы когда-нибудь подумывали о замужестве?

Джудит порозовела, и Стрэнд пожалел, что задал этот вопрос.

– Да, конечно, – сдержанно ответила она. – Но предложения поступали, мягко говоря, не из блестящих...

– Но ведь вы такая привлекательная женщина. – Говоря это, Стрэнд почти верил в свои слова.

– Всю жизнь прождала, как выражаются девушки, прекрасного принца. Вместо которого, – голос ее звучал почти вызывающе, – почему-то всегда являлся мистер Хам. Причем случалось это несколько раз. Я простая женщина, но не настолько проста, чтобы верить, что брак может решить все проблемы. Вот ваш брак – он помог вам решить какие-нибудь проблемы? – спросила она.

– Ну, некоторые, – ответил Стрэнд. – А заодно создать другие, – добавил он. – Дети... – Он уже хотел было сказать «деньги», но сдержался. И вместо этого заметил: – Знаете, на белом свете полно мест, которые я хотел бы повидать. Но на зарплату учителя особенно не разгуляешься. Так что я передал эстафету своему потомству, и единственное, о чем прошу, – это привозить мне фотографии. Одна из дочерей собралась этим летом в Грецию. – Он сам не понимал, почему сказал об этом Джудит.

– А я прошлым летом ездила в турпоездку на Большие озера, – сказала та. – Предел мечты каждой учительницы английского.

– Ну и как?

– Кошмар! – Джудит грустно усмехнулась. – Почти все время лил дождь, и я была в группе учительниц английского со Среднего Запада. Один день обсуждали Вордсворта, а все остальное время было посвящено дискуссиям о том, как объяснять «Гамлета» подросткам. Я почти все время отмалчивалась. Ведь большинству ребят, живущих в трущобах, очень сложно растолковать, какое философское значение имеют эти убийства в пьесе. Многие из них повидали реальные убийства. Да что там, некоторые сами охотно поубивали бы своих отчимов, матерей и отцов, представься только такая возможность!

– Как-нибудь надо съездить в Вену с группой преподавателей истории, – пошутил Стрэнд, – и рассказать им о трудностях, которые испытываю я, объясняя ученикам позицию Меттерниха на Венском конгрессе¹².

Оба рассмеялись.

– Ах! – воскликнула Джудит. – Похоже, никуда мы с вами не денемся. Оба вернемся в школу и в новом учебном году.

– Да, мы обречены, – согласился Стрэнд. – Приговорены. Но и у нас есть свои маленькие радости и достижения, верно? – Тут он вспомнил о разговоре с Ромеро. – Хотя некоторые из ребят просто невыносимы...

– А знаете, в прошлом месяце в «Пентхаусе» был напечатан рассказ одной моей ученицы. Она окончила школу несколько лет назад и всегда говорила, что будет писательницей, – похвасталась Джудит. – Я прочитала. Чертовски сексуальная история. Пришлось даже спрятать журнал от матери, когда она приехала меня навестить.

– Завтра будет лучше, чем вчера, – сказал Стрэнд, допил кофе и поднялся.

– Не слишком полагайтесь на это, – заметила Джудит и тоже встала.

Дома никого не было, и Стрэнд, воспользовавшись отсутствием Лесли, решил немного вздремнуть. Он чувствовал себя совершенно вымотанным, и перспектива прилечь и поспать хотя бы часок казалась заманчивой.

Проснулся он с ощущением, что дома кто-то есть. Нет, то не могла быть Лесли – жена непременно заглянула бы в спальню. Он расправил покрывало на постели, надел туфли и вышел в прихожую. Услышал, что на кухне гремят посудой, и пошел посмотреть. За столом сидела Кэролайн, пила молоко и ела торт. Из-под свитера торчал воротничок белой спортивной блузки, и он понял, что она вернулась с тенниса.

– Привет, пап! – сказала она. – Присоединишься ко мне?

Стрэнд взглянул на часы.

– Нет. Пожалуй, дождусь обеда.

– А я не могу дожидаться. Просто подыхаю с голоду. – Она откусила огромный кусок торта. Сверху он был облит глазурью, и девочка обликала кончики пальцев. – Вкуснятина...

¹² Во время Венского конгресса (1814–1815 гг.) Клеменс Меттерних, министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства в 1809–1821 гг., подписал секретный договор с Великобританией и Францией против России и Пруссии.

Он сел напротив и с улыбкой смотрел на дочь. Ему доставляло удовольствие смотреть, с каким аппетитом она ест.

– Не понимаю, зачем людям кокаин, – с набитым ртом пробормотала Кэролайн, – когда каждый день можно есть шоколадные торты... Да, кстати, сегодня снова встретила нашего друга.

– Какого еще друга?

– Мистера Хейзена. Приходил на корты. Выглядит просто кошмарно! Похож на треснувшую дыню. Эта лыжная шапочка – ее, должно быть, связал какой-нибудь ослепший норвежский тролль!

– Будь снисходительнее, Кэролайн. Прошу тебя.

– Вообще-то он нормальный мужик. Нет, серьезно. Сказал, что пришел проводить меня до дома. Что не хочет, чтоб я снова попала в какую-нибудь историю. Да уж, это была история!.. Мамочки! И знаешь, я все играла и играла, а он все стоял, дергался и поглядывал на часы. Зато потом, по дороге домой, мы очень мило поболтали.

– Вот как? – заметил Стрэнд. Мысль о том, что такой занятой человек, как Хейзен, потратил столько времени на то, чтобы проводить семнадцатилетнюю девчонку через парк, встревожила его.

Стрэнд вспомнил, что сам говорил Джудит Квинлен, когда они проходили мимо толстяка в бейсбольной кепочке, торчавшего на углу возле школы: «Может, он просто пристаёт к малолеткам». Конечно, то была шутка, но совращение несовершеннолетних – уже далеко не шутка. Таких случаев полно, и стареющие мужчины не обладают иммунитетом от этой болезни. Да что там далеко ходить, он и сам испытывал бешеное волнение при виде красивой школьной подруги Элеонор, которая частенько заходила к ним в дом. Ему приходилось делать невероятные усилия, чтоб сдержаться и не дотронуться до девушки, а затем скрывать свое возбуждение, целуя ее в щеку на прощание. А какие реалистичные эротические видения, где эта девочка играла главную роль, мучили и преследовали его!.. Сам он был не того сорта человек, чтоб переступить границу, но откуда знать, каков на самом деле этот Хейзен?.. Ведь на нем не написано, что он не совращает малолеток. К тому же Кэролайн уже далеко не ребенок – она быстро превращается в привлекательную молодую женщину. Стрэнд понимал, что ничего этого нельзя говорить дочери, но если дело пойдет так и дальше и он заметит новые тревожные признаки, следует посоветоваться с Лесли. На ее материнский инстинкт можно положиться.

– И о чем же вы говорили? – спросил он дочь.

– О, о массе самых разных вещей! – Кэролайн откусила очередной кусок торта и запила молоком. – Он посмотрел, как я играю, и потом очень подробно разобрал игру. Я была удивлена. Похоже, он здорово разбирается в теннисе.

– В молодости он занимался спортом. И является членом клуба «Ракетка».

– Правда? – Похоже, на Кэролайн это не произвело особого впечатления. – Но вообще-то он сказал, что я молодец, только надо постараться делать больший разворот ракетки на второй подаче и подавать более плоский мяч на заднюю линию. И знаешь, я с ним согласна на все сто. А еще он спросил, хотела бы я заняться теннисом профессионально – ну, ты понимаешь: тренер, тренировки, сборы и тому подобное. И тогда я ответила ему, что нет, я недостаточно способная для этого. Что у меня из этого ничего не получится и что я буду страшно переживать, если вылету из соревнований после первого же тура. Он согласился, что это очень мудрый подход, что человек должен осознавать пределы своих возможностей. А я ему и говорю: «Подумаешь, дело какое – понять предел своих возможностей на теннисном корте!» Ну, тут он развеселился. – Кэролайн рассмеялась, а потом вдруг сразу стала серьезной. – Он спрашивал, чем я собираюсь заняться в жизни. Вообще он очень любит задавать вопросы, тебе не кажется?

– И что же ты ответила?

Девушка отвернулась, посмотрела куда-то в сторону, потом покосилась на отца, собралась было что-то сказать, но передумала.

Стрэнд понял: она что-то скрывает. Это было совсем не похоже на Кэролайн, она никогда не была скрытной. Кем только она не мечтала стать в детстве – и балериной, и актрисой, и даже медсестрой, – но все это до тех пор, пока ей не исполнилось двенадцать. После этого она успокоилась, просто ходила в школу и играла в теннис, когда позволяло время. Стрэнд удивился тому, что она так разоткровенничалась с Хейзенем. Ведь вне стен дома Кэролайн была довольно сдержанной в выражениях, застенчивой и неразговорчивой. Другей у нее было немного, и все до одной девочки. И еще Стрэнд знал от Лесли и Элеонор, что Кэролайн казалось, будто бы мальчишки, пытавшиеся ухаживать за ней, просто насмеяются. Она старалась держаться от них подальше.

– И что ты ответила мистеру Хейзену? – повторил Аллен.

– Сказала, что прежде всего хочу стать взрослой, – с некоторым вызовом в голосе говорила Кэролайн.

– Он, наверное, рассмеялся?

– Он вообще не из тех, кто много смеется, этот мистер Хейзен, – заметила Кэролайн. – И еще сказал, что на него большое впечатление произвела Элеонор. Ну, это и понятно. – В голосе ее не слышалось и тени ревности, она принимала как должное тот факт, что Элеонор – звезда в их семье. – Он сказал, что если бы таких женщин, как наша Элеонор, было больше, тогда не пришлось бы изобретать поправки о равных правах или журналы типа «Мисс». Должно быть, они успели потолковать по душам, пока ехали в такси. А о Джимми он не сказал ни слова. – Кэролайн нахмурилась, точно считала это оскорбительным по отношению к брату. – У него у самого дети есть?

– Трое, – ответил Стрэнд. – Мальчик и две девочки. Примерно вашего возраста.

– Странно, но он о них даже не упоминал. А ты небось расхвастался, рассказывая о нас, да?

– Расхвастался – не то слово, – отозвался Стрэнд. – Каждый день проклиная плодовитость вашей мамочки.

– Да уж, как же! – улыбнулась Кэролайн. Она встала из-за стола, наклонилась и поцеловала отца. – Ой! Шоколад на верхней губе! – Девушка достала носовой платочек и стерла коричневое пятно, потом убрала остатки торта в холодильник и швырнула пустую картонку из-под молока в мусорное ведро. – Он сказал, что собирается позвонить тебе сегодня вечером.

– Зачем?

– Хочет пригласить нас всех в этот уик-энд за город. У него есть пляжный домик где-то в Ист-Хэмптоне. С бассейном, теннисным кортом и всем прочим. Здорово, правда?

– Здорово, – повторил Стрэнд.

– И еще он сказал, что там есть очень хорошие теннисисты, с которыми я могла бы сыграть. А если кто-то захочет покататься, так у него там и лошади есть! Обещал заехать за нами в пятницу днем и отвезти домой в воскресенье вечером.

– Но ведь у мамы уроки в субботу утром.

– Хотя бы раз в кои-то веки, – сказала Кэролайн, – она может отправить этих разбойников играть в бейсбол, курить травку или смотреть телевизор. Раз в жизни!

– Ладно, обсудим это, когда мама вернется.

– Знаешь, я скажу, какой у вас с мамой главный недостаток, – заметила Кэролайн. – Вы с ней чересчур сознательные.

– Может, ты и права. А теперь давай прими быстренько душ, пока мать не вернулась.

– Ладненько! – весело согласилась Кэролайн и направилась к двери. А потом вдруг остановилась. – Да, и вот еще что.

– Что?

– Мистер Хейзен сказал, что переговорил с одним из своих партнеров и тот убедил его сообщить об этом преступлении в полицию. Он именно так и выразился: «о преступлении» и «в полицию». Он уже сделал это. Сказал, что это его гражданский долг и что в тот вечер, когда все это произошло, он как-то не подумал сообщить об инциденте. И еще предупредил, что, возможно, к нам придет детектив и задаст мне несколько вопросов. А как надо говорить с детективом?

– Знаешь, я не слишком в этом разбираюсь, – ответил Стрэнд. – Мне самому ни разу в жизни не приходилось говорить ни с одним детективом.

– Надеюсь, он будет молодой и симпатичный, – сказала девушка и снова повернулась к двери, но отец остановил ее.

– Послушай, Кэролайн, – попросил он, – не стоит пока говорить маме о детективе.

– Почему?

– Да потому, что он, возможно, вообще не придет. Незачем напоминать ей о том, что мистер Хейзен называет инцидентом. Возможно, ты не заметила, но ее страшно встревожило это происшествие. И я знаю, что теперь она волнуется всякий раз, когда ты идешь в этот парк, даже днем.

– Ладно, папа, как скажешь, – ответила Кэролайн. – Она твоя жена.

– Кстати, Кэролайн, ты поблагодарила мистера Хейзена за ракетку?

– Конечно, – с достоинством ответила Кэролайн. – Я же еще не окончательно одичала. – И она, напевая, пошла по коридору в ванную.

Стрэнд сполоснул ее тарелку, стакан и нож и насухо вытер полотенцем, чтобы скрыть от Лесли следы предобеденного пиршества. Уже убирая посуду в буфет, он вдруг подумал, а не сходить ли ему в близлежащий участок и упросить того, кто занимается этим делом, не посылать детективов к ним на квартиру. Все равно в парке было слишком темно, скажет он им, и дочь никак не сможет опознать этих ребят. К тому же девочка готовится к выпускным экзаменам, и он бы предпочел, чтобы ее не отвлекали от занятий, хотя бы сейчас. Он догадывался, что у полиции и без того полно проблем и что они были бы рады просто записать все с его слов и забыть об этом.

В прихожей зазвонил телефон, и он вышел и снял трубку. Это была Элеонор.

– Как прошел уик-энд? – спросил он.

– Так себе, – ответила она. – Я отсыпалась, а все остальные напились до чертиков. Кстати, эти мои друзья знакомы с Хейзенами. Хочу внести поправку в свой первый доклад о твоём новом друге. У него было трое детей. Мальчик умер. От ПД.

– От чего?

– От ПД. Передозировки. Героин. Пять месяцев назад. Все уехали на уик-энд, а он оставил на двери записку с просьбой не беспокоить. Ну, они и не стали беспокоить, а потом, когда почуяли неладное и взломали дверь, все уже было кончено.

– О Боже...

– Ужасно, правда? Может, тебе стоит заглянуть в комнату Джимми и поискать шприцы?

– Послушай, Элеонор, – нервно спросил Стрэнд, – тебе известно о Джимми что-то, чего мы не знаем?

– Да нет, вовсе нет. Но предосторожность никогда не помешает. Эти места, которые он посещает... люди, с которыми...

– Но я уверен, что он... что ни один из этих...

– Возможно. Мистер Хейзен тоже был уверен. Почему бы тебе не спросить?

– Я никогда и ни за что не сделаю ничего подобного.

– Наверное, ты прав, – вздохнула Элеонор. – К чему напрасно тревожиться? Это всего лишь догадки. Забудь об этом... Я еще кое-что разузнала о семействе Хейзен. Похоже, они с женой не самая дружная пара – большую часть времени она проводит в Европе. Дочери тоже существа не слишком домашние. Одна из них живет с каким-то кинорежиссером в Сан-Франциско, и отец, насколько известно, ей не помогает. Другая обитает в Риме, чем она там занимается, никто не знает. Обе, если верить моим друзьям, очень хорошенькие. Неудивительно, что мистер Хейзен с такой охотой принял наше приглашение отобедать. Хотя, говорят, у него есть любовница. Что, впрочем, в конце двадцатого столетия не является чем-то из ряда вон выходящим. Я права?

– Да, конечно, – ответил Стрэнд.

– Поцелуй всех от меня, – сказала Элеонор. – Увидимся в пятницу вечером.

Стрэнд повесил трубку и долго стоял, уставившись на телефон. От ПД... Он содрогнулся. Чувство вины... Должно быть, это непосильная ноша. И еще – прекрасный повод порассуждать о нигилизме, присущем молодежи, об ответственности перед новым поколением, о помощи Ромеро. И поболтать, прогуливаясь по парку с молоденькой симпатичной спортсменкой. Все эти клубы, эти советы директоров, куча денег, а твой сын умирал в своей комнате целых два дня, и никто его не «беспокоил»...

Стрэнд вышел в коридор и остановился перед дверью в комнату Джимми. Долго смотрел на нее, потом попробовал повернуть ручку. Створка приоткрылась. Поколебавшись секунду-другую, Стрэнд плотно притворил ее.

Обедали они в тот день на кухне. За столом были только Стрэнд, Лесли и Кэролайн. Джимми редко являлся к вечерним трапезам, но никогда не забывал предупредить мать, чтобы его не ждали. Стрэнд не стал сразу говорить Лесли о приглашении Хейзена и все время чувствовал на себе умоляющий взгляд Кэролайн.

– Сейчас, папа, – попросила она наконец громким театральным шепотом.

– Что сейчас? – спросил он, хотя прекрасно понимал, что имеет в виду дочь.

– Ну, ты знаешь. Об уик-энде!..

Лесли вопросительно уставилась на них. Вернувшись домой, она занялась приготовлением обеда, а Стрэнд составлял расписание выпускных экзаменов и успел обменяться с женой лишь поцелуем да парой ничего не значащих слов. Он не стал рассказывать ей ни о детективе, ни о Ромеро, ни о молодом человеке, погибшем от передозировки.

– О каком уик-энде? – спросила Лесли.

– Так получилось, что мистер Хейзен проходил мимо кортов и проводил Кэролайн до дома, – сказал Стрэнд.

– Очень мило с его стороны.

– Очень, – согласился Стрэнд. – Ну, и выяснилось, что у него есть дом в Ист-Хэмптоне...

– С теннисным кортом и бассейном! – подхватила Кэролайн. – С подогревом. Бассейн, я имею в виду. И стоит этот домик на берегу океана.

– На кой шут нужен людям бассейн, когда прямо под носом у них целый Атлантический океан? – задала Лесли резонный вопрос.

– Ой, мама!.. – отмахнулась Кэролайн. – Ну а если погода плохая? И потом вода в океане всегда холодная!

– Что ж, – заметила Лесли, – его деньги, так что и решать ему... Но что-то я не пойму, какое отношение к нам имеет этот дом, бассейн, океан и все прочее?

– Он пригласил нас к себе на уик-энд, – ответил Стрэнд. – Через Кэролайн.

– Всех нас, – уточнила Кэролайн.

– Что-то он слишком далеко зашел в стремлении отблагодарить за тарелку супа, вам не кажется? – заметила Лесли. Потом взглянула на мужа: – Что скажешь?

Стрэнд пожал плечами:

– А ты как считаешь?

– Он заедет за нами на машине в пятницу вечером, – затараторила Кэролайн, – и сам отвезет домой в воскресенье вечером.

– Но утром в субботу у меня ученики, – засомневалась Лесли.

– Эти малолетние преступники и воображали! – воскликнула девочка. – Да они будут просто счастливы. Они изберут тебя «Женщиной года», если тыпустишь их души на показ хотя бы на одну субботу!

– Да тише ты, Кэролайн! – шикнула на нее Лесли. – Не мешай думать.

– Что-то в нашем доме слишком много думают, – не унималась Кэролайн. – Скоро додумаетесь до того, что вообще перестанете выходить из дома!

– Ты можешь помолчать хотя бы минутку, дочка?! – сердито воскликнул Стрэнд.

– Он такой одинокий и старей!.. – продолжала гнуть свое Кэролайн. – Составить ему компанию, немного развеселить – неужели это так трудно? В доме у него целых шестнадцать спален, так он сказал. Кому это понравится – торчать в одиночестве каждый уик-энд в этих шестнадцати спальнях? Ведь и ты, и мама всегда учили меня прислушиваться к нуждам и чаяниям других. Так вот, позвольте мне заметить: мистер Хейзен как раз и принадлежит к числу этих других.

– Послушай, мисс Защитница, – сердито заметила Лесли, – если ты умолкнешь хотя бы на секунду, может, нам удастся наконец обсудить эту проблему.

– Тут и обсуждать-то нечего! – воскликнула Кэролайн.

Лесли дотронулась до ее руки.

– Ну ладно, все! – Кэролайн откинулась на спинку стула, вздохнула и скрестила руки на груди. – Я заткнулась! На моих губах печать молчания.

– А ты уверена, что он приглашал всех? – спросила Лесли. – И Джимми, и Элеонор тоже?

– Конечно, – ответила Кэролайн.

– Он прямо так и сказал? – спросил Стрэнд.

– Да нет, поименно он нас не перечислял, – созналась Кэролайн. – Но это само собой подразумевалось.

– Аллен, – заметила Лесли, – ты последнее время неважно выглядишь. Думаю, глоток морского воздуха тебе не повредил бы.

– Ну вот! – обрадовалась Кэролайн. – Наконец появились проблески здравого смысла.

– Думаю, что смогла бы перенести уроки, – задумчиво пробормотала Лесли. – Но надо поговорить с Джимми и Элеонор, узнать, какие у них планы...

– Пусть только попробуют подвести меня! – угрожающе воскликнула Кэролайн. – Клянусь, вообще не буду разговаривать с такими эгоистами, никогда и ни за что!

– Ну что ты как маленькая, ей-богу, – заметила Лесли. – Я же сказала: мы все обсудим. Зазвонил телефон, и Стрэнд поднялся из-за стола.

– Я подойду, – сказал он. – Наверняка одинокий адвокат, собственной персоной. И действительно, это звонил Хейзен.

– Надеюсь, не оторвал вас от обеда? – осведомился он.

– О нет, – ответил Стрэнд, – мы как раз заканчивали.

– Ну, как Берлиоз?

– Очень понравилось. Просто великолепно. Еще раз огромное спасибо.

– Не за что. И помните, как только захотите пойти еще, просто дайте мне знать. Мне часто присылают билеты на самые разные концерты. А я, к сожалению, не каждый вечер свободен.

– Кэролайн говорила, вы проводили ее домой, – сказал Стрэнд, а сам подумал: на что это похоже, когда тебе присылают билеты практически на все концерты?.. – Очень любезно с вашей стороны.

– О, она просто прелестное дитя, – откликнулся Хейзен. – И такая умница. Так она рассказала вам о нашей милой маленькой беседе?..

– Да, – подтвердил Стрэнд. И не смог удержаться от мысли: интересно, как бы Хейзен охарактеризовал собственные беседы с сыном до того, как пришлось взламывать дверь в его комнату? – У меня днем тоже состоялась беседа с одним молодым человеком, – добавил он. – Тем мальчиком, о котором я вам говорил, Ромеро. К сожалению, никак не могу назвать ее милой или хоть сколько-нибудь обнадеживающей.

– А что именно он ответил?

– Обещал подумать.

– Может, мне самому поговорить с ним?

– Не думаю, что это поможет.

– Ну, вам лучше знать. Кэролайн сказала, что я приглашаю всех вас на остров в ближайшие выходные?

– О да, – ответил Стрэнд. – На протяжении всего обеда выколачивала из нас с матерью согласие.

– Так вы едете? – настороженно спросил Хейзен.

Шестнадцать спален и бассейн с подогревом – и всем этим пользуется он один...

– Все еще никак не можем решить, получится ли.

– Ваша старшая дочь и сын тоже, разумеется, приглашены...

– Да, Кэролайн говорила. Но я еще точно не знаю, какие у нас планы на этот уик-энд. Скажите, я могу вам позвонить, ну, скажем, в среду или четверг?

– В любое время, – торопливо согласился Хейзен. – Есть под рукой карандаш? Я дам вам номер своего рабочего телефона.

– Слушаю. – И Стрэнд записал номер, который продиктовал ему Хейзен. – Кстати, дочка сказала, вы до сих пор выглядите неважно...

– О, сущие пустяки, – поспешно отозвался Хейзен. – Если не смотреть в зеркало и не слышать, как начинают верещать при виде меня младенцы в колясках, то я уже, можно считать, забыл о том происшествии.

– А еще Кэролайн говорила что-то насчет полиции. – Стрэнд понизил голос, чтобы его не слышали в кухне.

– Да. Чистой воды формальность. Совершенно, насколько я понимаю, бесполезная. Но один из моих партнеров работает в комиссии по делам несовершеннолетних и утверждает, что самое сложное – это собрать достоверные статистические данные. Он просто умолял меня сделать это, сказал, что будет крайне обязан и все такое прочее. Ну и я... Вы ведь не возражаете, мистер Стрэнд?

– Полагаю, что нет. – Стрэнд сам заметил, как неуверенно прозвучал его ответ.

– Что ж, в таком случае до встречи. Очень надеюсь, что вы выкроите время, – сказал Хейзен. – Буду ждать вашего звонка.

Они попрощались. Стрэнд повесил трубку и вернулся на кухню.

– Ну что? – Кэролайн сгорала от нетерпения.

– Должно быть, это действительно проблема – заполнить пустующие спальни людьми, – иронически заметил Стрэнд, садясь за стол.

– Ты мне не ответил, папа! – взмолилась девочка.

– Я сказал ему, что мы решим это позже и я перезвоню, – ответил Стрэнд. – А теперь дайте спокойно доесть десерт.

Глава 5

Забудь их, забудь людей, падиших...

В пятницу днем за ними заехал не кто иной, как Конрой, – в длинном черном «мерседесе» с откидными сиденьями. Мистер Хейзен просил передать извинения, объяснил Конрой, ему неожиданно пришлось задержаться на работе, но он обязательно придет сегодня, только попозже, вечером.

Стрэнд уселся на переднее сиденье рядом с Конроем; Лесли, Элеонор, Кэролайн и Джимми разместились сзади. Стрэнд был немного удивлен тем, что старшая дочь согласилась поехать с ними. Она заявила, что ей очень нравится Хэмптон, особенно во внесезонье, и что у нее там полно приятелей, с которыми хотелось бы повидаться. Еще одна подробность из жизни Элеонор, которая прежде была ему не известна, подумал Стрэнд, опуская телефонную трубку на рычаг, – оказывается, она бывала в Хэмптоне и у нее там друзья. Интересно, какие еще новости приберегла старшая дочь и захотят ли поделиться с ним своими Лесли, Джимми и Кэролайн, которые о чем-то болтали на заднем сиденье?..

– Кстати, – заметил Конрой, – там, в гараже, стоит небольшой пикап. Можете воспользоваться им и осмотреть окрестности.

– Я не вожу машину, – ответил Стрэнд. – И моя жена тоже. Но у Элеонор есть права. – За два года до окончания колледжа девушка приобрела выдавший виды «форд». Он обернулся и спросил: – Ты слышала, что сказал мистер Конрой, Элеонор? Там в гараже есть машина, и ею можно пользоваться.

– Это и ко мне относится? – спросил Джимми.

– Разумеется, почему нет? – отозвался Конрой.

– Не знал, что у тебя есть права, Джимми, – заметил Стрэнд.

– Да один друг одалживал мне пару раз свою тачку, – сказал Джимми. – Ну, и я маленько научился водить и сдал на права.

Стрэнд лишь покачал головой. Еще одна подробность из жизни семьи, которая была ему не известна.

Конрой спросил, не включить ли радио, чтобы послушать музыку. Но Лесли не одобрила эту идею.

– Мы вечно спорим, какую именно музыку слушать, – мягко сказала она. – И я не хочу, чтобы мой выбор испортил поездку Джимми, Кэролайн или Элеонор, – что делать, если наши вкусы не совпадают.

Стрэнд наслаждался дорогой. Воздух был теплым и ароматным, солнце еще не зашло. Конрой оказался прекрасным водителем, и когда они выехали из Куинса и машин стало поменьше, огромный «мерседес» так и полетел по дороге, обсаженной деревьями, сжирая милю за милей. Стрэнд даже рад был тому обстоятельству, что Хейзен задержался в офисе. Иначе пришлось бы поддерживать с ним беседу, а он, Стрэнд, предпочитал ехать молча. Конрой не разговаривал, а к оживленной болтовне на заднем сиденье Стрэнд старался не прислушиваться. Теперь он радовался, что удалось вырваться на выходные за город, и еще ему не терпелось увидеть дом Хейзена. Ведь по жилищу можно многое сказать о человеке. Адвокат был для Стрэнда представителем новой, неведомой породы и все больше и больше интересовал его. Вообще по характеру своему Стрэнд был довольно осторожен в оценках и еще не решил, как ему относиться к этому человеку. Ведь познакомились они при необычных обстоятельствах. И Стрэнд вдруг осознал, что Хейзен немало узнал об их семье, но при этом почти ничего не сказал о себе. Ну, разве только то, что его предки оказались в Нью-Йорке в 1706 году и что он никогда не бывал в Огайо. К примеру, о своей теперешней семье

он не проронил ни слова, – а это уже выходило за рамки обычной сдержанности. И если не считать признания в том, что он по профессии адвокат и ходит на симфонические концерты, говорил исключительно на абстрактные темы. Из статьи, напечатанной в «Кто есть кто», можно было составить довольно полное представление об общественной жизни Хейзена, частная же оставалась скрытой от посторонних глаз.

Пока они дома ждали, когда за ними заедет машина Хейзена, Элеонор вдруг заявила:

– Этому человеку что-то от нас надо.

– С чего ты взяла? – спросил Стрэнд.

– Таким, как он, всегда что-нибудь надо, – ответила Элеонор.

Отец счел это высказывание циничным и даже немного рассердился. Согласно его жизненным принципам, не следовало принимать приглашения от человека, которого подозреваешь в чем-либо нехорошем, пусть даже эти подозрения весьма смутны.

Лесли же, которая испытывала почти собственнические чувства к человеку, чьи раны лечила, и восхищенная стоицизмом, с каким он все это переносил, вдруг яростно набросилась на дочь, что было в общем-то для нее не характерно.

– Если ты так считаешь, почему бы тебе не отправиться на уик-энд куда-нибудь еще?

– Извини, – сказала Элеонор. – Я почему-то думала, мы живем в Америке. Свобода слова. Гарантирована конституцией, как и прочие права.

– Да хватит вам цапаться, – примирительно произнес Стрэнд. – Сегодня у нас каникулы.

Джимми лишь усмехался, довольный тем, что раз в кои-то веки досталось не ему, а старшей сестре. Кэролайн не обращала ни малейшего внимания на перепалку, лишь мечтательно мурлыкала что-то себе под нос, укладывая новенькую ракетку в сумку.

Глядя на быстро проносившиеся мимо весенние поля и леса, Стрэнд вспомнил о пикировке между женой и дочерью, а потом задумался о том, была ли в словах Элеонор доля истины. И в конце концов решил, что слова эти были продиктованы ревностью или же неприязнью, которые испытывала дочь по отношению к людям, занимающим более высокое положение. К людям, чьим приказам она была вынуждена подчиняться на работе и к числу которых она справедливо или же, напротив, необоснованно отнесла богатого адвоката. Для себя Стрэнд решил, что будет принимать Хейзена таким, каков он есть. А каков он есть, следовало признать, было ему не очень понятно, однако он не улавливал ни в манерах, ни во внешности Хейзена ни злобы, ни стремления выказать свое превосходство. Напротив... А узнав о страшной судьбе его сына, Стрэнд даже пожалел Хейзена. И если этому человеку нужна их семья, чтоб хотя бы на время оградиться от одиночества, это вряд ли можно назвать бесчестным манипулированием людьми. Стрэнд вспомнил о своих подозрениях, связанных с Кэролайн, и улыбнулся. Вряд ли Хейзен пригласил бы их в свой дом *en masse*¹³, если бы замышлял утолить низменные инстинкты с семнадцатилетней девушкой.

Стрэнд задремал, мерное покачивание машины убаюкало его. И проснулся, лишь когда «мерседес» замедлил ход и свернул с шоссе на узкую дорожку, которая вела к каменным воротам. За воротами виднелась длинная аллея, обсаженная деревьями. Обрывалась она у моря. Даже здесь слышался отдаленный шум прибоя.

Конрой затормозил на площадке, усыпанной мелким гравием, и надавил на клаксон.

– Ну, вот мы и прибыли, – сказал он.

Все вышли из машины. Уже начало смеркаться, и на фоне ясного темнеющего неба вырисовывался громадный и бестолковый белый деревянный дом.

– Господи! – присвистнул Джимми. – Ничего себе образчик архитектуры!..

¹³ Всей толпой, всех вместе (*фр.*).

– Построен еще дедом мистера Хейзена, – сообщил Конрой. – В те времена люди мыслили крупными категориями.

Типично американский стиль, подумал Стрэнд; простота и незамысловатость во всем, и так на протяжении трех поколений... Нет, это вряд ли можно было отнести к семейству Хейзенов – дед наверняка гордился бы своим внуком.

Конрой снова дал сигнал. Из дома торопливо вышли мужчина и женщина.

– Мистер и миссис Кетли, – представил их Конрой. – Присматривают за домом. Они займутся вашим багажом.

Затем он представил гостей. Мистер Кетли был в черных брюках и накрахмаленном белом хлопковом сюртуке. Его жена – в черном платье и белом фартуке. Пожилые, приятной внешности люди, и с первого взгляда становилось ясно, что всю свою жизнь они тяжело и много трудились.

– А теперь я должен с вами попрощаться, – сказал Конрой. – Пора вернуться в город, забрать с работы мистера Хейзена и доставить сюда.

– Вы снова собираетесь проделать этот путь? – удивилась Лесли.

– Пустяки, ничего страшного, – ответил Конрой. – К одиннадцати будем здесь.

– Если б мы знали, то дождались бы, пока мистер Хейзен не освободится, – заметила Лесли. – Мы доставляем вам столько хлопот!..

– Мистер Хейзен и слышать об этом не хотел, – сказал Конрой. – Располагайтесь, чувствуйте себя как дома – вот что он просил вам передать. Если что понадобится, без стеснения обращайтесь к супругам Кетли. Обед для вас заказан. – И с этими словами он уселся в машину, преданный и безотказный помощник, водитель велосипедов, анонимный слуга, всегда при исполнении, ливрейный лакей, человек многих полезных талантов. Он включил мотор, лихо развернулся, описав полукруг, и задние фары «мерседеса» мигнули и растаяли в глубине аллеи.

– Сюда, пожалуйста. – Мистер Кетли повел их к парадному подъезду, освещенному огромными каретными лампами, которые слегка пощелкивали и потрескивали, пока они шли по вымощенному плитами просторному крыльцу.

Они оказались в холле. Наверх вела широкая лестница с резными перилами красного дерева. Мистер Кетли осведомился, желают ли гости сперва осмотреть свои комнаты или же хотят для начала выпить немного, чтобы взбодриться после утомительной поездки.

Стрэнд ответил, что побудет немного внизу, а от выпивки отказался. И прошел в гостиную. Кетли же повели всех остальных наверх. Гостиная оказалась просторной темной комнатой с отделанными деревянными панелями стенами, на которых висели полотна Писсарро, Вламинка, Шагала и Дюфи, а также каких-то неизвестных Стрэнду абстракционистов. В углу стоял огромный рояль, крышка которого была закрыта. Повсюду цветы в больших вазах, а также низкие удобные диваны и кресла-качалки совершенно неопишимо не претенциозного стиля, которые странным образом контрастировали с подлинной мебелью раннеамериканского периода – всеми этими солидными деревянными стульями, столами и бюро. Был в комнате и большой камин – незажженный, хотя в нем лежали поленья. Из окон открывался вид на океан.

Хейзен мог, конечно, жаловаться на то, что в доме у него слишком много пустующих спален, но в остальном, подумал Стрэнд, дом вполне отвечал всем современным требованиям и удобствам. Однако и сам дом, и эта гостиная мало что говорили о владельце. Ну, разве что рояль и живопись на стенах указывали на определенные пристрастия здешних обитателей. Через полуоткрытую дверь Стрэнд заглянул в маленькую библиотеку. Ладно, теперь не время, книги можно посмотреть в другой раз. Он не хотел, чтобы мистер или миссис Кетли застали его за этим занятием. Дом, по всей видимости, был построен в начале века, но инте-

рьер и предметы обстановки выглядели так, точно их собирали на протяжении нескольких поколений, причем вкусы хозяев заметно разнились.

Стрэнд отворил дверь на террасу, и комнату тут же наполнил рев прибоя. Он вышел и оглядел бескрайнюю водную гладь Атлантики, отливавшую сумеречным блеском под темнеющим небом. Прямо под террасой был расположен бассейн. От воды поднималась полупрозрачная дымка, расцвеченная желтым и серебристым – от света, льющегося из окон дома.

Стрэнд глубоко вдохнул солоноватый воздух. Вдали, среди дюн, виднелись огоньки других домов. Нельзя сказать, чтобы они находились по соседству. Если дед Хейзена искал покоя, то он весьма удачно выбрал место для особняка. Чуть больше ста миль от Нью-Йорка – и вот оно, ощущение безграничного простора, благотворный климат и тишина, нарушаемая лишь шумом волн да криками чаек. Здесь, размышлял Стрэнд, трудно представить, что где-то там, в городах, задыхаются от смога и выхлопных газов люди, мчатся куда-то в битком набитых, провонявших вагонах метро... И их все время преследует шум транспорта, и они тратят свою жизнь на какие-то бессмысленные занятия. Здесь же, на берегу океана, воздух пропитан запахом соли, ароматом травы и цветов. И хотя бы сегодня, хотя бы на один вечер, здесь можно забыть о войнах, которые в этот момент идут на земле, о городах, охваченных пламенем, о кровавых столкновениях рас, племен и амбиций.

Да, подумал Стрэнд, вернувшись в дом и затворяя за собой дверь на террасу, отчего шум океана тут же стих, жена была совершенно права – глоток морского воздуха ему не повредит.

Они вошли в столовую, где их ждал обед, и увидели, что поленья в камине горят, а на столе стоят зажженные свечи. Элеонор переоделась в бледно-голубые слаксы и кашемировый свитер, Джимми снял галстук, который нацепил перед поездкой, очевидно, считая его непременным атрибутом костюма путешественника. Лесли, несмотря на то что ноги у нее были стройные, редко носила брюки; она появилась в длинной цветастой хлопковой юбке и блузке без рукавов. Кэролайн на совесть отскребла личико под душем и, как отметил Стрэнд, выглядела особенно свеженькой.

В глазах Стрэнда, усевшегося во главе стола, вся его семья являлась воплощением красоты, молодости и здоровья. При свете камина и свечей Лесли выглядела настоящей красавицей и, казалось, приходилась старшей сестрой двум девушкам, сидевшим по обе стороны от нее.

– Хочешь верь, хочешь нет, – шепнула она ему, когда они входили в столовую, – но у нас в спальне висит подлинник Ренуара. Портрет обнаженной. Можешь себе представить? В спальне!..

Еда была великолепна. Сначала подали моллюски, а затем восхитительно приготовленную, очень нежную сайду. Подавал блюда мистер Кетли. Он же разлил по бокалам белое французское вино, и все они выпили, даже Кэролайн, в оправдание пробормотавшая:

– Знаете, я впервые в жизни обедаю в столовой с камином. Страшно возбуждает, вам не кажется?..

Джимми произнес тост:

– За богатеньких!

Кэролайн, потягивая вино, захихикала, что было, по мнению Стрэнда, довольно невежливо с ее стороны. Глава семьи покосился на мистера Кетли, посмотреть, как тот воспринял выпад против хозяина. Но Кетли в этот момент заворачивал в салфетку вторую бутылку вина и, похоже, вовсе не слышал и не замечал того, что происходит за столом. Тем не менее Стрэнд решил исправить ситуацию. Поднял свой бокал и сказал:

– За бесконечные гостеприимство и доброту нашего отсутствующего хозяина!

Джимми подмигнул ему, как бы давая понять, что разгадал намерение отца. Придется поговорить с сыном чуть позже, напомнить, что, находясь в гостях, необходимо следить за своими манерами.

После обеда мистер Кетли принес коробку сигар. Стрэнд уже собирался было отрицательно покачать головой, но вдруг передумал и взял одну. А когда принял из рук Кетли специальные ножнички и собрался обрезать конец, Лесли заметила с сомнением:

– Ты уверен, что...

– Но если Кэролайн, будучи в столь юном возрасте, решила, что сегодня самый подходящий вечер, чтобы выпить бокал вина, – возразил Стрэнд, – надеюсь, преклонный возраст ее отца позволяет попробовать первую в его жизни сигару. – И он, усердно пытаясь, начал раскуривать сигару от зажигалки, поданной ему Кетли. Дым оказался удивительно приятным на вкус.

– Мистер Кетли, – сказал Джимми, – я бы тоже с удовольствием выкурил сигарку.

– Джимми!.. – одернула сына Лесли.

– Мне нравится, как выглядит папаша с сигарой в зубах. – Джимми и не подумал смутиться. – Может, я тоже буду выглядеть с ней более импозантно. – Он взял сигару из ящичка и одобрительно осмотрел ее. – Гаванские... Просачиваются в страну под дулами империалистов-гринго. Что ж, придется и мне внести свой скромный вклад в дело мировой революции.

«Нет, – подумал Стрэнд, глядя, как сын, раскурив сигару, лихо зажал ее в зубах, – нет, я определенно должен потолковать с ним по душам о том, что можно и чего нельзя в этом доме». Он был доволен, увидев, что после нескольких затяжек Джимми вынул сигару изо рта и держал ее в пальцах, покуривая только для того, чтобы она не потухла. Затем мальчик раздавил не выкуренную и до половины сигару в пепельнице, и они с Элеонор поднялись из-за стола и заявили, что собираются взять фургончик и съездить в Бриджгемптон, где, согласно уверениям Элеонор, имелся очень уютный бар, владелец которого вечерами замечательно играл джаз.

Кэролайн сказала, что будет смотреть телевизор, и устроилась в кресле в библиотеке, а Стрэнд и Лесли решили прогуляться по пляжу. Одевшись потеплее – вечер был прохладный, – супруги вышли из дома. Держась за руки, они зашагали по твердому и влажному после прилива песку, время от времени ощущая на лицах капли соленой воды, которые разлетались от волн, набегавших на берег. Высоко в чистом небе стояла луна, дул свежий ветер, а вдаль, на горизонте, виднелись огоньки корабля.

Лесли крепко сжала руку мужа в своей.

– Как хорошо... – пробормотала она.

Стрэнд сидел в гостиной, в кресле-качалке перед пылавшим камином. В доме стояла полная тишина, он был один. Лесли поднялась наверх и готовилась лечь спать. Ритуал нанесения крема на лицо и расчесывания волос на ночь требовал непременно уединения. Элеонор и Джимми еще не вернулись, а Кетли давным-давно отправились к себе в комнату, которая находилась где-то в дальней части дома. Стрэнд удовлетворенно вздохнул, наблюдая за язычками пламени, и вдруг услышал, как к дому подъехала и остановилась машина.

Минуту спустя в гостиную вошли Хейзен и Конрой, и Стрэнд поднялся – поздороваться с хозяином дома.

– Добрый ве... – начал он и тут же осекся. С Хейзенем было явно что-то не так. Из-под глубоко натянутой на голову темной фетровой шляпы смотрели ничего не видящие глаза. Ступал адвокат с неестественно выпрямленной спиной, медленно и осторожно, точно боялся споткнуться. Конрой выглядел совсем измученным; он держался рядом с шефом, вытянув руки, готовый подхватить Хейзена, как только тот начнет падать. А когда Хейзен приблизился к гостю, впрочем, похоже, вовсе не замечая его, Стрэнд уловил сильный запах виски.

Хейзен был в стельку пьян. Конрой скроил извиняющуюся гримасу, а Хейзен, не снимая шляпы, рухнул в глубокое мягкое кресло.

– Конрой, – распорядился Хейзен тихо и медленно, старательно выговаривая каждое слово. – Я хочу виски. И принеси бутылку содовой. Я сам налью себе содовой. Я не желаю, чтобы ты утопил в ней все это чертово виски.

– Слушаюсь, сэр, – ответил Конрой и направился к буфету, служившему баром.

– Он отличный секретарь, этот Конрой, – пробормотал Хейзен, по-прежнему не глядя на Стрэнда. – Отличный шофер. Но нена... ненадежен, когда речь заходит о выпивке. Стрэнд, – продолжил он, даже не повернув к гостю головы, – а вы счастливчик. Вам не придется иметь дел с ворами. Что касается меня, то я, увы, занимаюсь исключительно ворами. И так целыми днями, неделю за неделей. Одна неделя прошла – начинается новая. И знаете, вовсе не любовь заставляет мир вертеться, Стрэнд. Нет, это только так говорят. Страсть к наживе, самая не... неприкрытая... оголтелая, преступная страсть к наживе. И вот что еще я скажу вам, Стрэнд. Если бы законы этой страны по-настоящему действовали, то три четверти самых ува... уважаемых ее граждан сидели бы за решеткой, да... Черт возьми, Конрой, я что, весь этот гребаный вечер напролет должен ждать, когда мне подадут наконец виски?..

– Уже иду, сэр, – откликнулся Конрой, к чьим талантам добавился еще один – подача горячительных напитков. Он спешил к своему хозяину с бокалом и маленькой бутылочкой содовой.

Не глядя на него, Хейзен протянул руку, и Конрой сунул в нее бокал.

– А теперь добавь содовой, – сказал Хейзен. – Тихо, тихо, хватит!.. – Конрой – дозировщик содовой, не налил в бокал и наперстка. – Он, знаете ли, сам не пьет. И не обо... одобряет людей, употребляющих спиртное. – Хейзен злобно взглянул на секретаря. – Я правильно выразился, Конрой?

– Более или менее, сэр, – ответил тот и слегка поклонился.

– Более или менее, – мрачно проворчал Хейзен. – Этот Конрой... он у нас человек «более или менее». Трезвенник, устраивает похоронный звон по всем пьяницам. Анальный тип. Берегитесь трезвенников, Стрэнд, они живут мыслью о возмездии. – Адвокат хрипло рассмеялся. Затем чисто автоматическим жестом поднес бокал к губам и выпил. – С облегчением... огромное спасибо!.. – И он снова грубо расхохотался. А после паузы сказал: – Знаете, Стрэнд, я путешествую по стране отчаяния. Вы верите в Бога, Стрэнд?

– Да.

– Конрой, – сказал Хейзен, – идите отсюда к чертовой матери. Спать!

– Я думал, может, вам еще понадобится, – нервно ответил Конрой. Лицо его было пепельно-серым от усталости, но он держался. – Я не устал.

– Зато я устал, – заявил Хейзен. – Ты меня утомляешь. Пошел отсюда! Я и сам могу лечь спать. И в снах ты мне не помощник. Давай, пошел отсюда!

– Слушаюсь, сэр. Доброй ночи, сэр. Спокойной ночи, мистер Стрэнд. – И Конрой направился к входной двери.

– У него есть комнатка рядом с гаражом, – сказал Хейзен. – Конрой... Мне претила сама мысль о том, что он будет спать в одном доме со мной. Это можно понять, верно, Стрэнд?

– Ну... – растерянно пробормотал Стрэнд, – я не настолько хорошо его знаю и...

– Так что вам понятно. Ладно. Послушайте, я уже спрашивал вас, верите ли вы в Бога?

– Да.

– И что вы ответили?

– Ответил, что верю.

– Вы утратили связь со временем, Стрэнд. Вы верите в десять заповедей?

– Я бы сказал, скорее да, чем нет, – сказал Стрэнд. Он чувствовал, что оказался в совершенно дурацком положении. Все эти пьяные рассуждения на богословские темы среди ночи...

– Одна встреча с моими кул... коллегами, – пробормотал Хейзен, – и вся эта ваша вера развеется в прах. Да благослови Господь ваших отца и матушку. Уже поздно, Стрэнд. Мне бы хотелось побыть одному, выпить рюмочку на ночь. Посидеть, подумать. Лучше всего думается в предрассветные часы. Скажите, а я говорил о том, как мне нравится Бастер Китон, или нет? Ну, тогда, во время нашей прогулки?

– Да, говорили, – ответил Стрэнд. Но что именно, он забыл. Он уже начал жалеть о том, что не пошел в спальню вместе с Лесли, до приезда Хейзена.

– Он-то понимал, что вся наша жизнь – не более чем шутка, издевательский замысел Всевышнего. Все эти наши планы, провалы, достижения – все это просто смешно, да... При каждом новом повороте мы натываемся на препятствие, оскальзываемся на каждой банановой кожуре. А он воспринимает все стоически, с такой невозмутимостью и достоинством, что это вызывает неудержимый смех. Урок всем нам. – Хейзен снова расхохотался, но в смехе слышалась боль. – Размышления... – пробормотал он. – Уверен, вам не терпится пойти наверх, к своей очаровательной жене... Священные узы брака, они, знаете ли, обязывают... Чем оставаться здесь и слушать мои путанные раз... размышления на религиозные темы. Но я в полном порядке, сэр, смею вас уверить. – С этими словами он поднял голову и взглянул на Стрэнда. Лицо у него было совершенно несчастное и какое-то опустошенное. – Несмотря на кое-какие признаки, я вовсе не алкоголик, нет. Не сотвори себе кумира... Я же просто со всех сторон окружен кумирами. Спите спокойно, Стрэнд. Доброй ночи, сэр.

Стрэнд колебался. Ему не нравилось, как вел себя Хейзен. Что крылось за этими пьяными речами, повелительными манерами и полным смятением чувств? Какая сторона души Хейзена взывала о помощи в эти ночные часы? Нет, уж лучше не знать этого. Вообще не участвовать. Пусть даже речь идет о глотке морского воздуха – это не для него.

– Доброй ночи. – Стрэнд вышел из комнаты с ощущением полного непонимания ситуации. И, поднимаясь по ступеням, понял, что ни за что не расскажет Лесли об этой сцене с Хейзенем. Стоит только ей узнать, и она тут же ринется вниз, начнет с ним возиться, укладывать в постель. А он чувствовал, что делать этого ни в коем случае нельзя. Ни в коем случае...

Он улегся в постель, и Лесли, сонная и теплая, потянулась к нему.

– Устал как собака, – пробормотал Стрэнд. Впервые в жизни он не ответил на ее ласку. Все когда-то бывает в первый раз, подумал он и плотно прикрыл глаза, надеясь поскорее уснуть.

* * *

Наутро, спустившись вниз, Стрэнд увидел Хейзена. Тот сидел за столом, накрытым для завтрака, и читал «Таймс». На нем был костюм для игры в теннис, на плечи накинут старенький свитер – утро выдалось довольно прохладное. На лысине по-прежнему угрожающе багровел шрам, но рана уже начала затягиваться. Следы синяка на щеке все еще виднелись, но цвет лица был здоровый, розовый. Хейзен поднялся и пожал ему руку, и Стрэнд заметил, что глаза у адвоката ясные, рукопожатие крепкое. И это после такой ночи, подумал Стрэнд.

– Надеюсь, вы хорошо спали? – любезно осведомился Хейзен. Голос его звучал спокойно и ровно. – Кетли принес еще один экземпляр газеты, специально для вас... – Он указал на столик, где лежала свежая газета. – Я терпеть не могу читать измятые газеты. И полагаю, все отцы семейства немного похожи на меня в этом плане.

– Должен признаться, вы правы, – ответил Стрэнд, усаживаясь напротив Хейзена. Если тот предпочитал не вспоминать о событиях прошлой ночи, притворяться, что ничего не случилось, что ж, тогда и он, Стрэнд, не собирался напоминать ему об этом. – Прочту чуть позже. И пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания. Не хочу вам мешать.

– Уже начитался. – Хейзен свернул газету и отложил в сторону. – Ничего нового. Несчастья, катастрофы... Как вам обед?

– О, обед был просто великолепен.

Хейзен кивнул.

– Они отличная пара, эти Кетли. Чего бы вам хотелось на завтрак? – спросил он, увидев, что с кухни вошел мистер Кетли. – Сок, бекон и яйца?

– Замечательно, – искренне ответил Стрэнд. Дома он не разрешал Лесли рано вставать, чтобы готовить ему завтрак, обходился кофе и рогаликом и к полудню всегда был зверски голоден.

– Вы слышали пожелания мистера Стрэнда? – спросил Хейзен у Кетли.

– Да, сэр, – отозвался тот.

– Кстати, – заметил Хейзен, – передайте Ронни, что если тот хочет немного потренироваться с утра, могу уделить ему время после тенниса.

– Уверен, он с нетерпением будет ждать. – И Кетли удалился на кухню.

– Ронни – это его внук, – объяснил Хейзен. – Ему одиннадцать. Играет в детской лиге. Я его тренирую, даю мишень, в которую можно бросать. – Он налил себе кофе. – Ужасно сожалею, что не мог сопровождать вас вчера, – добавил он. – А Конрой до сих пор спит сном праведника. Я же прекрасно выспался по дороге сюда, в машине. Слышал, как вернулись ваши дети, около двух.

– Надеюсь, они вас не побеспокоили?

– О нет, ничуть. Просто слышал, как подъехала машина. А вели они себя тихо, как мышки.

– Ездили в какой-то бар в Бриджгемптоне. Элеонор там прежде бывала.

– Просто удивительно, как молодые люди могут торчать в этих барах целыми часами!.. Особенно если учесть, что они, по уверениям Кетли, почти совсем при этом не пьют.

Вошел Кетли со стаканом апельсинового сока и кофейником. Хейзен осведомился о других членах семьи.

– Надеюсь, Кэролайн не сопровождала их в этих ночных похождениях? – спросил он Стрэнда.

– О нет. Посмотрела немного телевизор, а потом отправилась спать.

– Вот и хорошо, – заметил Хейзен. – Я тут договорился с молодыми людьми, они придут с утра поиграть в теннис. Они довольно сильные игроки, так что вашей девочке придется постараться, чтобы соответствовать.

– Вижу, вы и сами собираетесь принять участие.

Хейзен пожал плечами:

– Может, сыграю сет или два. Они очень воспитанные молодые люди, делают мне скидку на возраст. Стараются подавать мяч так, чтобы я наверняка мог его взять. – Он отпил кофе. – Как с организационными вопросами, все в порядке?

– Организационными? – не понял Стрэнд.

– Ну, я имею в виду – удобно ли вы устроены. Нет ли крошек в постели, протекающих потолков, шума в трубах?

– О, более чем удобно, – ответил Стрэнд. Похоже, Хейзен действительно не помнил, что вытворял тут прошлой ночью. Что ж, тем лучше. – Вообще все замечательно. И дом совершенно прелестный.

Хейзен рассеянно кивнул:

– Да, неплохой. Но рассчитан на толпы народа. На большие семьи, какие были у наших отцов. Я часто испытываю сильнейшее искушение избавиться от него. Продать. Но только не в такие дни, как сегодня. – И он кивнул в сторону окна, за которым ярко светило солнце и сверкал океан. – Может, хотите поплавать? Вода в бассейне подогревается...

– Нет, благодарю вас, – отказался Стрэнд. Ноги у него были тощие, и он не любил показываться на людях в плавках. – Так, поброжу немного, осмотрюсь...

– Как вам будет угодно, – сказал Хейзен. – У нас тут полная свобода, никаких правил. Очевидно, иронически подумал Стрэнд, он имеет в виду, что, если человек того пожелает, его вообще не будут замечать.

Появился Кетли с беконом, яйцами и тостами, поставил поднос на стол перед Стрэндом.

– Сэр, – обратился он к хозяину, – вас вызывают к телефону.

– Ну вот, этого я и боялся, – заметил Хейзен. – Переключите на библиотеку, будьте добры. – Он поднялся из-за стола. – Прошу прощения, – сказал он Стрэнду, – но, боюсь, это надолго. Чувствуйте себя как дома. – И с этими словами адвокат вышел из комнаты. Стрэнд успел заметить, что ноги у него длинные и мускулистые, как у молодого человека. Наверное, весь секрет в катании на велосипеде.

Он покачал головой, дивясь отменному физическому и психическому состоянию этого человека. Хорошо, что Конрой отсутствовал за завтраком. Иначе возникло бы чувство неловкости. «Что ж, – решил Стрэнд, – в любом случае не дам испортить себе день». И он не спеша и с удовольствием принялся за еду, намазывая тосты джемом, а потом, за чтением «Таймс», выпил целых три чашки кофе. Хейзен к столу так и не вернулся. Покончив с завтраком, Стрэнд вышел на террасу. Откинувшись в шезлонге, он закрыл глаза и подставил лицо утренним лучам солнца.

Теннисный корт находился в дальней части сада, за домом, и был защищен от ветра высоким, аккуратно подстриженным кустарником. Приблизившись, Стрэнд увидел, что Кэролайн, Хейзен и двое молодых людей как раз начали парную игру. До этого он поднялся в спальню, спросить, не хочет ли Лесли тоже посмотреть теннис. Но оказалось, что жена все еще в постели. Лесли пила кофе – завтрак подала на подносе миссис Кетли – и сказала мужу, что это первое субботнее утро в ее жизни, когда она может спокойно лежать и ничего не делать.

– Если это благословенное состояние мне наскучит, – заметила она, – может, тогда оденусь и спущусь. Но ты меня не жди. Организм подсказывает, что я проваляюсь в постели до ленча. – Она ни словом не упомянула о его непривычном ночном отказе.

Стрэнд устроился в полотняном шезлонге в небольшой крытой беседке неподалеку от корта. День стоял жаркий, и он заметил, что ободок белой хлопковой панамы Хейзена потемнел от пота. Алкогольные пары выходят, подумал Стрэнд. Хотя бы в этом похож на обыкновенного человека. Хейзен и Кэролайн играли в паре и, на неопытный взгляд Стрэнда, ничем не уступали двум молодым людям, которые, судя по всему, занимались с тренерами с раннего детства. Хейзен играл хладнокровно, аккуратно и бил по мячу с той же силой, что и остальные. Правда, много он не бегал, но постоянно умудрялся оказаться в нужном месте в нужный момент и нанести удачный удар. В то время как Кэролайн, напротив, быстро и энергично передвигалась, подныривала, налетала на мяч, совершала акробатические прыжки у самой сетки. Она была явно довольна собой – так, во всяком случае, показалось Стрэнду – и всякий раз, выиграв подачу или взяв трудный высокий мяч, самодовольно улыбалась. Молодые люди начали игру довольно небрежно, как бы делая снисхождение противнику, били по мячу вполсилы и по углам не бегали, но после того, как Кэролайн с Хейзенем выиграли пер-

вые два гейма, что называется, зашевелились, наносили сокрушительные удары, старались охватить все поле и не делали ни малейшей скидки ни на пол, ни на возраст противников.

Сет закончился со счетом семь – пять, выиграли молодые люди. К этому времени к корту подтянулись и другие игроки – еще два молодых человека и плотная девица. Они представились Стрэнду, скороговоркой выпалив свои имена, которые он, разумеется, не запомнил. Ничуть не похожи они были на те имена, что значились в классных журналах его школы. Усевшись рядом со Стрэндом в тени беседки, они следили за игрой до конца, время от времени вполголоса замечая «Хороший удар» или же выкрикивая «Вау!» после очередного особенно удачно отбитого мяча.

– Все, на сегодня довольно, леди и джентльмены, – заявил Хейзен. – Всем огромное спасибо. А вы, Кэролайн, извините, что из-за меня наша команда проиграла.

– Я тоже пропустила пару ключевых, – вежливо ответила Кэролайн.

Стрэнд с одобрением заметил, что проигрыш дочь воспринимает с тем же спокойствием, что и выигрыш. Будучи не слишком амбициозным, он не любил чересчур азартных людей, которые мрачнели как туча, стоило им проиграть с разницей хотя бы в одно очко. Хейзен же сохранял, как всегда, полную невозмутимость. Его победы и поражения, подумал Стрэнд, лежат в совершенно другой области.

– Я тоже должна извиниться перед вами, – сказала Кэролайн Хейзену, подходя к беседке. – Хотите сыграть еще сет? А я с удовольствием посижу с папой, поплачусь ему в жилетку.

– Нет, – покачал головой Хейзен, – на сегодня моим старым костям, думаю, хватит. Настало время показать себя молодому поколению. – Подойдя к беседке, он снял панаму и вытер лоб полотенцем. Лицо его покраснелось, но одышки не было. А по тому, как двигался этот мужчина, вовсе не было заметно, что кости у него «старые».

В глубине беседки стоял холодильник. Хейзен достал большой кувшин, наполненный чаем со льдом, и предложил Кэролайн и тем молодым людям, которые с ними играли. Новоприбывшие тем временем выбежали на корт.

– Послушайте, леди, – обратился к Кэролайн один из ее соперников, парень повыше ростом, да и игрок посильнее, чем второй. Звали его то ли Бред, то ли Чед. – Вы очень неплохо себя показали. Мы бы разбили их вчистую, играя в смешанных парах. Собираетесь пробыть здесь все лето?

– Нет, – ответила Кэролайн.

– А жаль. Вы бы стали украшением сезона. – Он был довольно симпатичный, этот парень. На взгляд Стрэнда – типичный американец, крепкий, светловолосый, самоуверенный и с раскованными манерами. Возможно, подумал Стрэнд, и мне в его годы следовало бы всерьез заняться теннисом.

– Кэролайн, – сказал Хейзен, отставив в сторону стакан с чаем, – приезжайте сюда когда пожелаете. Возможно, вы захотите принять участие в местных турнирах?

Кэролайн вопросительно взглянула на отца.

– О, мне бы очень хотелось, – ответила она. – Если будет время...

Стрэнд промолчал. После ночной сцены с Хейзенем его вовсе не грела мысль, что младшая дочь может стать постоянной гостьей в этом доме.

– Идемте, Кэролайн, – позвал девушку то ли Бред, то ли Чед. – Умоем их!

И они вышли на корт, сражаться с двумя новыми молодыми людьми и девушкой-толстушкой. Хейзен сказал:

– Пойду, пожалуй, приму душ. Наблюдать за тем, как играют молодые люди, – это нагоняет на меня депрессию.

– Я с вами, – проговорил Стрэнд. – Пойду узнаю, чем собираются заняться мои. – И он махнул рукой Кэролайн, которая, нервно ероша рукой светлые волосы, готовилась взять

очередную подачу. Он подождал, пока Хейзен наденет свитер и панаму, и мужчины вместе зашагали к дому.

– Давно не получал такого удовольствия от тенниса, – заметил Хейзен. – И все исключительно благодаря вашей очаровательной дочери.

– На мой взгляд, вы играете просто превосходно, – сказал Стрэнд.

– Стараюсь не сдавать, вот и все. В тот день, когда я узнал, что не могу пожертвовать мою ракетку Смитсоновскому институту¹⁴... Еще четыре-пять лет назад... – Адвокат умолк. Он все еще потел и отер лицо полотенцем. – Эти молодые люди, – продолжал он, – немного староваты для вашей дочери. В это время года все ее сверстники – все мальчики – учатся в школах или колледжах и не могут приезжать сюда на уик-энд. Парню, с которым она сейчас играет, двадцать четыре. Работает на Уолл-стрит, в фирме отца, но, насколько я понимаю, не слишком утруждает себя. Весьма самоуверенный, особенно когда речь заходит о женщинах. – Хейзен многозначительно покосился на Стрэнда. – Как свободных, так и замужних.

– Мне он показался достаточно хорошо воспитанным, – сказал Стрэнд.

Хейзен рассмеялся.

– Я же не утверждаю, что он шастает по округе и насилует малолетних. Просто, на мой взгляд, было бы неплохо сообщить Кэролайн, что он намного старше ее. Вы уж не обижайтесь, но мне показалось, что до сих пор она вела довольно замкнутую жизнь. Абсолютно не похожа на тех молодых девиц, которые толкуются здесь на вечеринках летом... Ну, вы понимаете, золотая молодежь, детки богатых родителей, родители, как правило, в разводе, погрязли в пьянстве, случайных связях и все такое...

– Думаю, мать сумеет ее оградить. – Стрэнд был несколько раздражен столь прямолинейными намеками. – Воспитана в старых семейных традициях. – Тут Стрэнду показалось, будто он в чем-то упрекает Лесли, и он торопливо добавил: – Да и сама Кэролайн, уверен, сможет за себя постоять.

– Прискорбно, если этого не произойдет, – заметил Хейзен. – Она так и излучает невинность. Редчайшее в наши дни качество, его следует беречь и ценить. Что же касается тенниса, – он пожал плечами, – она необыкновенно трезво оценивает свои возможности и способности. И знает, как хороша.

– Ну, не так уж и хороша, – заметил Стрэнд. – Я понял, что вы с ней об этом говорили. Хейзен улыбнулся:

– Для таких молодых людей подобные высказывания – тоже редкость. А она говорила вам когда-нибудь, чем собирается заняться после школы?

– Да нет, – ответил Стрэнд, – сколько-нибудь серьезных бесед у нас на эту тему пока не было. Полагаю, что, подобно многим другим молодым людям ее возраста, не отмеченным выдающимися талантами, она просто будет ждать. И поступит в первый попавшийся колледж.

– Разве она не сказала вам, что хочет поступить в сельскохозяйственный колледж на Западе?

– Сельскохозяйственный? – искренне изумился Стрэнд. К чему, черт побери, дочери понадобилось скрывать это от него? – Знаете, первый раз слышу. Зачем это ей? Она вам объяснила?..

Хейзен покачал головой:

– Нет. Просто сказала, что хочет поехать туда, где жизнь проще, где ее не будут со всех сторон окружать бетон и асфальт.

– Да, это правда, наш городской колледж расположен не в прериях, – съязвил Стрэнд. – Но образование там дают вполне приличное, к тому же стоит все это не слишком дорого.

¹⁴ Крупнейший комплекс культурно-просветительских и научных учреждений.

И девочка может жить дома. – Надо будет непременно поговорить об этом с дочерью, когда они окажутся наедине.

– Ну, деньги – это не такая уж проблема, – заметил Хейзен. – Всегда можно попробовать получить стипендию.

– Только не с ее оценками. Элеонор в свое время получила, но Кэролайн не блещет такими способностями. Говорю это вам со всей ответственностью, уж кому не знать, как отцу.

– Она подсказала, что есть еще один выход, – сказал Хейзен. – Сейчас все больше и больше стипендий дают девушкам-спортсменкам, так что она...

– Может, для Центрального парка ее теннис и сойдет, но она сама прекрасно понимает, что с такими данными ей не на что...

– Да, с теннисом не получится, тут я с вами согласен, – кивнул Хейзен. – Но я заметил, как она быстра. Бегают с невероятной скоростью. Я спросил ее, не принимала ли она участия в соревнованиях по бегу. И она сказала, что в прошлом месяце выиграла первое место по школе в забеге на сто метров.

– Да, – ответил Стрэнд, – помню. – Но что такое соревнования на уровне маленькой частной школы и...

– Я спросил, был ли зафиксирован ее рекорд, и Кэролайн ответила, что да. Оказалось, она пробежала стометровку за десять и четыре десятых секунды. Очень впечатляющий результат для девочки, которая специально не тренировалась. Имея хорошего тренера, она могла бы приблизиться к олимпийским показателям. Жаль, что в ее школе отсутствуют программы поощрения подобных талантов. Уверен, педагоги других престижных школ наверняка заинтересовались бы такой прекрасной спортсменкой, если бы узнали о ее результатах. Кстати, я знаком с одним человеком, он возглавляет отдел по общественным связям в колледже Траскотта, это в Аризоне, на самом что ни на есть настоящем Западе. Так вот, думаю, если намекну ему, что есть девочка, весьма перспективная в этом плане, он сумеет убедить свое начальство и заинтересовать людей с кафедры физической подготовки. Надо отметить, что в этом колледже имеется очень продвинутый сельскохозяйственный факультет.

– Вы рассказали об этом Кэролайн? – заволновался Стрэнд, чувствуя, что в семье назревает новый кризис.

– Нет, – ответил Хейзен. – Счел, что лучше сначала переговорить с вами и с ее матерью, прежде чем пробуждать у девочки какие-то надежды.

– Спасибо, – сухо ответил Стрэнд, против воли раздраженный тем, что дочь поделилась планами с практически незнакомым человеком и при этом скрыла их от родителей. Дома, когда у них бывали гости, она отвечала на все их вопросы тихо и односложно и пользовалась любым предлогом, чтобы уйти к себе в комнату. – Придется побеседовать с малышкой по душам.

– По крайней мере, мне кажется, – вставил Хейзен, – вы с женой должны представлять, какие тут открываются возможности.

– В странные времена мы живем, – заметил Стрэнд, усмехнувшись. – Достаточно быстро бегать – и девочка может рассчитывать на хорошее образование. Может, и мне стоит обзавестись секундомером и засекаать время, вместо того чтоб мучить учеников контрольными и экзаменами?

– Если вы решите, что стоит воспользоваться ситуацией, дайте знать. Буду рад помочь. Позвоню своему другу из колледжа.

– Благодарю за предложение, но, полагаю, у вас и без того есть чем заняться в этой жизни. А не беспокоиться о том, будет учиться моя дочь на фермера в каком-то колледже за три тысячи миль от дома или нет.

– Насколько я понял, фермером она быть не собирается. Она сказала, что хочет выучиться на ветеринара. Что это могло бы послужить неплохим началом.

– Ветеринар... – В голосе Стрэнда звучало отвращение. Он тут же вспомнил о своем разговоре с Джудит Квинлен и о том, как та в шутку сказала, что, если решилась бы оставить преподавание, пошла бы работать ветеринаром. Они что, сговорились, все эти горожанки? Что за странное поветрие? – Ветеринар... – повторил он. – Господи, с чего бы это? Ведь в доме у нас никогда не было ни собаки, ни кошки. Она говорила, как у нее возникла эта идея?

– Я спросил, а девочка вдруг смутилась, растерялась, не знала, что ответить, – сказал Хейзен. – Забормотала о каких-то личных причинах. Вы уж не давите на нее.

– Но вы-то сами что думаете об этом? – почти агрессивно настаивал Стрэнд.

Хейзен пожал плечами.

– Думаю, в наш век вошло в моду позволять детям самим решать, какую избрать карьеру. Подход, который, полагаю, ничем не лучше, но и не хуже других. Лично мне кажется – хотя, возможно, это лишь иллюзия, – что сегодня я был бы гораздо счастливее, если б отец в свое время не навязал мне свое мнение. Как знать... – Он повернул голову и, прищурившись, уставился на собеседника. – Что, если при прочих равных условиях вы бы были сейчас в возрасте дочери и вам предстояло сделать выбор? Вы выбрали бы карьеру преподавателя?

– Ну... – нерешительно начал Стрэнд, – не знаю. Наверное, нет. Я мечтал стать историком, ученым. А не пичкать непослушных детей вырванными из прошлого фактами. Если б я мог поступить в Гарвард или Оксфорд, затем провести несколько лет в Европе, покопаться в архивах и библиотеках... – Он с горечью рассмеялся. – Но мне пришлось зарабатывать на жизнь. Я подвизался сразу в нескольких местах, чем только не занимался! Еще, слава Богу, удалось сколотить денег, чтоб закончить колледж. Возможно, будь я более сильным и целеустремленным человеком... Но я не был сильным, нет. Амбиции молодости... – Настал его черед пожимать плечами. – Знаете, я не вспоминал о них вот уже много лет.

– Ну, допустим, – сказал Хейзен, – допустим, вы поступили бы в Гарвард, потом провели несколько лет в Европе, смогли стать тем, кем мечтали, увидели бы ваше собственное имя на корешках книг в библиотеках, – разве были бы вы при этом... ну... – он замялся в поисках точного слова, – ну, скажем, более удовлетворены, чем сейчас?

– Возможно, – ответил Стрэнд. – А может, и нет. Никто никогда этого не узнает.

– Так вы хотите, чтобы я позвонил этому человеку из Траскотта? – Хейзен, следовало признать, умел загонять человека в угол. Поставить перед свидетелем вопрос, ответом на который могли быть только «да» или «нет».

Какое-то время Стрэнд молчал, пытаясь представить, каким будет его дом без Кэролайн – ведь если дочь поступит учиться, то уедет на долгие-долгие месяцы. Видно, тогда и перед ним с Лесли возникнет проблема пустующих комнат.

– Не могу ответить вам сейчас, – сказал он. – Должен прежде обсудить все это с женой. Нет, я очень признателен вам за внимание, но...

– Благодарность тут ни при чем, – сухо ответил Хейзен. – Помните, мне тоже есть за что быть благодарным. И поверьте, я бы не стоял и не разговаривал с вами сейчас здесь или в каком-либо другом месте, если бы не смелое вмешательство Кэролайн тогда, в парке.

– В тот момент она просто не отдавала себе отчета в том, что делает, – заметил Стрэнд. – Да спросите у нее сами.

– Тем более это заслуживает всяческого восхищения, – сказал Хейзен. – Нет, не подумайте, что я вас тороплю. Поговорите с женой и дочерью, а уж потом дайте мне знать о своем решении. Ленч у нас подают в час дня. Я пригласил нескольких друзей, в том числе двух человек, с которыми вам наверняка будет интересно побеседовать. Один из них – профессор истории из колледжа в Саутгемптоне, другой – специалист по английской литературе.

Не хозяин, а само совершенство, сокрушенно подумал Стрэнд. Если б гостем его был летчик-испытатель, Хейзен наверняка раскопал бы где-нибудь двух пилотов и на протяжении всего ленча они обсуждали бы детали авиакатастроф.

Они подошли к дому, и тут Стрэнд увидел высокого, очень худенького мальчика, стоявшего в дверях. В руках тот держал перчатку-ловушку.

– Ну вот, – заметил Хейзен, – мне предстоит второе сражение. Не возражаете побыть игроком внутреннего поля?

– Буду стараться изо всех сил, – ответил Стрэнд.

– Доброе утро, Ронни, – улыбнулся Хейзен. – Знакомься, это мистер Стрэнд. Он будет считать болы¹⁵ и страйки¹⁶.

– Доброе утро, сэр. – Ронни протянул Хейзену перчатку-ловушку.

Они пересекли асфальтовую дорожку и вышли на зеленую лужайку неподалеку от дома. Хейзен бросил полотенце на землю, как бы отмечая тем самым основную базу, а Ронни, худенькое личико которого сразу стало серьезным, отошел на положенное для питчера расстояние. Хейзен присел на корточки за полотенцем, Стрэнд, с трудом сдерживая улыбку, занял позицию за его спиной.

– Тебе дается пять бросков для разогрева, – сказал мальчику Хейзен, – а потом поработаешь бэттером. Сигналы обычные, Ронни. Один палец – сильный бросок, два – крученный, три – бросок за зону.

– Понял, сэр, – ответил Ронни и, картинно извернувшись всем телом, изготовился к броску.

Стрэнду был знаком этот стиль, даром что он смотрел игру «Янки» по телевизору. Мальчик откровенно копировал манеру Луиса Тианта, старого кубинского питчера, игру которого в бейсболе отличали самые зрелищные и эффектные движения и броски. И он снова едва сдержал улыбку.

Мяч медленно накатил на полотенце. Стрэнд догадался, что мальчик хотел посильнее закрутить мяч.

После пятого броска Стрэнд крикнул:

– Теперь бери биты и отбивайся!

– Аккурат сюда, малыш! – сказал Хейзен. – Старайся отбить подальше.

Ронни пригнулся, прищурившись, взглянул на цель, затем как-то очень по-тиантовски приподнял левую ногу и ударил.

– Бол один! – рявкнул Стрэнд, начавший заводиться от игры.

Хейзен сердито оглянулся через плечо.

– В чем дело? Ты что, ослеп? Почему не обрабатываешь углы?

– Играть, играть! – выкрикнул Стрэнд.

Хейзен весело подмигнул гостю и развернулся к пареньку.

После пятнадцати минут игры, за которую Стрэнд щедро насчитал десять страйкаутов¹⁷ против четырех пробежек, Хейзен поднялся, подошел к Ронни и пожал ему руку со словами:

– Отличная игра, Ронни. Лет через десять ты вполне сможешь претендовать на игру в большой лиге. – И он отдал перчатку-ловушку мальчику, который впервые за все это время улыбнулся. А затем они вместе со Стрэндом направились к дому.

– Вы очень добры к нему, – заметил Стрэнд.

¹⁵ В бейсболе – мяч, поданный питчером (игрок обороняющейся команды, вбрасывающий мяч в зону) вне зоны удара и зафиксированный судьей до нанесения бэттером (игрок из команды нападения, отбивающий битой броски питчера) удара по мячу.

¹⁶ Пропущенный бэттером удар.

¹⁷ Три пропущенных бэттером удара засчитываются как аут.

– Он славный мальчик, – сказал Хейзен. – Конечно, никогда не станет великим игроком. Постоянно опаздывает где-то на полсекунды, да и броски неточные. Так что в большую лигу ему не попасть. И когда он осознает это, ему будет очень тяжело. Сам я тоже любил эту игру, но когда настал день и я осознал, что мне ни за что в жизни никогда не попасть по крученому мячу, то знаете, едва не разрыдался. И тут же переключился на хоккей. О, у меня были способности. – Адвокат криво усмехнулся. – И жесткость, и хитрость. Спасибо за помощь. Увидимся за ленчем. Хочу пойти принять душ. Вы, должно быть, не представляете, до чего трудно простоять на полусогнутых – вот так – на протяжении десяти минут. – И он направился к боковому крылу дома.

Стрэнд не пошел в спальню, где жена, должно быть, до сих пор наслаждалась утренним ничегонеделанием. Он не был еще готов к разговору с Лесли. Вместо этого он направился к бассейну. И увидел там Элеонор и Джимми. Они загорали.

Девушка в бикини растянулась на надувном матрасе животом вниз, а Джимми, присев рядом на корточки, усердно втирал ей в спину лосьон. Элеонор развязала бретельки бюстгалтера, чтобы на теле не осталось белых полосок, и были видны груди. Это показалось Стрэнду слишком эротичным. Ее тело с узенькой талией, приятно-округлым задом и шелковистой кожей напомнило ему о Лесли, и он даже почувствовал легкое возбуждение. Бросив на детей всего один взгляд, Стрэнд тут же отвернулся, уселся на скамейку и стал смотреть на море.

Элеонор и Джимми играли в слова: один называл букву, второй добавлял к ней следующую – да так, чтобы запутать противника, заставить его назвать совсем не то слово, что было изначально задумано.

– «И», – сказала Элеонор. – Привет, пап. Ну, как там наша мисс Уимблдон-1984?

– Заставила мальчишек попотеть, – ответил Стрэнд, которому очень хотелось, чтобы дочь надела лифчик как следует.

– «З»! – выкрикнул Джимми.

– Ну, это само собой напрашивается, Джим. – Она снова обернулась к отцу: – Знаешь, пап, мы должны поблагодарить нашу малышку, охранительницу старых парков и устрашительницу разбойников, за то, что благодаря ей пользуемся сейчас всем этим великолепием. «Г», Джимми. А я так до сих пор и не видела нашего щедрого и гостеприимного хозяина. Какие еще развлечения он для нас запланировал?

– Ленч, – сообщил Стрэнд.

– Прискорбно слышать, – сказала Элеонор. – Может, извинишься за меня, а, пап? Меня уже пригласили. Один парень, случайно встретились вчера в баре «Бобби». Собирается заехать за мной и отвезти куда-то на ленч. Пишет стихи. Печатаются в тоненьких журнальчиках. Ну что ты так испугался, а, пап?.. – Девушка расхохоталась. – Стишки у него скверные, зато есть постоянная работа. «Н», Джимми.

– Случайно встретились, как же! – пробормотал Джимми. – Да он наверняка дожидался тебя там с прошлого вечера, весь слюной изошел!.. «А».

– Догадливый мальчик... – Стрэнд не понял, имела ли она в виду то, что Джимми угадал букву, или же его догадку, что вчерашняя встреча Элеонор с поэтом была запланирована. Она вздохнула. – И вообще ты умница. Так и быть, называй слово.

– «Изгнание»! – торжествующе выкрикнул Джимми.

– Твоя взяла, – заключила Элеонор. – Мастак по части словесных игр, всегда меня побеждает, – пожаловалась она отцу. – А ведь это я считаюсь в семье самой умной.

– Да куда тебе до меня, – пробурчал Джимми, завинчивая крышечку флакона с лосьоном. – Ну что, сыграем еще разок?

– Нет, не сейчас, – томно ответила Элеонор. – Я от солнца тупею. Собираюсь немного прожариться, прежде чем мой кавалер явится за мной.

– А я хочу поплавать в бассейне. – Джимми встал.

Он был высокий и худенький, фигурой пошел в отца. Все ребра можно пересчитать. Из-под темных густых бровей торчит длинный нос. Стрэнд без всякого удовольствия мысленно сравнил сына с теми молодыми людьми, которых только что видел на корте. Те были стройные, но мускулистые, Джимми же можно было назвать не иначе как костлявым. Он мало походил на человека, которому удалось бы продержаться хотя бы один сет. Что касалось физических упражнений, то Джимми придерживался собственной философии: считал, что они только вгоняют в пот и сокращают продолжительность жизни. А когда Кэролайн пыталась дразнить его, он в ответ цитировал Киплинга: «В тройках фланелевых три идиота метят в воротца, играют в крикет, только мешают друг другу, толпятся, в цель норовят попасть...» Хотя бы здесь со стороны Хейзена не грозит опасность, подумал Стрэнд. Вряд ли адвокат сочтет Джимми годным для поступления в колледж на основе выдающихся спортивных достижений.

Джимми с громким плеском нырнул в бассейн и радостно зашлепал по воде руками. Стрэнд никак не мог понять, каким стилем он плавает.

– А кто этот кавалер, который собрался угостить тебя ленчем? – спросил он Элеонор.

– Ты его все равно не знаешь, – ответила та.

– Тот самый, о ком ты рассказывала? С греческого острова?

Секунду Элеонор колебалась.

– Ну да, – нехотя призналась она наконец. – Он подумал, будет лучше познакомиться с моей семьей на нейтральной территории. Но если ты не хочешь его видеть – не надо.

– Нет, отчего же! Конечно, хочу! – ответил Стрэнд.

– Он вполне презентабелен, если это тебя волнует, – заметила Элеонор.

– Как раз это меня мало волнует.

– Старый добрый па!

– И ты считаешь, это удобно – вот так сорваться, ничего не сказав мистеру Хейзену? Ведь ты сама говорила, что еще не виделась с ним, и всю ночь вы с Джимми шлелись бог знает где...

– Но я же не виновата, что его не было за обедом вчера вечером! – вызывающе заметила Элеонор. – Кроме того, у него и без меня хватает хлопот. Он отдает долг гостеприимства тебе, Кэролайн и маме. Полагаю, с него вполне достаточно.

Долг, подумал Стрэнд. Звучит не слишком впечатляюще.

– Но к обеду-то вернешься?

– А ты этого хочешь?

– Хочу.

Элеонор вздохнула:

– Значит, вернусь.

– Элеонор, – начал Стрэнд, всей душой желая, чтобы дочь наконец поднялась и завязала лямки своего купальника. – Хочу задать тебе один вопрос.

– Да, папа? – Голос ее звучал устало.

– Это касается Кэролайн. Как ты считаешь, она достаточно взрослая, чтобы поехать учиться в колледж далеко от дома?

– Но я-то в ее возрасте уехала, – ответила Элеонор. – А вообще мне казалось, она собирается поступать в городской. Он ведь недалеко. В центре.

– Ну а допустим, мы передумали?

– В таком случае неужели вы с мамой собираетесь таскаться за ней по пятам по всей Америке, чтобы девочка получила образование? Думаешь искать другую работу? Не думаю, что в твоём возрасте...

– Ну а если мы решили, что как-нибудь справимся?

– Как?

– Ну, как-нибудь.

Элеонор наконец завязала бретельки и села.

– Если честно, – сказала она, – лично мне кажется, что ей было бы лучше дома. И потом, ей сейчас все-таки меньше, чем было мне тогда. Кроме того, есть еще одно обстоятельство. Ты заметил, что к ней никогда не заходят мальчишки, даже по телефону не звонят?

– Да, ты права, – согласился Стрэнд.

– Когда я была в ее возрасте, телефон прямо разрывался от звонков днем и ночью.

– Это уж точно.

– Она считает себя уродиной, – пояснила Элеонор. – Думает, что одним своим видом отпугивает мальчишек. Вот почему она так прикипела к теннису. Ей нравится одерживать над ними верх, хотя бы на корте. Я же всегда предпочитала производить впечатление на мужчин своим умом. – Девушка хихикнула. – По крайней мере более достойный способ. Надежный и постоянный.

– Уродиной? – изумился Стрэнд. – Наша Кэролайн?

– Ох уж эти родители, – пробормотала Элеонор. – Послушай, пап, как считаешь, когда я стану матерью, то буду так же слепа?

– Но она никакая не уродина! Мистер Хейзен – так тот просто из кожи лез, подбирая слова, чтобы выразить, насколько она прекрасна, восхитительна и тому подобное!

– О, это чисто возрастное, – заметила Элеонор. – Все эти слова – они не стоят и одного щипка какого-нибудь восемнадцатилетнего сопляка в кинотеатре, где-нибудь в заднем ряду.

– Да Бог с ним, с этим Хейзеном. А если я сам скажу, что считаю ее... ну, пусть не красавицей, но очень хорошенькой девушкой?..

– Тоже старческое, только с примесью отцовского тщеславия, – отрезала Элеонор. – Ты спросил, что я думаю о своей сестре. Так вот, ты хочешь, чтобы я действительно сказала то, что думаю, или просто подыграла тебе?

– Провокационный вопрос, – возразил Стрэнд.

– Провокационный или нет, но чего ты хочешь?

– Ответ существует всего один, – с достоинством заметил Стрэнд.

– Она считает себя уродкой из-за носа. Все очень просто. Ребятишки смеялись над ней еще с первого класса. Носом она пошла в тебя. Но ты мужчина, и тебе даже идет. Ты с этим носом выглядишь шикарно. И Джимми, когда подрастет, тоже будет выглядеть о'кей со своим носом. Но она девочка, и, будь у нее такой же аккуратный носик, как у мамы или, давай смотреть правде в глаза, как у меня, проблемы не существовало бы. Это семейная, наследственная черта всех Стрэндов. Пойми меня правильно, папа, – более мягко добавила Элеонор, глядя в его огорченное лицо, – я вовсе не хочу сказать, что она себя недооценивает или чем-то плоха. Нет, Кэролайн – просто чудесная, но от фактов никуда не деться. Если девочка чувствует себя некрасивой, то стоит отпустить ее одну куда-то далеко, туда, где у нее не будет любви и поддержки со стороны добрых, милых папы и мамы, своей комнатки, куда можно прибежать, своей кровати с подушкой, в которую можно выплакаться, то она... черт побери, вполне может угодить в объятия первого встречного мальчишки или мужчины, который назовет ее хорошенькой. Причем не важно, какие у него при этом будут мотивы, хорошо или плохо это для нее закончится. Ты спрашивал у меня совета? Так вот: держите ее дома, пока не подрастет.

Джимми вылез из бассейна, отряхиваясь, точно собачонка.

– Только не задавай этого вопроса братцу, – предупредила Элеонор. – А то еще не такого наслушаешься.

– Настанет день, Элеонор, – сказал Стрэнд, – и я приду за советом к тебе и спрошу, что мне делать со своей жизнью.

– Оставайся таким, как есть. – Она встала и поцеловала его в щеку. – Ни малейшей перемены в тебе я просто не вынесу.

Стрэнд сидел на террасе один. Элеонор ушла переодеваться к ленчу, Джимми отправился побродить по пляжу. Стрэнд был рад, что Лесли еще не выходила из комнаты. Жена безошибочно улавливала оттенки в его настроении и теперь сразу же почувствовала бы, что он обеспокоен. Начала бы задавать вопросы и испортила бы себе тем самым ленивое, беззаботное утро.

Он как раз раздумывал над тем, не стоит ли ему пойти и надеть плавки, чтобы искупаться в бассейне. Надо пользоваться моментом. Пока там никого нет, и никто не увидит его тощих ног, не заметит, как он напоминает худобой подростка Джимми. Он уже хотел было встать, как вдруг появился мистер Кетли.

– Мистер Стрэнд, – сообщил он, – там пришел один джентльмен. Спрашивает мисс Элеонор.

– Будьте добры, проводите его сюда, – попросил Стрэнд.

Молодой человек вошел на террасу, и Стрэнд поднялся ему навстречу.

– Я отец Элеонор, – представился он. Они обменялись рукопожатием. – Она будет через минуту. Переодевается.

Молодой человек кивнул.

– А я Джузеппе Джанелли. На редкость музыкально, правда? – И молодой человек расхохотался. На вид ему было лет двадцать восемь – двадцать девять. Низкий приятный голос, а еще этот парень был поразительно хорош собой. Огромные зеленые глаза с золотистыми искорками, смуглое лицо и густые черные кудри. Ростом он был почти со Стрэнда, одет в белые слаксы, сандалии и синюю спортивную майку, открывавшую мускулистые загорелые руки и плотно облегающую широкие плечи. Стрэнд от души порадовался тому, что гость не застиг его в плавках.

– А славно они тут устроились, ничего не скажешь, – заметил Джанелли, озираясь по сторонам. – У этого Хейзена были дальновидные предки.

– Знаете, вчера мой сын, впервые увидев все это, воскликнул: «Ничего себе образчик архитектуры!»

Джанелли рассмеялся. И смех у него тоже был приятный, какой-то воркующий, тихий, и прекрасно сочетался с низким выразительным голосом.

– Старина Джимми, – заметил он. – Уж он вчера оттянулся на славу.

– Что он натворил? – встревожился Стрэнд. – Напился, да?

– О нет, нет, ничего подобного, – улыбнулся Джанелли. И лицо его, такое мужественное, почти скульптурное, с правильными строгими чертами, внезапно смягчилось и стало удивительно веселым, даже лукавым и милым. – Нет, если б он напился, я бы вам рассказывать не стал. Джимми выпил лишь кружку или две пива. Зато устроил нам концерт.

– И на чем же он играл? – удивился Стрэнд. Ему удалось убедить Джимми не брать с собой на уик-энд электрогитару, мотивируя это тем, что и у миллионеров есть свои пределы гостеприимства.

– Там у одной девушки оказалась гитара, – ответил Джанелли. – И она спела какую-то песенку. Ну, знаете, такую печальную, на тему того, почему это она еще жива, когда мир вокруг такой подлый и жестокий, настоящие джунгли, все в этом духе. Ну а когда закончила, Элеонор спросила, не может ли она одолжить гитару Джимми. И Джимми нам сыграл, да еще под аккомпанемент пианиста. Он прекрасный музыкант, смею вас заверить.

– Не знаю, – ответил Стрэнд, – тут я не судья. Я не настолько хорошо разбираюсь в современной музыке, чтобы оценить его игру.

– Жаль, что вас не было с нами вчера, – заметил Джанелли. – Он играл целый час, если не больше. Разве Элеонор вам не говорила?

– Мы обсуждали с ней совсем другие вещи, – ответил Стрэнд и тут же спохватился: не покажется ли другу дочери столь лаконичный ответ обидным. – Сам Джимми все время твердит, что занят поисками некоего нового звука. И я взял с него обещание, что, когда найдет, обязательно поделится со мной своим открытием.

– Не знаю, что именно он там нашел вчера, – заметил Джанелли, – но нашел определенно.

– Как-нибудь в следующий раз, – сказал Стрэнд, – когда увижу, что дети собираются прогулять всю ночь, обязательно попрошусь с ними.

– И все испортите, – дружелюбно заметил Джанелли. – Не возражаете, если я присяду?

– О, простите! – спохватился Стрэнд. – Пожалуйста, прошу вас.

Оба они сели.

– Элеонор сказала, что будет готова через минуту, – заметил Стрэнд. – Но сами знаете, каковы женщины. Минута переодевания может затянуться у них на целый час.

– Вообще Элеонор довольно пунктуальна, – возразил Джанелли. – Почти никогда не опаздывает. Ну, максимум минут на пять. В этом плане у меня нет к ней претензий.

Говорит так, точно она его собственность, подумал Стрэнд. Но всеми силами постарался не показать внезапно возникшей неприязни. Если Элеонор действительно так считается с Джузеппе Джанелли, то, видимо, отношения у них серьезные. В их семье старшая дочь всегда славилась отсутствием пунктуальности. «Подожди, дружок, – с некоторым злорадством подумал Стрэнд, – тебя ждет еще немало неприятных сюрпризов. В будущем. Если оно, конечно, наступит, это будущее».

– Элеонор рассказывала вам обо мне? – Джанелли обратил взгляд своих темно-зеленых глаз на собеседника. Взгляд открытый и доверительный – в самый раз для мужского разговора. Да он парень не промах, подумал Стрэнд. – Я имею в виду – что-нибудь, достойное вашего интереса?

– Говорила, что вы пишете стихи, – отозвался Стрэнд. – Ну и еще сказала, вы уж простите, что стихи у вас так себе. Зато у вас есть постоянная работа.

Джанелли рассмеялся. И Стрэнд с трудом удержался и не растаял, заслышав этот приветливый, мягкий смех.

– А она – это нечто, верно?

– Нечто, – согласился Стрэнд. – Правда, она не читала мне ваших стихов наизусть.

– Так вам просто повезло, мистер Стрэнд! – воскликнул Джанелли.

– Как не говорила, впрочем, какой конкретно работой вы занимаетесь... – «О Господи, – подумал Стрэнд, – я веду себя как какой-нибудь старомодный папаша, допытывающийся, какими качествами обладает соискатель руки его дочери». – У Элеонор, знаете ли, полно самых разных знакомых молодых людей, и занятия у всех такие странные...

– Мое странным не назовешь, – вздохнул Джанелли. – А хотелось бы заняться чем-нибудь эдаким... Нет, я работаю на своего отца. Он строитель-подрядчик. Так что занимаюсь цементом, кирпичом, проблемами найма, грузовиками. Но надеюсь, это лишь временное отступление. Отец тоже не слишком высоко оценивает мои поэтические достижения. Считает, что я попал под влияние коммунистов и гомосексуалистов, еще когда учился в Вартоновской школе экономики. – Парень рассмеялся и взмахнул рукой, словно показывая, что не слишком прислушивается к мнению отца.

Вот оно, среднее поколение, подумал Стрэнд. Отцы в рубашках с короткими рукавами, сынки в слаксах, ошиваются по Хэмптонам. Джанелли... Строитель-подрядчик. Читает газеты, ходит в кино. Наверняка смотрел «Крестного отца»... А если у этой семейки связи с

мафией?.. «Коза ностра». Ведь в фильме сынок крестного отца тоже окончил колледж. Устыдившись собственных мыслей, Стрэнд сменил тему:

– Элеонор говорила, вы этим летом собираетесь провести отпуск на каком-то острове в Греции. – И он испытующе взглянул на Джанелли, ожидая, какая будет реакция. Реакции не последовало. Никакой.

– Да, на Спетсае, – небрежно заметил Джанелли. – У меня там друзья. А у них – домик прямо на берегу моря. Неподалеку от владений Онассиса. Вполне свободно могли бы направиться в гости. Правда, сам старик уже помер. Просто пришла вдруг в голову такая идея однажды ночью, ну, как это всегда бывает...

Идея провести три недели на острове с девушкой, которая не является твоей женой, да еще в непосредственной близости от имения судостроительного магната, никогда бы не пришла в голову Стрэнду – ни днем, ни ночью. Но он не стал сообщать об этом Джанелли. Просто спросил:

– А кстати, где вы познакомились с Элеонор?

– Как-то вечером в салуне у Бобби, – непринужденно ответил тот. – Прошлым летом. Сидели рядом за стойкой бара и разговаривали.

Просто разговорились, подумал Стрэнд. И тут же вспомнил, с каким трудом и осторожностью он добывал адрес и телефон Лесли, потом ждал целый год, не решаясь позвонить. А потом, впервые появившись у них в доме, чтобы пригласить Лесли на обед и в театр, потел и краснел под взглядами ее отца и матери. Просто разговорились – и сразу же тебе остров в Эгейском море. А что потом, что после этого?.. Ох уж эта нынешняя молодежь. Похоже, эти люди никогда не испытывают смущения. Хотя в целом ему это нравилось, он вовсе не был уверен, нравится ли это ему сейчас и здесь. Сидя на террасе, на солнышке, он ждал, что этот молодой человек увезет его дочь на ленч. А что потом?..

– Выяснилось, что у нас есть общие интересы, – добавил Джанелли.

– К примеру? – спросил Стрэнд.

– Нелюбовь к алкоголю, – усмехнулся Джанелли. – И, напротив, увлечение Уоллесом Стивенсом¹⁸. Нам обоим нравится и не нравится в Нью-Йорке одно и то же...

– Вы, должно быть, долго там просидели, раз успели побеседовать о столь многих вещах, – сухо заметил Стрэнд.

– Часов до трех ночи.

– Ну а помимо поэзии чем увлекаетесь?

– Вам действительно хочется знать? – серьезно спросил Джанелли.

– Конечно.

– Был редактором газеты в Брауне. Просто я там учился в колледже. И знаете, мне это очень понравилось. Наверное, нравилось видеть свое имя, напечатанное в газете. Тщеславие... Впрочем, конечно, не только это. Я надеялся, что отец поможет мне профинансировать издание газеты в каком-нибудь маленьком городке. Что я стану жить отдельно в каком-нибудь старинном доме, буду сам себе хозяин, объявлю крестовый поход против всяких мошенников. Что моя газета поможет упрятать за решетку разных негодяев, сделает профсоюзы честной организацией, будет способствовать избранию порядочных конгрессменов, восстановлению справедливости в отношениях между нанимателями и рабочими. И никаких там больше вьетнамцев и уотергейтов!.. Ну, в общем, всего понемножку... Романтичные, идеалистические мечты богатенького американского мальчика. Сказывался возраст, конечно. Да и способности, честно говоря, были довольно скромные. Но все равно страшно хотелось!.. А отец сказал вот что: «Донкихотствуй на собственные деньги». На том интервью и кончилось.

¹⁸ Стивенс, Уоллес (1879–1955) – американский поэт, лауреат Национальной книжной и Пулитцеровской премий.

С какой, однако, охотой они говорят о себе, эти современные молодые люди, подумал Стрэнд. И тем не менее монолог ему понравился.

– А вы рассказывали об этом Элеонор?

– Конечно.

– Ну и что она думает?

– Она против, – ответил Джанелли. – Выбирайся сам, беби! Эта девушка карабкается наверх по телам своих однокашников – выпускников Гарвардской бизнес-школы, и мысль о том, что можно подкрашивать глаза зелеными тенями или же редактировать какую-нибудь газетку в маленьком городке на задворках Америки, ей просто претит. Вы тоже считаете меня болваном, мистер Стрэнд?

– Вовсе нет. – Идея Джанелли казалась Стрэнду довольно привлекательной. Но следовало учитывать прискорбную статистику ежегодных банкротств, которым подвергался мелкий бизнес в Америке, а также поглощения мелких изданий более крупными. – С другой стороны, если бы ваша мечта осуществилась, для Греции вряд ли осталось бы время.

– На свете есть дела поинтереснее, чем отдых в Греции, – проговорил Джанелли. – Что ж, теперь вы знаете обо мне самое худшее. – Он усмехнулся. – Мне уйти прямо сейчас или дожидаться, пока вы не скажете Элеонор, чтобы она вышвырнула меня из дома?

– Так и быть, оставайтесь, – ответил Стрэнд и поднялся. – Пойду посмотрю, что это она так долго.

Но не успел он войти в дом, как появилась Элеонор, свежая и бодрая, с надменно вздернутым носиком и ярким шарфом на голове.

– Привет, – сказала она. – А ты рано.

– Я всегда вовремя, – поднимаясь навстречу ей, парировал Джанелли. – Ладно, не важно. Пока ты там прихорашивалась, развлекал твоего отца рассказами о своих недостатках и достоинствах. Ну, ты готова?

– Естественно. Разве не видишь, как я выгляжу?

– Просто шикарно, – подтвердил Джанелли.

– Как и должно быть, – ответила девушка. – Ну ладно, пап, увидимся позже.

– Позже – это когда? – осведомился Стрэнд.

– Просто позже. – Она улыбнулась ему и взяла Джанелли под руку.

И они ушли. Вместе. Глядя на эту пару, Стрэнд был вынужден признать, что смотрятся они и впрямь шикарно. Быть отцом... в этом есть и отрицательные, и положительные стороны.

Едва они скрылись из виду, как на террасе появилась Лесли, одетая к ленчу, в длинной хлопковой юбке и с волосами, собранными в высокую прическу, при виде которой Стрэнд всегда почему-то испытывал нечто среднее между обожанием и тоской.

– Ну, как я выгляжу? – несколько неуверенно спросила Лесли.

– Просто шикарно, – ответил он.

Особого удовольствия от ленча Стрэнд не получил. И это несмотря на то, что он состоял из изумительных холодных омаров, паштета, охлажденного вина и салата из авокадо. Закуски были расставлены на буфете, а сам ленч накрыт на веранде, под огромным пестрым тентом. И море было таким синим и спокойным, и специально приглашенные преподаватели из колледжа в Саутгемптоне и их жены оказались милыми и достаточно интеллигентными людьми. Почти все время Стрэнд не сводил глаз с Кэролайн, вернее – с ее носа. Ничего уродливого, подумал он и даже рассердился на Элеонор, которая подняла по этому поводу столько шума. Мало того, в другую эпоху такой нос сочли бы вполне нормальным и даже украшающим женщину. Однако от его внимания не укрылось, что три молодых теннисиста и две приглашенные на игру девушки сидели отдельно и оттуда время от времени

доносились взрывы смеха и оживленная болтовня. Кэролайн же сидела за столом между матерью и женой одного из преподавателей.

Черт побери, подумал он, Элеонор права. Старческий отцовский комплекс. Ему хотелось подойти к Кэролайн, заключить в объятия, прошептать ей на ушко: «Дорогая, ты у меня такая красавица!» А потом зарыться носом в светлые волосы дочки и зарыдать.

Но вместо этого он обернулся к профессору истории, сидевшему рядом, и произнес:

– Простите, сэр, я не расслышал, что вы сказали?

Профессор, который был немного похож на Эйнштейна, знал это и потому отрастил длиннющую гриву, как и положено настоящему ученому мужу, какое-то время, щурясь, смотрел на Стрэнда.

– Я спросил, как вы освещаете проблему Вьетнама в ваших классах. Я имею в виду систему государственного образования.

– Мы не преподаем современной истории.

– Вьетнам – разве это современная история? – возразил профессор. – Корни этой проблемы ведут еще ко Второй мировой войне. История – это сплошная паутина, без швов. И наши мальчишки шли на войну прямоком с выпускных балов. После чего неизбежно возник кризис сознания, расколовший наше общество...

Стрэнд решил, что к высказываниям этого человека не следует относиться всерьез.

– В нашу программу этот предмет не включен. – Стрэнд сознавал, что ответ звучит грубо, и понимал, что собеседник здесь совершенно ни при чем, а вывели его из равновесия утренние беседы с Хейзенем и Элеонор, а также созерцание Кэролайн, которая сидела рядом с матерью и тихо ела. Никакого «раскола» ни на его отделении, ни в собственной душе не наблюдалось. Сам Стрэнд крайне отрицательно относился к войне, о чем писал своему конгрессмену, подписывал петиции, рискуя потерять работу, а дома, за столом, в присутствии Джимми, говорил, что ничуть не осуждает молодых парней, которые сбежали в Швецию или официально зарегистрировались как принципиальные противники войны. Но он не мог сказать этого здесь, за омарами и гусиным паштетом, в солнечной и благостной атмосфере пикника, на берегу океана.

К счастью, от дальнейшей беседы с «Эйнштейном» его спасло появление Хейзена.

– Прошу извинить меня, мистер Стрэнд, – сказал хозяин дома, приблизившись. – Можно вас на минуточку?

– Конечно. – Стрэнд поднялся из-за стола и проследовал за Хейзенем в дом.

– Прошу прощения за беспокойство, – тихо произнес Хейзен, когда они оказались в пустой гостиной, – но я вынужден немедленно уехать в город. Утром за завтраком позволили. Хочу ускользнуть потихоньку, по-английски, обойтись без прощаний и извинений. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Ну разумеется, – ответил Стрэнд.

– Извинитесь за меня перед супругой. И хотя в этот уик-энд мы провели вместе совсем немного времени, – добавил адвокат, – я получил огромное удовольствие. И очень рад, что все вы – подчеркиваю, все – почтили меня своим присутствием. В следующий раз сразу по приезде передрежу телефонные провода.

– Для меня эти дни тоже будут памятными, – вежливо кивнул Стрэнд. Если бы Джимми был здесь и слышал этот разговор, он бы непременно заметил: «Здорово сказано, старина. Еще раз, на бис!»

– Позвоните мне на неделе, ладно? – сказал Хейзен, и мужчины обменялись рукопожатием. Конрой уже ждал в холле, терпеливый водитель колесниц в темном деловом костюме. Вслед за Хейзенем он быстро направился к выходу, к ожидавшему у крыльца «мерседесу».

Глава 6

Ваше имя на корешках книг в библиотеках... Да известно ли ему собственное имя? Будто какой-то другой человек носил его имя и вел совсем другую жизнь. Сильный, энергичный, не он лежал сейчас в незнакомой постели, не он прислушивался к шуму крови в ушах...

– Как прошел уик-энд? – поинтересовалась Джудит Квинлен.

– Активное потребление, – ответил Стрэнд. – В самом лучшем смысле этого слова.

Джудит рассмеялась.

– Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду. – День выдался ненастный, они сидели у залитого струями дождя окна в кафе, куда зашли после занятий. Стрэнд немного рассказал Джудит о Хейзене и, стараясь не показаться хвастливым, описал приключение Кэролайн в парке. Он сидел и с удовольствием потягивал горячий кофе. Идти домой не хотелось. Ночь с Лесли прошла мучительно. Ночь с воскресенья на понедельник, после того как Конрой доставил их домой. Дорога на обратном пути была забита машинами и заняла много времени, лицо у Стрэнда пылало – он умудрился обгореть под солнцем и ветром за эти два дня. К тому же он чувствовал: Лесли догадалась, что муж что-то скрывает, а стало быть, будет допытываться, когда они приедут. Он не привык иметь секреты от жены, не умел таиться и недоговаривать и знал, что, если она возьмется за него всерьез, наговорит или каких-нибудь глупостей, или грубостей.

А потом, в ту же ночь, произошло нечто такое, чего никогда прежде не бывало в их супружеской жизни. Он пытался заняться с ней любовью, и у него не получилось. Лесли притворилась, что ничего страшного не произошло, и мирно заснула под боком. Но сам Стрэнд беспокойно проворочался всю ночь напролет, а когда наконец под утро уснул, его мучили какие-то неясные, тревожные сновидения. На следующий день Лесли заявила, что у нее болит голова, и почти весь день провела в своей комнате. Стрэнду не хотелось затевать с женой серьезный разговор – по крайней мере до тех пор, пока он сам не решит, стоит ли принимать предложение Хейзена насчет Кэролайн. А потому он нашел единственно возможный выход – погрузился в молчание. Что было совершенно для него нехарактерно, особенно в отношениях с женой. Он чувствовал, как тревога Лесли растет, ловил на себе ее испытующие взгляды. Причем началось все это еще по дороге домой, в машине, где рядом с ней сидели на заднем сиденье Джимми и Кэролайн, а потому заводить разговор с мужем она не стала.

Элеонор предпочла вернуться в город вместе с Джанелли. Лесли немного сердилась и на старшую дочь тоже. По ее мнению, заметила жена Стрэнду, дочь непременно должна была присутствовать на воскресном обеде. Вместо этого Элеонор позвонила в последнюю минуту и заявила, что их шайка (что она имела в виду, тоже не понятно) решила отправиться обедать в Монток. Они уже ложились спать, а Элеонор все не было, и когда именно она заявила, никто не мог сказать. В воскресенье она с утра упаковала свою сумку и укатила с Джанелли, сказав, что какой-то кинорежиссер закатывает грандиозную гулянку где-то в своем имении в Уэст-Хэмптоне и что ей нет никакого смысла возвращаться сюда, чтобы ехать в Нью-Йорк вместе с родителями.

Джимми тоже отличился – подцепил какую-то девицу в баре в Бриджгемптоне и не явился ни на ленч, ни на обед. Примчался буквально в последний момент, когда все уже садились в машину, чтобы ехать домой.

Лишь Кэролайн, сыгравшая за эти два дня, наверное, десять сетов и совершенно умолившаяся, мирно спала сейчас, уткнувшись носом в плечо матери. Она была в полном восторге от уик-энда и, перед тем как задремать, сонно пробормотала:

– Это не жизнь, а мечта...

Интересно, подумал Стрэнд, какое настроение было бы у девочки, зная она, что говорила про нее сестра у бассейна? И он решил, что Лесли совсем не обязательно знать обо всем этом. Сначала он сам должен разобраться. Даже не спросив у жены, хочет ли она послушать радио, он включил приемник на полную громкость, что тут же сделало все разговоры затруднительными. Стрэнд понимал, что Лесли не преминет упрекнуть его и за это...

Вспоминая все, что произошло в тот вечер и ночь, он хмурился. Помешивал кофе и смотрел на дождь, хлеставший в окно.

– Что-то не похоже, чтобы для вас этот уик-энд прошел с пользой, – заметила Джудит.

Стрэнд дотронулся до лица – кожа на щеках уже начала шелушиться.

– Отвык от яркого солнца, – пробормотал он.

– Я не об этом, – сказала Джудит. – Может, в школе что-то сегодня случилось?

– Да нет, ничего. Ни хорошего, ни плохого.

...Сегодня к нему в кабинет зашел Ромеро, угрюмый и сердитый, со столь хорошо знакомой издевательской ухмылкой на физиономии, и сказал:

– Посоветовался сам с собой, как вы велели, и решил. Какого черта? Что я действительно теряю?... Кроме разве что стоимости билета на трамвай. Короче, надо повидаться с тем типом и посмотреть, что он там продает.

– Он ничего не продает. – Стрэнд записал на клочке бумаги адрес офиса Хейзена и протянул Ромеро. – Напиши ему письмо, сообщи, что заинтересован. Заодно сэкономишь на билете на трамвай.

– А вы что, разве со мной не пойдете? – Голос парнишки звучал почти испуганно.

– Полагаю, мистер Хейзен предпочтет обсудить это с тобой с глазу на глаз.

Ромеро подозрительно смотрел на адрес, потом скомкал бумажку и сунул в карман джинсов.

– Написать письмо, Боже мой!... – чуть ли не со слезами пробормотал он. – Да я в жизни своей никому не писал писем!

– Осмелюсь дать тебе совет, Ромеро, – сказал Стрэнд. – Если все же соберешься с духом и напишешь это письмо, постарайся, чтобы оно походило на одну из твоих контрольных, а не на то, как ты общаешься с друзьями, ясно?

Ромеро криво улыбнулся.

– Я вообще человек двойственный, да, профессор?... – И выскользнул из кабинета.

Стрэнд не говорил Джудит о Ромеро и вот теперь, сидя в кафе, испытывал сильнейшее искушение сделать это. Возможно, узнав все, она подскажет, как укротить мальчишку. Но он знал, что Ромеро не посещает ее занятий. К тому же ему не хотелось подвергать Джудит этому испытанию: видеть заносчивую ухмылку Ромеро, стараться пробиться сквозь непрошибаемую броню его наглости и недоверия...

– Что касается этого понедельника, – повторил Стрэнд, – то он прошел даже чуть выше среднего. Однако пара проблем все же имеется.

– Животного, растительного или неорганического характера?

Стрэнд усмехнулся.

– Все вместе. Нет, уик-энд прошел действительно хорошо... вполне прилично. – И это в целом было правдой, если не считать той мучительной ночи с воскресенья на понедельник, проведенной почти без сна и в неприятном предвкушении рабочей недели.

Или же если не считать пьяных откровений Хейзена. И последующего спора с Лесли в спальне.

Лесли и Стрэнд редко спорили. Он всегда говорил жене, что она женщина спокойная и мудрая и что именно эти качества больше всего ему в ней нравятся. Но ему трудно было назвать ее спокойной и мудрой, когда он увидел, как она сидит на краю кровати с сердито

поджатыми губами и гневным взором следит за тем, как он медленно снимает пиджак, развязывает галстук.

– Ну, в чем дело, Аллен?

– Что – в чем?

– Сам прекрасно знаешь. Ты что-то скрываешь от меня. Что?

– Да ничего я не скрываю. Просто устал. – Он зевнул, получилось довольно убедительно. – Долго говорил с Хейзенем о судьбе Ромеро... Это мальчик, который...

– Я знаю, кто это, – отрезала Лесли. – Я также знаю, что вовсе не он тебя сейчас беспокоит.

– Я устал... – слабым голосом сказал Стрэнд. – И завтра у меня очень трудный день. Почему бы не отложить этот разговор до...

– Я не допущу, чтобы от меня что-то утаивали. Или я тебе друг, или же просто никто!

– Ну конечно, ты мне...

– Причем я чувствую, это как-то связано с семьей, – перебила его Лесли. – Что-то, о чем ты знаешь, а я – нет. Дело в том молодом человеке, который заезжал за Элеонор? Ты ведь разговаривал с ним. Он тебе не понравился, да?.. Я видела его из окна. Лично мне он показался вполне симпатичным. Надеюсь, ты ополчился против него не потому, что он итальянец?

– Но ты же знаешь меня, Лесли! Насколько я могу судить, он парень славный. И я ничего не имею против. Пожалуйста, давай спать!..

– Ты что, поссорился с Элеонор? – подозрительно спросила Лесли. – Предпринял одну из своих средневековых атак?

На секунду Стрэндом овладело желание рассказать Лесли, о чем в действительно-сти шел разговор с Элеонор. О ее нелепых выдумках, что младшая сестра уродлива. Об их дурацком споре, предметом которого служил нос Кэролайн. И о предложении Хейзена отправить Кэролайн учиться в колледж на Запад, так далеко от дома. Но Стрэнд не был готов к этому разговору. Он чувствовал себя вконец вымотанным, затравленным, растерянным. Стоит только выложить ей все это – и ночь сведется к яростным спорам. Он увидел, как дрожат у Лесли губы, и понял: сейчас она расплчется. Слезы жены всегда действовали на него угнетающе.

– Я ложусь спать, – заявил он.

– Ложись! – с вызовом сказала Лесли, поднялась с постели и вышла из комнаты. Минуту спустя он услышал ее игру на пианино. Все двери были распахнуты настежь. Верный и грозный признак надвигающейся бури.

Он вздохнул, надел пижаму и улегся в постель.

И заснул почти тотчас же, а когда среди ночи проснулся, увидел, что Лесли тоже в постели, только лежит на своей половине, как можно дальше отодвинувшись от него.

Утром, когда зазвенел будильник, она притворилась спящей. И Стрэнд поднялся, собрался и пошел на работу, даже не поцеловав жену, как обычно, на прощание. Она была спокойная и мудрая женщина с хорошим характером и совсем не любила спорить и ссориться. Но когда сердилась, гнев не утихал в течение нескольких дней. Держалась она при этом холодно и отстраненно, отчего он, Стрэнд, чувствовал себя посторонним в собственном доме.

Стрэнд сидел и смотрел через стол на Джудит Квинлен. Она пила кофе, держа кружку обеими руками, в свойственной ей милой детской манере, мягкие светло-серые глаза излучали сочувствие и заботу. И Стрэнд внезапно почувствовал, что ему следует довериться этой простой и славной женщине. Она умна и способна понять, она не вовлечена в его проблемы, к тому же можно вполне рассчитывать на то, что Джудит не разрыдается.

– Возникли кое-какие проблемы, – начал он. – Семейные проблемы. Нет, ничего драматического. Просто надо принять решение. Вырастив двух детей, человек почему-то уверен, что знает, как это делать, и вполне справится с воспитанием третьего. Однако это не так. Все они разные. И то, что проходит с одним, не всегда годится для другого, можно даже сказать – иногда совсем не годится. Возможно, я преувеличиваю, может, вовсе не стоит так уж беспокоиться. Пустить все на самотек... Но меня воспитывали... – Он пожал плечами. Стрэнд был единственным ребенком в семье, а потому рано узнал, что такое одиночество. Отец был гораздо старше матери. Болезненный человек, по сути своей неудачник. У него не было времени заниматься с сыном; приходя домой с работы, он тратил всю оставшуюся энергию на бесконечные споры с женой о деньгах. – Я вырос в семье, где был не слишком избалован любовью. – Он сухо усмехнулся. – Возможно, именно поэтому у меня выработалось преувеличенно сентиментальное понятие о том, что должна представлять собой семья... Когда появились дети, я почувствовал, что ответственен за них, что должен оберегать и защищать их. И к счастью, а может, напротив, к несчастью, жена моя всегда разделяла эти чувства. Мы с ней слишком вовлечены в их жизни. Наверное, это эгоизм, не знаю... Как сказал мне тут на неделе один человек, я потерял связь со временем... Это трудно понять.

– Им грозит опасность? – спросила Джудит. Глаза ее были полны тревоги, и Стрэнд понял, что мысленно она перебирает все возможные беды, в которые в наши дни могут угнать в Нью-Йорке молодые люди.

– О нет, ничего страшного, – улыбнулся Стрэнд. – Вообще-то даже наоборот. – И он рассказал ей о предложении Хейзена помочь устроить Кэролайн в колледж, который находится так далеко от дома, и о причинах, обуславливающих этот выбор. Но о реакции Элеонор и о причинах, по которым, как она считала, младшую сестренку следует держать дома, говорить не стал. Слишком уж болезненная тема... Даже вспоминая об этом, он вдруг ощутил неприязнь к старшей дочери и испугался этого чувства... – Первой моей реакцией было ответить отказом, – продолжил он. – Боюсь, просто была задета моя гордость. Осознание того, что меня исключили из процесса принятия решений, считая, видимо, что я не способен позаботиться о собственной дочери. Этот Хейзен, уик-энд, проведенный у него, заставил почувствовать себя неудачником...

– Чепуха! – сердито воскликнула Джудит. До этого она сидела неподвижно, вертела в пальцах кофейную чашку, а тут вдруг резко отставила ее в сторону.

Он нежно похлопал коллегу по руке.

– Я более чувствителен, чем кажусь на первый взгляд, верно?

– А что думает ваша жена? – спросила Джудит.

– О, это совсем другое. Я ей пока не говорил...

– Почему? – удивилась Джудит.

Он пожал плечами:

– Не знаю. Там, в чужом доме, где полно посторонних... А потом, когда мы вернулись к себе, она что-то почувствовала, и я... Не знаю, что на меня нашло, но я предпочел притвориться, что никакой проблемы не существует. Из меня всегда был никудышный притворщик. Ну, мы немножко поссорились... Боюсь, – после паузы добавил Стрэнд, – ссора будет иметь продолжение и сегодня. А в общем-то ничего страшного. Как-нибудь переживем, – с напускной веселостью заметил он. – Ну, что скажете?..

– Я не знакома с вашей дочерью, – ответила Джудит, – но если бы это был мой ребенок, я бы дала ему шанс. Я бы просто ухватила за него. И благотворительность тут ни при чем. Возможно, тут сказываются мои предубеждения... да и обстановка в нашей школе, которая всегда оставляла желать лучшего. Но убраться из этого ужасного города, поступить в хороший колледж – это же просто дар небес!.. Потому как получение образования в Нью-Йорке есть не что иное, как продолжение войны, только другими средствами.

Стрэнд рассмеялся.

– Сам Клаузевиц¹⁹ не сказал бы лучше! Надо процитировать это моему новому другу Хейзену. Возможно, следует высечь эти слова на порталах над входом в каждую школу. – Он оставил официантке на чай. – Думаю, нам пора.

¹⁹ Клаузевиц, Карл (1780–1831) – немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал, последователь философии Гегеля и Канта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.